

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗДАНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1895, № 4.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Типографія „Развитіе“, уголъ Воздвиженки и Кисловки, д. Шингѣ.

1895.

**Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей
Естествознанія, Антропологін и Этнографін.**

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Свадебные обряды въ Болгаріи. <i>Ө. Волкова</i>	1.
II. Сауръ Ванидовичъ. <i>Г. Потанина</i>	57.
III. Родины и крестины, уходъ за родильницей и новорожденнымъ. (По матеріаламъ, собраннымъ въ Тульской губ.). <i>Д. И. Успенскаго</i>	71.
IV. Изъ западно-европейской этнографической литературы. Новый взглядъ на исторію происхожденія семьи. (<i>John. Rich. Mucke, Horde und Familie</i>). <i>Н. Харузина</i> .	96.
V. Смѣсь:	
Замѣтки о разныхъ методахъ изученія народныхъ малорусскихъ думъ. <i>II. Житецкаго</i>	108.
Нѣкоторые обычаи и вѣрованія крестьянъ Череповецкаго уѣзда Новгородской губ. Сообщ. <i>М. К. Герасимовъ</i> . .	122.
Украинскія легенды и вѣрованія, связанныя съ именами нѣкоторыхъ святыхъ. Сообщ. <i>М. К. Васильевъ</i> . . .	126.
VI. Некрологъ: М. П. Драгомановъ. <i>А. Крымскаго</i>	129.
VII. Критика и библиографія.	
1. Книги, ученія и справочныя изданія.	135—171.
<p> Иога низъ Гаурн. Исламъ въ его вліяніи на жизнь его послѣдователей. Переводъ съ вѣм. П. И. Хомутова. <i>А. Крымскаго</i> (135). — Человѣческія расы. Народы Африки. Сост. подъ ред. Г. М. Пекаторова. (Общедоступная библиотека). <i>Н. Х.</i> (152).—М. Ковалевскій. Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. — Барль Каутскій. Возникновеніе брака и семьи. <i>Ею-же.</i> (153). -- А. И. Бодуэнъ де-Куртень. Матеріалы для южно-славянской диалектологіи и этнографіи. <i>М. См.</i> (154).—Арс. Марковичъ. Тапгиса. Опытъ указателя оцѣненій, касающихся Крыма и Таврич. губ. <i>Н. Х.</i> (155).—Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Описаніе Амурской области. Подъ ред. П. П. Семенова. <i>Ею-же.</i> (156). — Протоколи Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго Отдѣла И. Русс. Географич. Общества <i>Ею-же</i> (157).—В. Васильевъ. Географія Тибета. Переводъ изъ Миньчжунъ-Хутукти. <i>Ею-же</i> (158).—А. О. Heikel. Explora-</p>	

tions ethnologiques. (Travaux géographiques exécutés en Finlande). *Ею-же.* (159).—Труды IX Археологическаго Съезда въ Вильнѣ. Т. I, подъ ред. гр. П. С. Уваровой и С. С. Слудскаго *Ею-же.* (161). — В. С. Свѣтловъ. Кавказскія преданія и легенды *А. Халова.* (163). — М. Березковъ. Еще нѣсколько образцовъ народныхъ историческихъ пѣсенъ, запис. во Владимирской губ. *А. Лободы.* (164). — А. Н. Зерцаловъ. Къ матеріаламъ о воровствѣ въ древней Руси. *Н. Х.* (165). — Н. Θ. Катановъ. О наказаніи гнѣвныхъ богомольцевъ у татаръ Китайскаго Туркестана. — Д. Кочневъ. О погребальныхъ образахъ якутовъ Вилюйскаго округа Якутской губ. *Д. Н.* (166). — Шустовъ. Въ киргизскихъ степяхъ. *Ею-же* (167). — И. И. Шендриковскій. Къ этнографіи бурятъ. *Ею-же.* (168).—М. А. Гедевановъ. Запгеаурскій уездъ Елисаветпольской губ. въ медицинскомъ отношеніи. *Ею-же* (169). — Я. Т. Нейштабъ. Основы гигиены древняго міра. *Ею-же.* (170). — Календарь и памятная книжка Вятской губ. на 1895 г. *Ею-же.* (171).—

2. Обзоръ газетъ и журналовъ 172—179.

3 Новости этнографической литературы. 180.

VIII. Извѣстія и замѣтки. Якутская этнографическая экспедиція, снаряженная на средства И. М. Сибирякова. (182). — Изданіе великорусскихъ пѣсенъ (189). — Поѣздка И. А. Федосовой въ Москву (190).

IX. Приложение: Кавказская библиографія. („Обзоръ“ 1878—1880. „Закавказскій Вѣстникъ“ 1838 — 1847. „Кавказская Старина“. 1872). Продолж. Сост. *А. Хахановъ.* 193—194

X. Объявленіе объ изданіяхъ Этнографическаго Отдѣла. . . 192.

ПОПРАВКИ.

Кн. XXVI,	стр. 76,	строка 4	сл. вм. татаръ		д. б. хозарь
„ 145	„ 7-8	„ „	бессвѣчная	„	несчастная
„ „	„ 5-6	„ „	но, онъ	„	но онъ,
„ „	„ 2	„ „	Кауифана	„	Кауфмана
„ 146	„ 24-25	св. „	истинное настоя-		исловіе настоящаго
			щаго		смысла
„ „	„ 27	„ „	сина	„	звана

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ВЪ БОЛГАРИИ ¹⁾.

Бракъ у древнѣйшихъ обитателей нижней Болгарии и у волжскихъ болгаръ. Вліяніе христіанства. Отвѣты папы Николая I. Слѣди первообитнаго брака у современныхъ болгаръ. Бракъ и церковь. Собраніи молодежи и ея организація. Время заключенія браковъ.

Вопросъ о Дунаѣ, какъ о мѣстѣ первоначальнаго поселенія славянъ въ Европѣ и дальнѣйшаго расселенія ихъ въ разныя стороны, конечно, далеко нельзя считать еще вполне рѣшеннымъ. Но тѣмъ не менѣе всѣ изслѣдованія какъ археологическія (Шафарикъ), такъ и филологическія (Надежди и др.) приводятъ къ тому, что долго оспаривавшееся свидѣтельство начальной русской лѣтописи о томъ, что „по многѣхъ временахъ (послѣ потопа) сѣли суть словѣни по Дунаеву, гдѣ есть нынѣ Угорська земля и Болгарская“, начинаетъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе вѣроятія и находить себѣ такихъ компетентныхъ сторонниковъ, какъ, напр., проф. Ягичъ ²⁾. Не имѣя, конечно, намѣренія входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, мы считаемъ, однакоже, возможнымъ обратить вниманіе на то, что при обсужденіи его принимались до сихъ поръ всѣ данныя, кромѣ однихъ только, кажется, этнографическихъ, между тѣмъ какъ эти-то именно данныя, вѣроятно, болѣе всѣхъ прочихъ могутъ по-

1) Авторомъ уже ранѣе были посвящены отдѣльныя изслѣдованія изученію свадебныхъ обрядовъ у малоруссовъ, но они напечатаны внѣ Россіи, а именно: въ Сборникѣ за народныя умотворенія, наука и книжнина, изд. Болгар. минист. нар. просв. т. III, IV и V, и въ *Anthropologie* 1891 №№ 2, 4 и 5 и 1892, № 5. Настоящая статья, хотя и является какъ бы продолженіемъ этихъ изслѣдованій, представляетъ въ то же время отдѣльное цѣлое и даетъ весьма интересныя параллели къ обычаямъ у русскихъ народностей. *Ред.*

²⁾ Jagić. *Archiv für Slawische Philologie* I. B. s. 330 (Dunaj — Dunaj in der slawischen Volksproesse).

служить основаніемъ для его разрѣшенія. Разумѣется, это разрѣшеніе—дѣло будущаго, когда сколько-нибудь научная этнографія славянскаго міра будетъ въ состояніи доставить для этого достаточное количество матеріаловъ, и, въ особенности, когда будутъ изучены этнографически горныя племена Балканъ и Карпатовъ; но и въ настоящемъ это налагаетъ уже обязанность на всякаго изслѣдователя не оставлять этого вопроса безъ вниманія при всякой сравнительно-этнографической работѣ, касающейся дунайскихъ славянъ вообще, и, въ всякомъ случаѣ, оправдываетъ наше рѣшеніе обратиться, послѣ разсмотрѣнія свадебныхъ обычаевъ въ Украинѣ, къ южнымъ славянамъ, тѣмъ болѣе что въ интересующемъ насъ въ данное время вопросѣ мы больше всего можемъ надѣяться встрѣтить архаическіе элементы именно у этихъ народовъ.

Въ соціологіи сдѣлалось давно уже установленнымъ фактомъ то, что первобытные жители равнинъ и широкихъ долинъ прежде всего подвергались нападеніямъ новыхъ завоевателей и были вытѣсняемы оттуда въ горныя мѣстности, гдѣ остатки первобытнаго населенія и удерживались очень долго, а нерѣдко держатся и до сихъ поръ, сохраняя почти въ полной неприкосновенности свои архаическія бытовые черты. Такое явленіе представляютъ собой остатки меланезійскихъ племенъ въ горахъ Индіи, горскія племена на Кавказѣ, баски въ Пиринейхъ и т. п.; вѣчто подобное должны представлять собою по отношенію къ древнимъ дунайскимъ славянамъ горные жители Балканъ и Карпатъ, сохраняющіе у себя старинную форму семьи—задругу и множество другихъ не менѣ древнихъ особенностей. Разсматривая свадебные обычаи болгаръ, а особенно македонскихъ, мы увидимъ, что, несмотря на множество всевозможныхъ этнографическихъ и культурныхъ вліяній, нарушившихъ цѣльность и чистоту обряда, въ нихъ все-таки удержались таія этнографическія черты, которыя давнымъ-давно уже исчезли въ равнинахъ, въ томъ числѣ и въ Украинѣ.

Но если, съ одной стороны, этнографія южныхъ славянъ, а особенно болгаръ, представляетъ для насъ значительный интересъ, зато, съ другой стороны, она представляетъ и наибольшія трудности для изслѣдованія. Будучи въ антропо-

логическомъ отношеніи результатомъ смѣшенія двухъ совершенно различныхъ расъ—желтой, монголо-тюркской, и бѣлой, арийской, болгары подвергались такому множеству разнаго рода вліяній, какому не подвергался ни одинъ, кажется, изъ славянскихъ народовъ. Послѣ римскаго вліянія на население Мизіи до пришествія въ нее волжскихъ болгаръ началось вліяніе византійское; затѣмъ, наконецъ, турецкое, не говоря уже о вліяніяхъ болѣе второстепенныхъ. Каждое изъ этихъ вліяній должно было оставить свои слѣды и въ понятіяхъ, и въ обрядахъ, такъ что изслѣдователю, который долженъ разбираться во всемъ этомъ, предстоитъ, разумѣется, очень нелегкая задача, тѣмъ болѣе нелегкая, что для временъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, источники почти совершенно отсутствуютъ, а для изслѣдованія остается единственный путь сравненій и сопоставленій.

О древнѣйшихъ обитателяхъ нынѣшней Болгаріи—еракійцахъ и ихъ брачныхъ обрядахъ свѣдѣнія наши очень немногочисленны. Геродотъ говоритъ о нихъ только, что „они не смотрятъ за своими дочерьми и предоставляютъ имъ свободу отдаваться каждому, кто имъ понравится, но женщинъ своихъ они строго охраняютъ и покупаютъ ихъ себѣ у ихъ родителей за большія деньги“ ¹⁾. Затѣмъ есть болѣе интересное и болѣе подробное извѣстіе Помпонія Мелы: „Дѣвицъ, желающихъ выйти замужъ, родители отдаютъ женихамъ или за деньги, или такимъ образомъ, что ихъ выставляютъ публично на осмотръ. Дѣлаютъ и то и другое, смотря по мѣстному обычаю. Хорошія и красивыя дѣвушки цѣнятся очевъ дорого“ ²⁾. Такимъ образомъ, можно предполагать, что у древнихъ еракійцевъ произошелъ уже переходъ отъ похищенія дѣвицъ къ выкупу ихъ.

О славянахъ, смѣнившихъ еракійцевъ и, вѣроятно, съ ними смѣшавшихся, ясныхъ свѣдѣній, сколько намъ извѣстно, вовсе не имѣется. Попытки отождествленія этихъ мизійскихъ

¹⁾ Геродотъ. Lib. V. cap. 6.

²⁾ *Nupturae virgines non a parentibus viris traduntur, sed publice aut locantur ducendae, aut veneunt. Utrum fiat ex specie et moribus causa est. Probae formosaeque in pretio sunt: caeterae qui habeant, mercede quaeruntur.* (Pomponius Mela. De situ orbis., lib. II, cap. 2).

славянъ съ еракійцами не могутъ пока быть признаны научно доказанными, а послѣдняя изъ этихъ попытокъ, принадлежащая г. Партицкому ¹⁾, основана цѣлкомъ почти на сравненіи свадебныхъ и похоронныхъ обычаевъ, если не одинаковыхъ, то весьма близкихъ не только у всѣхъ арійскихъ, но и еще дальше отстоящихъ другъ отъ друга народовъ, а затѣмъ на крайне скользкой и неопредѣленной почвѣ мифологіи.

Тоже самое должно быть сказано и о Гетахъ и о Дакахъ, которыхъ Хиждеу считаетъ принадлежавшими къ одному еракійско-илирійскому племени ²⁾, а нѣкоторые писатели (Müllenhoff)—къ славянскому ³⁾.

Насколько сильно было римское вліяніе, особенно на населеніе придунайскихъ мѣстностей Мизіи, сказать пока трудно, но, во всякомъ случаѣ, оно должно было въ большей или меньшей степени существовать. Хотя римскіе легіонеры, занимавшіе дунайскія провинціи, и не могли жениться, ибо римскія дѣвицы въ лагерь не допускались, а съ паломниками римскіе граждане не имѣли права заключать настоящихъ браковъ (*connubium*), но зато—и тѣмъ болѣе у нихъ—должны были быть многочисленныя связи незаконнаго характера; лица же, служившія въ вспомогательныхъ войскахъ, какъ не римскіе граждане, а паломники, имѣли, разумѣется, право жениться и на мѣстныхъ дѣвушкахъ ⁴⁾, а слѣдовательно, могли вносить и свои обряды въ мѣстные свадебныя церемоніи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, что извѣстныя черты римскихъ брачныхъ обычаевъ, дѣйствительно, удержались и до сихъ поръ въ болгарскомъ свадебномъ ритуалѣ, но проникали-ли онѣ во время господства римлянъ на Дунай или нѣсколько позже черезъ Византію—это, разумѣется, съ точностью опредѣлить, кажется, будетъ очень трудно.

Что касается затѣмъ волжскихъ болгаръ, то о нихъ мы имѣемъ по интересующему насъ вопросу только указанія

¹⁾ О. Партицій: Де була европейска правѣтина славянъ? Дѣло 1891 № 127—139.

²⁾ Нѣждеу: *Istoria critica a Romaniloru*. Bucur. 1874, I, p. 292.

³⁾ А. В. Новеласке: *La Linguistique*, p. 894.

⁴⁾ Матв. Соколовъ. Изъ древней исторіи Волгаръ. Сиб. 1879, стр. 12.

нѣкоторыхъ арабскихъ писателей, указанія очень отрывочныя и притомъ относящіяся къ тому уже времени, когда часть волжскихъ болгаръ успѣла отдѣлиться и переселиться въ Мизію. И бнъ - Ф о ц л а н ъ, бывшій у болгаръ уже послѣ того, какъ они приняли магометанство, говоритъ о нихъ, что „у нихъ мужчины и женщиныкупаются вмѣстѣ въ рѣкѣ въ обнаженномъ видѣ и не закрываясь ничѣмъ другъ отъ друга“, но прибавляетъ при этомъ, что это не ведетъ у нихъ къ какимъ-нибудь предосудительнымъ послѣдствіямъ. Прелюбодѣяніе, по его словамъ, наказывалось у болгаръ очень строго: „если кто-нибудь будетъ въ этомъ уличенъ, то его, кто бы онъ ни былъ, привязываютъ за руки и за ноги къ четыремъ столбамъ, вбитымъ въ землю, и затѣмъ топоромъ просѣкаютъ его тѣло отъ затылка до бедръ; послѣ этого обѣ половины тѣла вѣшаютъ на дерево“. Такая же судьба постигаетъ и виновную женщину. „Я употребилъ много труда“, говоритъ онъ далѣе, „чтобы убѣдить мужчинъ и женщинъ закрываться другъ отъ друга, но не имѣлъ большого успѣха¹⁾. На основаніи этого свидѣтельства Ибнъ-Фоцлана и другихъ фактовъ Френъ пришелъ къ заключенію, что у древнихъ приволжскихъ болгаръ женщины пользовались сравнительно большой свободой²⁾. На это же указываетъ и свидѣтельство другого, хотя и болѣе поздняго арабскаго писателя А н д а л у з и, сообщающаго намъ очень цѣнное и

1) „Um sich zu baden steigen Männer und Weiber zusammen in einen Fluss, nackend, ohne sich gegenseitig mit irgend etwas zu bedecken. Doch treiben sie dabei auf keinerlei Weise unerlaubten Umgang mit einander. Hat aber Jemand diesen getrieben, sey er, wer er auch wolle, sie binden ihn mit Händen und Füßen an vier Pflöcke, die sie in die Erde geschlagen, und spalten mit einem Beile seinen Leib vom Genicke bis an die Lende. Ebenso verfahren sie mit dem schuldigen Weibe. Darauf hängen sie von beiden die Stücke an einen Baum auf... Jch habe mir viele Mühe gegeben sie dahin zu bringen, dass sich die Weiber beim Baden vor den Männern verschleierten, habe jedoch nichts bei ihnen ausgerichtet“. *Fraehn*: Die ältesten arabischen Nachrichten, ueber die Wolga-Bulgaren. J b n - F o s z l a n 's Nachricht von den Bulgaren (Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St. Petersbourg. 6 ser. t. I, p. 576).

2) „Letzterer Umstand... zeugt zugleich von einer weit grössern Freiheit des weiblichen Geschlechtes bei den alten Bulgaren, als demselben bei dem gleichzeitigen Russen Zustand“. *Fraehn*. Op. cit. p. 586.

едва ли не единственное извѣстіе о брачныхъ обычаяхъ приволжскихъ болгаръ. „Ихъ дѣвушки, говоритъ онъ, будучи еще дѣвственными, выходятъ изъ дому съ открытой головой, такъ что каждый можетъ ихъ видѣть; тотъ, кто чувствуетъ склонность къ одной изъ нихъ, набрасываетъ ей на голову покрывало (головной уборъ), и она становится его супругой, безо всякаго съ ея стороны отказа. Такимъ образомъ женятся на двадцати и даже еще болѣе особахъ“ ¹⁾. Наконецъ, еще одинъ тоже арабскій писатель Ибнъ-Дастъ сообщаетъ намъ, что „отъ всякаго изъ нихъ (т. е. болгаръ), кто женится, ихъ царь беретъ себѣ по верховой лошади“ ²⁾.

Собрать свидѣтельства для характеристики первоначальнаго семейнаго строя тюркскихъ болгаръ, переселившихся въ Мизию, также довольно трудно, такъ какъ главные источники ихъ—отвѣтъ папы Николая I на вопросы болгаръ и нѣкоторыя замѣтки византийскихъ писателей при описаніи болгарскихъ нападений—говорятъ о болгарахъ, когда эти послѣдніе жили уже вмѣстѣ съ славянами ³⁾. Все, что мы можемъ почерпнуть изъ этихъ свидѣтельствъ, сводится къ тому, что у болгаръ существовала полигамія, при чемъ они имѣли каждый не менѣе двухъ женъ. Болгарскіе князья имѣли обыкновеніе возить съ собой цѣлый гаремъ. Невѣсты получали въ видѣ приданаго золото, серебро, быковъ, лошадей и проч. ⁴⁾.

Вотъ и все, что намъ извѣстно о брачныхъ обычаяхъ собственно-тюркскихъ болгаръ. Этого, разумѣется, слишкомъ мало, чтобы прійти относительно ихъ къ какимъ-нибудь определеннымъ заключеніямъ, но все-таки приведенныя нами данныя заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя указанія, дающія

¹⁾ . „Leurs filles, encore vierges, sortent de leurs maisons la tête découverte, de sorte que chacun peut les voir: celui qui se sent de l'inclination pour l'une d'elles lui jette une coëffe sur la tête et elle devient son épouse sans qu'il éprouve aucun refus. Il en épouse vingt et même d'avantage“. *Charmois: Relation de Mas'oudy, dans les Mémoires de l'Académie Imp. de Sc. de St.-Pétersb. 6 ser. t. II, p. 47.*

²⁾ Хвольсонъ: Извѣстія Ибнъ-Даста и др. гл. III, пар. 6.

³⁾ Соколовъ: Изъ древней исторіи Болгаръ, стр. 91.

⁴⁾ Jireček. *Geschichte der Bulgaren. Prag, 1876, стр. 131 - 132.*

право на известныя предположенія. Фактъ совѣстнаго купанья мужчинъ и женщинъ въ обнаженномъ видѣ, приводимый Ибнъ-Фоцланомъ, самъ по себѣ не даетъ еще никакого повода дѣлать заключеніе о свободѣ вравовъ у волжскихъ болгаръ, такъ какъ фактъ этотъ встрѣчается и до сихъ поръ въ очень многихъ мѣстностяхъ Великороссіи, Румыніи и другихъ странъ, ничуть не обуславливая собой свободы половыхъ отношеній даже до брака. По всей вѣроятности, и самъ Френъ говоритъ въ этомъ случаѣ о свободѣ только въ смыслѣ отсутствія затворничества. Гораздо болѣе говоритъ въ этомъ отношеніи свидѣтельство Андалузи. Покрываніе головы женщины у большинства народовъ означало и означаетъ подчиненіе ея мужчинъ и вступленіе въ бракъ; но на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія, и особенно у восточныхъ народовъ, оно могло означать просто выборъ или предпочтеніе, оказываемое известной женщиной. „У арабовъ“, говоритъ компетентнѣйшій изъ изслѣдователей брачныхъ обрядовъ Ed. du Meril, „достаточно еще дать покрывало рабынѣ, чтобы возвестить ее въ званіе ковкубины, призываемое закономъ, и платокъ, который султанъ бросаетъ своимъ женамъ, чтобы показать такимъ образомъ свой выборъ, по всей вѣроятности,—имѣетъ то-же происхожденіе“¹⁾. Заявляемый такимъ образомъ, какъ рассказываетъ Андалузи, выборъ могъ

1) Ed. Du Meril. Des formes du mariage et des usages populaires qui s'y rattachaient dans les Etudes sur quelques points d'Archéologie. P. 1862. стр. 18. Если не покрываніе головы, то „сриваніе платка или кольца съ руки дѣвушки у оренбургскихъ казаковъ равносильно предложенію выйти въ замужество, и дѣвушка, у которой отняты эти вещи, считается засватанной и ждетъ сватовъ въ родительскій домъ. Пономаревъ: Обрядовый обычай. (Сѣверный Вѣстникъ, 1890, іюнь, стр. 71). По мнѣнію М. М. Ковалевскаго, эти обычай являются солидарными съ тѣми принципами, какихъ придерживаются мусульманскіе законовѣды школы Шафанъ, запрещающіе постороннимъ мужчинамъ поднимать вокровъ съ лица женщины и приравнивающіе прикосновеніе къ ея рукѣ или тѣлу къ числу недозволенныхъ дѣйствій, а потому считющіе дѣйствіями равносильными насильственному узору тѣ случаи, когда молодой человекъ позволяетъ себѣ схватить дѣвушку за руку или приложить свои пальцы къ ея груди... Случается, что юноша, напавшій на дѣвушку, отниметъ у нея платокъ, схватитъ ее за руку или за грудь и потомъ удалится. Это называется „поймать дѣвушку“ и имѣетъ равносильное значеніе съ похищеніемъ. Макс. Ковалевскій: Законъ и обычай на Кавказѣ, II, стр. 168.

происходить у болгаръ только въ трехъ случаяхъ: если дѣло шло о женщинахъ завоеваннаго народа, или—при существованіи коммунальнаго брака, когда каждый мужчина одного клана могъ имѣть право на каждую женщину другого, или, наконецъ, при господствѣ половой свободы дѣвушекъ до вступленія ихъ въ бракъ, какъ это имѣетъ мѣсто у очень многихъ примитивныхъ народовъ. Изъ всѣхъ этихъ случаевъ первый кажется вамъ достаточно вѣроятнымъ для предположенія, такъ какъ коммунальный бракъ врядъ ли могъ держаться еще у болгаръ, при существованіи патриархальной семьи, доказываемомъ строгими наказаніями за нарушеніе супружеской вѣрности и фактомъ полигаміи, во мы ве знаемъ, насколько онъ приложимъ къ болгарамъ въ то время, когда ихъ видѣлъ Андалузи. Что же касается послѣдняго случая, то и онъ имѣетъ свою долю вѣроятія, тѣмъ болѣе что строгость нравовъ въ супружествѣ вовсе не исключаетъ половой свободы у дѣвушекъ, какъ это, напр., мы можемъ видѣть у нѣкоторыхъ африканскихъ народовъ, у которыхъ дѣвушки до замужества ходятъ совершенно обнаженными и пользуются полной свободой¹⁾, или какъ это было у карайбовъ, картина брачныхъ отношеній у которыхъ въ главныхъ чертахъ очень близко напоминаетъ то, что мы можемъ извлечь изъ приведенныхъ нами данныхъ относительно болгаръ, особенно до окончательнаго утвержденія между ними магометанства: „цѣломудріе дѣвушекъ у нихъ (карайбовъ) не особенно соблюдалось; онѣ не носили одежды до выхода въ замужество; многоженство было всеобщимъ, при чемъ каждый мужчина могъ жениться на всѣхъ сестрахъ, принадлежавшихъ къ одному и тому же семейству, но нарушеніе супружеской вѣрности у нихъ очень строго наказывалось“²⁾.

Не имѣя, такимъ образомъ, въ нашемъ распоряженіи почти ничего, что могло бы вамъ указывать на переживанія древнихъ болгарско-тюркскихъ обычаевъ въ свадебныхъ обрядахъ современныхъ намъ болгаръ, мы можемъ до нѣкоторой степени обращаться за подобными указаніями къ вѣкто-

¹⁾ G a y a. Cérémonies nuptiales. стр. 108.

²⁾ A. Réville. Les Religions des peuples non civilisés. P. 1883, I. стр. 336.

рымъ народамъ, живущимъ и до сихъ поръ, очень близкое родство которыхъ съ древними тюркскими болгарамъ можно считать болѣе или менѣе доказаннымъ. Таковы, напр., чуваша, о которыхъ И р е ч е к ъ говоритъ: „Die Tschouwaschen bei Kazan sollen die Ueberreste der Wolga-Bolgaren sein“¹⁾. Затѣмъ, удѣлѣвшимъ племенемъ болгаръ гг. В с. О. М и л л е р ъ и М. М. К о в а л е в с к і й считаютъ также кавказскихъ балкаръ, живущихъ на сѣверномъ склонѣ кавказскихъ горъ, между притокомъ Терека Урухомъ и Эльборусомъ, по верховьямъ рѣкъ Черева, Чеима и Боксана. Еще въ статьѣ своей: „Въ горскихъ обществахъ Кабарды“²⁾ эти ученые выразили предположеніе, что, можетъ быть, названіе балкаръ есть одинъ изъ видовъ имени болгаръ, которое, какъ видно изъ географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, было въ разныхъ формахъ извѣстно на сѣверномъ Кавказѣ; въ формѣ болхары приводится это имя русскими посланци Никифоромъ Тологановымъ и дьякомъ Алексѣемъ Іевлевымъ, которые въ 1650 г. ѣздили отъ царя Алексѣя Михайловича къ имеретинскому царю Александру и проѣзжали черезъ балкарскія земли (Б р о н е в с к і й, Извѣстія о Кавказѣ и пр., II стр. 211). Затѣмъ, въ недавно вышедшей книгѣ М. М. К о в а л е в с к а г о мы читаемъ о тѣхъ же балкарахъ: „Проф. Миллеръ (Осетинскіе этюды, ч. II, стр. 60, 61, 104) говоритъ, что, по словамъ Проконія, южную границу болгаръ составляло устье Кубани, что современникъ Проконія, Иорнандъ, говоритъ о жилищахъ болгаръ надъ Понтомъ, и что Теофанъ помѣщаетъ древнюю или великую Болгарію между Меотійскимъ озеромъ и рѣкою Куфисъ (Кубанью). У Константина Багрянороднаго и въ договорѣ Игоря съ греками Болгарія носить наименованіе Черной. Гг. Ламбинъ и Иловайскій, отказываясь отъ взглядовъ прежнихъ историковъ и, въ числѣ ихъ, Карамзина, помѣщаютъ эту Черную Болгарію не на берегахъ Дуная, а на берегахъ Азовскаго моря вплоть до Кубани. Въ недавно открытомъ новомъ спискѣ армянской географіи Моисея Хоренскаго (конца VII стол.) разныя ко-

1) И р е ч е к ъ. О р. cit. стр. 180.

2) Вѣстникъ Европы. 1894. Апр., стр. 554.

лѣна болгаръ также отнесены къ сѣверу отъ Кубани. Всѣхъ этихъ колѣнъ Моисей Хоренскій насчитываетъ четыре. Названія болгаръ кавказскихъ встрѣчаются у составителя географіи въ разныхъ формахъ: болгаръ, булкаръ, блкаръ, болкаръ. Въ видѣ предположенія проф. Миллеръ высказываетъ мысль, что въ названіи тюркскаго общества, живущаго въ долинѣ Чорека, балкары—сохранилось одно изъ обозначеній кавказскихъ болгаръ. „Тюркская народность балкарцевъ и близость ихъ имени къ одной изъ формъ имени болгаръ (болкаръ), приводимой армянской географіей VII в., невольно наводитъ на предположеніе, говоритъ проф. Миллеръ, не скрываются ли въ балкарцахъ послѣдніе потомки одной изъ вѣтвей кавказскихъ болгаръ“¹⁾.

Наконецъ, въ связи съ взглядами на чувашъ, какъ на потомковъ древнихъ болгаръ, оказываются чрезвычайно интересными, съ нашей точки зрѣнія, этнографическія данныя о народѣ, который получилъ всю свою культуру отъ волжскихъ же болгаръ и ихъ потомковъ-чувашей, а именно о черемисахъ. „Говорить о культурномъ вліяніи чувашей на черемисъ“, пишетъ авторъ превосходной монографіи о черемисахъ, проф. Казанскаго университета И. Н. Смирновъ, „въ настоящее время можетъ показаться страннымъ: чуваша ничѣмъ не культурнѣе черемисъ, горные черемисы даже развитѣе ихъ и смотрятъ на нихъ съ пренебреженіемъ. Но чуваша не всегда были такимъ дивнымъ народомъ, какъ теперь. Существуетъ весьма основательная гипотеза, что это племя представляетъ собою потомковъ болгаръ, создавшихъ цивилизацію средняго Поволжья. Разсмотрѣніе заимствованныхъ черемисами у чувашъ словъ, продолжаетъ онъ дальше, показываетъ, что культурное воздѣйствіе тюркскихъ народовъ на черемисъ было громадно. Подъ тюркскимъ вліяніемъ созданъ у черемисъ переходъ отъ охотничьей жизни къ скотоводству и земледѣлю, сложился осѣдлый бытъ, домашняя обстановка, костюмъ, возникла торговля и связанная съ ней экономическая дифференціація, явились зародыши общественной организаціи, получили дальнѣйшее развитіе

¹⁾ Макс. Ковалевскій: Законъ и обычай на Кавказѣ. I, стр. 190—191.

вѣрованія... Подъ болгарскимъ вліяніемъ прошла исторія развитія черемискаго жилища, появилась изба съ очагомъ и дымовымъ окномъ; освѣщій на одномъ мѣстѣ черемись обзавелся домашнимъ скотомъ; за скотоводствомъ онъ обучился у болгаръ и земледѣлію... подъ болгарскимъ вліяніемъ около черемискаго двора появился огорождъ (пахча), черезъ болгаръ онъ познакомился съ телѣгой (ораба); подъ болгарскимъ вліяніемъ сложилась и домашняя обстановка черемисина; живя рядомъ съ болгарами, къ которымъ пріѣзжали купцы изъ далекихъ азіатскихъ странъ, черемисы получили понятіе о торговлѣ, о мѣстахъ, гдѣ люди мѣняются вещами (пазарь), о деньгахъ, о кредитѣ, о хозяевахъ и рабочихъ, о домашнемъ комфортѣ, одеждѣ, украшеніяхъ, униженныхъ монетами, о богѣ, ангелахъ и пр. Сосѣди знали эти дѣла лучше ихъ... арабскіе миссіонеры просвѣтили ихъ и научили... Отношенія къ женщинамъ у сосѣдей тоже слагались иначе... Беспорядочныя сношенія между полами признавались здѣсь порокомъ и клеймились именемъ разврата, каждая пара со своими дѣтьми составляла особую группу, которая называлась семьей (йешъ), женщина, связавшая свою жизнь съ жизнью мужчины, называлась его товарищемъ, спутникомъ (йолдашъ); сожителство мужчины и женщины устанавливалось съ согласія родителей послѣдней, которые получали за нее выкупъ (калымъ), женщина, у которой умеръ мужъ, называлась вдовой (тулукъ). Всѣ эти новыя явленія вошли постепенно и въ черемисскій семейный строй¹⁾. Такимъ образомъ, и въ обычаяхъ черемисъ мы, можетъ быть, будемъ въ состояніи найти объясненія того, что для насъ окажется непонятнымъ въ свадебныхъ обрядахъ современныхъ болгаръ, подчинившихся, какъ мы увидимъ дальше, вполне славянскому вліянію, но все-таки удержавшихъ у себя кое-какія черты изъ своего далекаго прошлаго.

Христіанство, введенное въ Болгарію въ IX вѣкѣ, повидимому, не сразу внесло существенныя измѣненія въ строй семьи смѣшавшихся между собою болгаръ и славянъ. У самихъ византійцевъ бракъ до VI вѣка еще былъ, какъ извѣст-

1) См и р и о в ъ: Черемисы. Казань. 1889, стр. 24—29.

но, установленіемъ чисто гражданскимъ, и только при Юстиніанѣ принялъ характеръ церковнаго таинства и обряда ¹⁾. Въ первое время послѣ принятія христіанства не только греческія духовныя власти, но и сами византійскіе императоры смотрѣли сквозь пальцы на полигамію, а иногда даже ее и протезжировали ²⁾, въ особенности, если она являлась въ смягченной формѣ легкаго развода. Тѣмъ не менѣе Фотій въ своемъ посланіи къ царю Борису даетъ уже очень энергическія наставленія избѣгать многоженства, которое у болгаръ (какъ и у всѣхъ, впрочемъ, другихъ народовъ) практиковалось, какъ извѣстно, только въ высшихъ сословіяхъ. „Правитель, писалъ онъ, не долженъ подчиняться влиянію женщинъ и быть рабомъ похотей; тотъ не грѣшитъ, кто живетъ съ одной законной женой, но многоженство срамно и гнусно и свойственно необузданности и нечистотѣ бессловесныхъ“ ³⁾. Очень можетъ быть, что извѣстные вопросы царя Бориса папѣ Николаю I, были вызваны отчасти, какъ это думаетъ г. Соколовъ, надеждой на какія-нибудь уступки со стороны римской церкви относительно многоженства: „Вопросъ о томъ, говоритъ этотъ ученый, какого папа мнѣнія о греческомъ обычаѣ брачнаго сожителства, могъ возникнуть у болгаръ и самостоятельно, ибо имъ трудно было отказаться отъ многоженства, и они могли ожидать отъ Рима менѣе строгаго закона“ ⁴⁾. Вопросы эти и знаменитые отвѣты на нихъ папы Николая I, къ которымъ намъ не разъ придется обращаться въ настоящей статьѣ, показываютъ между прочимъ, что тогдашніе болгары были очень заинтересованы не только, такъ сказать, юридической стороною брака, но и вопросами о брачныхъ обрядахъ ⁵⁾, что и весьма естественно, такъ какъ христіанство, очевидно, не могло обнаруживать, въ концѣ концовъ, особенной терпимости въ языческимъ обря-

¹⁾ Балджиевъ: Студія върху нашето персонално съпружество и право (Сборникъ за народни умотвор. IY. стр. 160).

²⁾ *ibid.* стр. 175.

³⁾ Соколовъ: *Op. cit.* стр. 181

⁴⁾ Соколовъ: *Op. cit.* стр. 183.

⁵⁾ *Responsa ad consulta Bulgarorum* (Migne Patrologiae cursus compl. S. II, t. CXIX. p. 979, 980).

дамъ болгаръ и славянъ. „Книжники того времени, говорить г. Пыпинъ, смотрѣли свысока на не книжность народной массы;... проповѣдники аскетической нравственности считали вообще нравы и обычаи народа бѣсовскими и грѣховными“¹⁾. Тѣмъ не менѣе народныя воззрѣнія и обычаи держались крѣпко, и даже въ царствованіе Симеона эвзарху Іоанну приходилось жаловаться на продолжавшихъ еще существовать еретиковъ и язычниковъ, которыми были, вѣроятно, главнымъ образомъ славяне: „да ся срамлятсѣ убо, писалъ онъ, всѣ пошибени и сиверниі Манихеи и вси погани (т. е. язычники) словени и вси языцы зловѣрниі“²⁾. „Официальный греческій клиръ, относившійся съ пренебреженіемъ и враждою къ народной жизни и ея патріархально-бытовому обычаю, какъ это было и у болгаръ, и у сербовъ, и у русскихъ, не могъ, конечно, истребить „бѣсовскихъ пѣсень“; повѣстическая потребность народа не могла быть истреблена, и народъ... сохранялъ и создавалъ свою особую область повѣстическихъ преданій“³⁾. Съ другой стороны, народу приходилось отстаивать бракъ съ его языческой обрядностью и отъ богомильства. Однимъ изъ существеннѣйшихъ пунктовъ того ученія было, какъ извѣстно, полное отрицаніе брака, вѣроятно, въ связи съ преданіемъ о томъ, что Адамъ и Ева были научены плотскому грѣху діаволомъ. Косма пресвитеръ говоритъ, что, по мнѣнію богомиловъ, „того (т. е. діавола) повелѣніе — жены поимати .. женяпашася челоувѣки и живуція въ мѣрѣ Мамонины слуги зовуть“;⁴⁾ дѣтей богомилы ненавидѣли и звали ихъ мамоничища и діаволичища. Этотъ послѣдній предразсудокъ, прибавляетъ г. Пы-

1) Пыпинъ и Спасовичъ: Исторія славянск. литературъ, изд. 1879. I, стр. 60.

2) *ibid.* стр. 65.

3) *ibid.* стр. 75.

4) Впрочемъ, по мнѣнію г. Дринова, богомилы вовсе не были такими аскетами по отношенію къ женщинамъ, какъ ихъ обыкновенно представляютъ. (Дриновъ—Южные славяне и Византия въ X вѣкѣ. М. 1876. стр. 76). Но тѣмъ не менѣе въ намативкахъ ихъ, дошедшихъ до насъ и напечатанныхъ, напр. проф. Ягичемъ, говорится: „Горько бо есть богомильское ученіе, братіе! Меса велеть не ѣсти, вина не пити, жени не поимати... глаголюще ѣко вино и жена отъ діавола есть“ (*ib.* стр. 75).

пинъ, до сихъ поръ живеть въ сербскомъ народѣ, по понятіямъ котораго въ бракѣ есть грѣхъ, — и въ эпическомъ языкѣ сынъ обыкновенно называетъ отца своимъ родителемъ по гријеху, т. е. черезъ грѣхъ ¹⁾. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется встрѣтиться съ остатками подобныхъ идей и въ Болгаріи.

Но, несмотря однако на всѣ перечисленныя нами вліянія и обстоятельства, которыя должны были сгладить въ Болгаріи народныя воззрѣнія на бракъ и старинныя свадебные обряды, они все-таки удержались, если не въ полной чистотѣ и неприкосновенности, какъ у малоруссовъ, то съ не меньшей, какъ у нихъ, силой и стойкостью, при чемъ славянскій элементъ, какъ мы увидимъ далѣе, взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ тюркскимъ и прочими, оставившими по себѣ только не особенно ясныя черты. Какъ и слѣдуетъ ожидать отъ всякой горной страны, въ которой сообщенія между жителями различныхъ долинъ очень трудны и рѣдки, въ которой почти каждый округъ имѣетъ свои рѣзкія отличительныя черты, выражающіяся въ отбѣнкахъ языка, въ разницѣ костюма и всевозможныхъ обычаевъ, въ различныхъ мѣстностяхъ Болгаріи — въ восточной и западной придунайской Болгаріи, въ ущельяхъ Балканъ, во многихъ частяхъ равнины Тракии, на южныхъ склонахъ Родопскихъ горъ, въ южной и западной Македоніи ²⁾ — свадебные обряды очень различны, но въ основныхъ чертахъ они имѣютъ вполне родственныя, совершенно общій характеръ и носятъ, какъ мы сказали уже, отпечатокъ очень глубокой старины.

Между этими разбросанными тамъ и сямъ остатками старины первое мѣсто должно принадлежать, разумѣется, примитивнымъ формамъ брака, удержавшимся до нашего времени — за вличанію, или за сурнуванію, и по купцкѣ дѣвушекъ.

Обычай *замличанія*, соответствующій умыканію древне русской лѣтописи и отмицѣ у Сербовъ, по словамъ г. Боева, существуетъ еще почти вездѣ въ Болгаріи: въ

¹⁾ Пинкичъ: *Op cit.* стр. 77—78.

²⁾ Боевъ: Къ брачному праву болгаръ, стр. 2—8.

въ округахъ Болграда, Русчука, Котла, Сливна, Драмы, Прилѣпа, и если начинаетъ исчезать въ Придунайской Болгаріи, то держится еще во всей силѣ въ Македоніи. Похищеніе дѣвушекъ происходитъ очень часто даже въ такихъ случаяхъ, когда въ немъ не представляется никакой надобности, когда не существуетъ никакихъ препятствій къ браку ни со стороны невѣсты, ни со стороны родителей ¹⁾. Въ такомъ видѣ похищеніе это просто представляетъ собой фактъ переживанія, тотъ же обрядъ, который мы видимъ какъ въ болгарской, такъ и въ прочихъ славянскихъ свадьбахъ, но только въ его наиболѣе сохранившейся формѣ. Затѣмъ, чаще всего дѣвушку похищаютъ, въ случаѣ несогласія на бракъ со стороны ея родителей; тогда очень часто дѣло не обходится безъ неприятностей, погони (потери) и даже кровопролитія ²⁾. Впрочемъ, очень возможно, что такое несогласіе со стороны родителей бываетъ иногда только притворнымъ, и похищеніе происходитъ, съ ихъ вѣдома, для избѣжанія свадебныхъ расходовъ ³⁾, какъ это дѣлается въ Поволжскихъ губерніяхъ Великороссіи ⁴⁾. Наконецъ, наиболѣе примитивный характеръ имѣетъ похищеніе дѣвушекъ вполне насильственное, противъ ихъ воли. Если молодой человекъ желаетъ овладѣть дѣвушкой, которая не отвѣчаетъ на его чувства и не хочетъ выходить за него замужъ, онъ приглашаетъ нѣсколько друзей, подстерегаетъ съ ними дѣвушку и, выбравши удобный моментъ, похищаетъ

1) *ibid.* стр. 6—7.

2) Бобчевъ — Наука. ч. III кн. II стр. 34.

3) По мнѣнію г. П. Р. Славейкова, выраженному въ статьѣ его *Българскатѣ пословици* (Периодическо Списание II, 1883), тоя причина е, че момъкътъ не можави до заплати баба-хакъж (обща) и проч. Бобчевъ. *Op. cit.* стр. 34.

4) „Браки убѣгомъ совершаются во избѣжаніе свадебныхъ расходовъ, для видности, что имѣетъ мѣсто у православныхъ крестьянъ всѣхъ народностей. Такіе же браки совершаются и у раскольниковъ, когда они отдають своихъ дочерей за православныхъ, съ цѣлю не показати холодности къ своимъ вѣрованіямъ. Евилъ Соловьевъ — *Очерки народнаго юридическаго бита*. Казань. 1888 (оттискъ изъ Казан. Губернска. Вѣдомостей, доведенный только до 72 стр., такъ какъ дальнѣйшее печатаніе было прекращено по распоряженію мѣстнаго губернатора). стр. 27.

ее силой, при чемъ ей зажимають ротъ, чтобъ не было слышно ея крика, и утаскивають куда-нибудь въ горы и держать тамъ нѣсколько дней, пока не заставятъ ее, въ концѣ концовъ, отдаться своему похитителю, который, немедленно „развѣла дѣвството и“¹⁾. Затѣмъ являютъ къ духовному начальству, которое, какъ говоритъ г. Боевъ, никогда почти не отказываетъ въ благословеніи брака, хотя бы и совершаемаго противъ воли родителей. Совершенно подобные же нравы мы находимъ и у черемисъ казанской губерніи. Въ XVIII вѣкѣ у нихъ женихъ съ товарищами врывается силою въ домъ невѣсты, захватываетъ ее и спѣшиль вступить съ ней фактически въ бракъ еще на дорогѣ въ домъ и при свидѣтеляхъ. Въ Малмыжскомъ уѣздѣ и теперь еще невѣсту похищаютъ изъ хоровода или въ лѣсу... и если она не соглашается добровольно слѣдовать за похитителями, ее бьютъ и, несмотря на отчаянное сопротивление, увозятъ въ домъ жениха²⁾.

Описывая подобные же нравы дагестанскихъ горцевъ, у которыхъ точно такъ же „отверженный женихъ подкарауливаетъ любимую имъ дѣвушку, въ обществѣ нѣсколькихъ товарищей овладѣваетъ ею силою, тащитъ въ напередъ приготовленное убѣжище и немедленно безчеститъ ее“, М. М. Ковалевскій прибавляетъ, что „это дѣлается съ цѣлю, чтобы ни дѣвушка, ни ея родственники не могли отказать похитителю въ ея рукѣ“³⁾. „По ученію законовѣдовъ мусульманской школы Шафая“, говоритъ дальше тотъ же авторъ, „отецъ вправѣ распоряжаться рукою своей дочери лишь въ томъ только случаѣ, если она только дѣвственница; потеря цѣломудрія прекращаетъ свободу отца въ выборѣ мужа для дочери“⁴⁾. Мы не думаемъ, чтобы возможно было предполагать въ болгарскомъ обычаѣ вліяніе Шаріата; несомнѣнно, что это обычай гораздо болѣе древній и притомъ общечеловѣческій, и, по всей вѣроятности, у мусульманскихъ народовъ

1) Либеновъ. Баба-Ера стр. 74; Бобчевъ Op. cit. l. c. Bogiŭiŭc: Sbornik zadornih pravnih obiŭaja u juŭnih slovena. стр. 199.

2) Смирновъ: Черемисы, стр. 129.

3) Макс. Ковалевскій: Законъ и обычай на Кавказѣ. I, стр. 176.

4) *ibid.* стр. 175.

онъ былъ только освѣщенъ Шаріатомъ, въ силу давней привычки, перешедшей въ законъ.

Рядомъ съ разными видами похищенія всѣ источники, изъ которыхъ мы черпаемъ свѣдѣнія о праздничныхъ обычаяхъ болгаръ, ставятъ обыкновенно также и пристанки, оригинальный видъ брака, заключающійся въ томъ, что дѣвушка, сговорившись иногда предварительно съ женихомъ и забравши въ небольшомъ узлѣ свою одежду и вообще, что можетъ захватить изъ своихъ пожитковъ, сама приходитъ къ жениху въ домъ его родителей. Придя, она приближается къ огню на очагѣ и мѣшаетъ его, показывая тѣмъ, какъ говорить г. Богишичъ, что пришла подъ защиту обители. Затѣмъ она цѣлуетъ руки у домашнихъ и, отойдя въ уголъ, стоитъ тамъ, въ ожиданіи отвѣта отъ главы семьи — домакина. Принятіе ея выражается, по словамъ Каница и Чолакова, тѣмъ, что ее приглашаютъ сѣсть къ огню. При заключеніи брака такимъ образомъ, женихъ не платитъ агарлыкя родителямъ невесты и не даетъ подарковъ ей родственникамъ; сама она не получаетъ приданого; на свадьбѣ не бываетъ никто изъ ея родни, но зато, если послѣ первой ночи невеста окажется не сохранившей дѣвственности, она не можетъ уже быть отправлена обратно къ своимъ родителямъ, какъ это бываетъ въ подобныхъ случаяхъ при обыкновенной свадьбѣ ¹⁾.

По объясненію авторовъ, сообщающихъ намъ эти подробности, этотъ видъ брака практикуется въ тѣхъ случаяхъ, когда родители невесты ни за что не соглашаются на бракъ ея съ избраннымъ ею женихомъ, а похищеніе ея не можетъ быть устроено или по неудобству, или потому, что обычай этотъ вывелся изъ употребленія (Боевъ), или же просто изъ экономіи, когда женихъ и его семья не имѣютъ достаточно средствъ, чтобы заплатить агарлыкя и купить подарки

¹⁾ Дъбелонъ: Баба-Ега. стр. 73; Чолаковъ. Op. cit. стр. 27; Bogiſiĉ, Op. cit. стр. 193; Боевъ. Op. cit. стр. 9. Обычай, по которому сами дѣвушки приходятъ къ жениху, встрѣчается, повидимому, и у нѣкоторыхъ примитивныхъ народовъ. Такъ, въ Гвѣанѣ, une fille apporte son hamac à côté de celui de l'époux qu'elle a accepté, l'attache et tout est fini (Laumier. Cérémonies nuptiales. p. 328.

(Любеновъ, Чолаковъ, Славейковъ). Последняя изъ этихъ причинъ имѣеть, вѣроятно, уже позднѣйшее происхожденіе. Первая имѣеть характеръ болѣе естественный и болѣе древній, судя по той роли, какую играетъ въ ней огонь домашнего очага и прикосновеніе въ нему пришедшей въ чужой родъ дѣвушки. Совершая этотъ послѣдній актъ, дѣвушка, съ одной стороны, ставитъ родителей своего жениха въ невозможность прогнать ее ¹⁾, а тѣмъ самымъ и снимаетъ съ нихъ и съ жениха, равно какъ и со всего его рода, всякую отвѣтственность передъ своимъ родомъ, съ другой же стороны, поставивши себя подъ защиту очага новой семьи, она разрываетъ связь съ своей семьей и лишаетъ ее права забрать ее силой. Въ этомъ отношеніи интересно то, что нѣкоторые авторы, какъ напр. г. Бобчевъ, называютъ пристанками вообще всякій видъ похищенія дѣвушки съ ея согласія и даютъ имя пристануши всякой дѣвушкѣ, согласившейся быть похищенной или вообще выйти замужъ помимо воли своихъ родителей и не соблюдя хоть бы декорума сопротивленія жениху ²⁾. Но возможно также, что въ происхожденіи этого обычая играло роль и то право, которое признается практикой дагестанскихъ судовъ за каждой обезчещенной и забеременѣвшей дѣвушкой или даже вдовой, — право ворваться силой въ домъ ея соблазнителя, родить тамъ ребенка и тѣмъ принудить его взять ее себѣ въ жены ³⁾. На это же намекаетъ отчасти подобный же украинскій обычай, о которомъ мы имѣли уже случай упоминать въ прежнихъ своихъ работахъ по этому вопросу. По словамъ Боплана, въ старинной Украинѣ дѣвушка такъ же приходила въ домъ жениха и требовала, чтобы онъ на ней женился, при чемъ роди-

1) Боевъ говоритъ, впрочемъ, что если родители жениха несогласны на такую свадьбу своего сына или вообще не желаютъ брать на себя отвѣтственности передъ родителями невесты, то дѣвушка идетъ въ домъ кого-нибудь изъ родственниковъ жениха и съ нимъ остается тамъ, пока поднимался вслѣдствіе этого ссора не стихнетъ (*ibid.* стр. 9). Но и въ этомъ случаѣ дѣвушка все таки остается подъ охраной семейнаго очага въ домѣ родственника жениха, гдѣ ее преслѣдовать или взять обратно, очевидно, нельзя.

²⁾ Бобчевъ. — Наука III, стр. 34.

³⁾ М. Коналевскій: Законъ и обычай, II стр. 168.

тели его не смѣли этому препятствовать, боясь гнѣва Божия или какого-нибудь несчастія, такъ какъ выгнать отъ себя дѣвушку было бы въ подобномъ случаѣ оскорбленіемъ всего ея рода и могло бы повлечь разныя непріятности, а съ другой стороны, боясь гнѣва и наказанія со стороны церкви, которая, будучи очень строгой въ такихъ случаяхъ, предписывала покаяніе и налагала большія наказанія, покрывая весь домъ безчестіемъ^{*)}. По всей вѣроятности, это вмѣшательство церкви въ Украинѣ и крайне снисходительное ея отношеніе къ подобнымъ случаямъ въ Болгаріи можетъ имѣть только такое объясненіе.

Что касается, затѣмъ, другого примитивнаго вида брака—купли невѣсты, то и онъ сохранился на Балканскомъ полуостровѣ, подобно умыканію, несравненно больше, чѣмъ у всѣхъ прочихъ славянскихъ народовъ, а въ Болгаріи представляетъ собою чрезвычайно большой теоретическій интересъ, сохранивши въ себѣ черты какъ въ купу невѣсты, въ смыслѣ удовлетворенія ея рода за нанесенный имъ хищеніемъ дѣвушки моральный и экономическій ущербъ, такъ и въ вознагражденія рода, въ лицѣ ея представителя—доманина или отца невѣсты за право, принадлежавшее ему, какъ такому представителю, на дѣвственность невѣсты. Эти два значенія платы за дѣвушку, выражающіяся въ двухъ родахъ платежа — обушта и агарджкъ, будучи очень часто совершенно раздѣлены между собою и юридически другъ отъ друга различаемы, дадутъ намъ возможность про-

*) ...et voila de quelle façon les filles amoureuses ne peuvent manquer d'estre bien tost pourvues, car elles controignent (dans la perseverance) le père, la mère et leurs serviteurs à ce qu'elles desiront et comme je disois cydessus crointe d'encourir le courroux de Dieu, et qu'il leur en arrivast quelque sinistre malheur: car de mettre hors la fille ce serait offenser toute sa race, qui en aurait du ressentiment, et aussi meame ils n'ont pas pour ce suiet le pouvoir d'user la voye de fait et de violence, sans encourir comme je disois l'ire et la punition de l'Eglise qui est rigoureuse en ce cas ordonnant quand cela arrive des pénitences et des grandes amendes et notant leurs maisons d'infamie, tellement qu'estans intimidés de ces fausses superstitions, ils evitent tant qu'ils peuvent les infortunes qu'ils croient comme articles de foy leur devoir arriver par le refus de leurs enfants aux filles qui les demandent. Beauplan: Description de l'Ukraine, p. 118, 119.

слѣдить и понять остатки подобныхъ же обычаевъ и у прочихъ славянъ, а также выяснитъ нѣкоторыя очень запутанныя стороны примитивно брачныхъ отношеній. Такъ какъ они не стоятъ отдѣльно отъ современныхъ свадебныхъ обрядовъ, а напротивъ, тѣсно съ ними связаны, и такъ какъ въ этихъ обрядахъ мы надѣемся найти очень многое для ихъ объясненія, то мы оставляемъ разсмотрѣніе ихъ до того момента, когда они появляются въ нормальномъ ходѣ переговоровъ, предшествующихъ свадьбѣ, и самыхъ свадебныхъ церемоній.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что болгарскій народъ удержалъ въ ущельяхъ Балканъ въ состояніи полной жизненности тѣ примитивныя формы брака, которыя у прочихъ славянъ остались только въ видѣ переживаній въ свадебныхъ обрядахъ. Благодаря географическому положенію страны, формы эти не исчезли, несмотря на множество сложныхъ, культурныхъ вліяній и даже несмотря на долго дѣйствовавшее въ Болгаріи византійское (особенно духовное) законодательство, преслѣдовавшее эти формы, особенно же похищеніе женщинъ, съ самой дикой жестокостью, на которую такъ способна была Византія ¹⁾.

Но, можетъ быть, наиболѣе яркое доказательство замѣчательной стойкости древнихъ обычаевъ у болгаръ мы на-

1) О строгости этихъ законовъ и вообще о жестокости преслѣдованія умиканія, даже въ формѣ часто ритуальной, мы можемъ составить себѣ понятіе по византійскимъ законамъ, дѣйствовавшимъ даже въ древней Руси. Такъ, 24 ст. такъ называемыхъ „законовыхъ книгъ“ гласитъ слѣдующее:

„Въсхитишей женоу, или обручелюу, или необручелюу, или вдовоу аще благородна боудеть или раба, или ослобоженая, . . . аще же кто и свою обручелюу въсхититъ, аще оубо съ оружіемъ и мечи и палицами въсхитеніе створиши боудеть, таковий мечемъ казненъ боудеть; а съвособлаженъ емоу и сѣдоуши хотѣніемъ приеменъ се, иже каковое либо потщаніе створивше о самъ, бѣши и остриженъ, носи ихъ оуризати. Аще ли же безъ всякаго оружіа въсхитеніе створиши, иже оубо въсхитеніе створивши, роуки его оусѣчени да боудуть, спосѣишьствовашенъ же в таковомъ въсхитеніи или вѣдоушенъ и послужившенъ и по волѣ приставшенъ в томоу, иже каковое либо потщаніе о томъ створившенъ, бѣши и остриженъ, поточени да боудуть“. А. Павловъ. „Книги законныя“ (Сборникъ Отдѣленія русскаго яз. и словеса. Имп. Академіи Наукъ. т. XXXVIII, № 3, стр. 67).

ходимъ въ общемъ основномъ понятіи болгарскаго народа о свадьбѣ со всѣми ея обрядами, какъ главнымъ и единственно рѣшающемъ актѣ, устанавливающимъ брачное сожителство, помимо брака церковнаго, составляющаго и у болгаръ только требуемую закономъ формальность. Подобно украинцамъ¹⁾, великоруссамъ²⁾, румывамъ³⁾ и прочимъ народамъ⁴⁾, болгары смотрятъ на обрядъ народной свадьбы, какъ на актъ, единственно дающій право считаться супругами и вступать между собою въ супружескія отношенія: „Свадбата е друго, а вѣчанieto друго“, говоритъ одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей болгарской свадьбы г. Бобчевъ: „Това нѣщо собирателитѣ ва народнитѣ обичаи не трѣбва да изгубватъ изъ прѣдъ очи, нога распитватъ. Въ старо врѣме безъ свадба (совокупността на обрядитѣ), вѣчанieto е било нѣщо немислимо. Свадбата е била по главното и тя се е продължавала нѣколко дена; чрѣзъ нея се е разглашавало за събитieto, чрѣзъ нея сж се правили домашните веселби; чрѣзъ нея се е давало да се разбере, че събитieto има голѣма важность“. — „Сега“, продолжаетъ онъ, „свадба е загубила старата ея обрядность и символизъмъ“⁵⁾. Но не смотря на ослабленіе старинныхъ обычаевъ подѣ влияніемъ общеевропейской культуры, основной взглядъ на значеніе свадьбы все-таки продолжаетъ, повидимому, оставаться прежній; въ пользу этого, по крайней мѣрѣ, говоритъ

1) Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжн., т. III, стр. 149.

2) „Вѣчаніе не дѣлаетъ изъ нея (невісти) жены и женщины—она по прежнему признается дѣвушкой... она не жена—она дѣвушка... бракъ являетъ общепризнаваемымъ только на второй день послѣ вѣчанія“. Пономаревъ: Обрядовый обычай (Сѣверный Вѣстникъ 1890, июль, стр. 71).

3) „Вѣчаніе, по понятіямъ многихъ молдованъ, несмотря на то, что они исповѣдуютъ православіе, не считается таинствомъ, а только обрядомъ, а потому случается, что, справивъ свадебныя формальности, а иногда и безъ этого, не исполнивъ обряда вѣчанія, мужчина и женщина живутъ вмѣстѣ, называясь мужемъ и женой. За мукъ: Бессарабская область (Материалы для географіи и статистики Россіи, собр. офицерами Генер. Штаба) С. б. 1862, I, стр. 482.

4) Черемисы недавно еще „хотя и вѣчались въ церкви, но этого вѣчанія не считали ни во что и переѣзжывали молодыхъ дома по слову“. Смирновъ: Черемисы. стр. 192.

5) Бобчевъ. Материалы за българското обичайно право (Хисарскій округъ) въ журн. Наука № II 1882, стр. 35.

полнота свадебнаго обряда, видная изъ всѣхъ его современныхъ описаній.

Необходимо, впрочемъ, сказать, что подобное отношеніе къ свадебному обряду, сравнительно съ обрядомъ церковнымъ, вовсе не составляетъ какой-нибудь особенности славянскихъ племенъ или племенъ къ нимъ близкихъ географически. Отношеніе это вытекло логически изъ самой сущности брака и въ свое время существовало вездѣ въ Европѣ, будучи признаваемо даже самой христіанской церковью. „Бракъ былъ уже благословляемъ въ языческихъ храмахъ“, говоритъ упомянутый нами выше *Edelstand du Meril*, „и религія болѣе строгая, которая провозгласила постоянство брачныхъ обязательствъ, чувствовала себя вдвойнѣ обязанной очистить то, что въ нихъ было плотскаго, таинственнымъ воздѣйствіемъ священнаго обряда“. „Но бракъ получалъ силу только будучи фактически совершеннымъ“, продолжаетъ онъ дальше, ссылаясь на мѣстніе *Gratianus*'а ¹⁾, „и сама церковь не могла освящать его напередъ, пока онъ еще не существовалъ въ дѣйствительности“. „Только въ XV вѣкѣ церковь почувствовала необходимость отложить логику въ сторону, и залцбургскій соборъ въ 1420 г. постановилъ обязательнымъ правиломъ совершать церковный обрядъ вѣнчанія не послѣ фактическаго вступленія брачующихся въ половое сожителство, какъ того требовалъ обычай, а до него“ ²⁾. „Но все-таки, во избѣжаніе непослѣдовательности, необходимо было найти форму, которая, не затрогивая цѣломудрія, была-бы все таки матеріальнымъ соединеніемъ, и въ качествѣ такой формулы былъ введенъ церковью ритуальный поцѣлуй.“ ³⁾ Но объ этомъ будетъ сказано болѣе—въ своемъ мѣстѣ.

1) „Non est dubium illam mulierem non pertinere ad matrimonium, cum qua commixtio sexus non docetur fuisse“. *Gratianus*: De bigamis non ordinandis. ch. V. (Ed. Du-Meril, op. cit., p. 86).

2) „Matrimonia quoque quae benedicenda fuerint, non post, ut moris extitit, sed ante ipsorum carnalem consummationem ac solemnitatis nuptiarum celebrationem, pro benedictionis ipsius reverentia benedicantur.“ *Hartshelm* Consilia Germaniae. t. V, p. 190. (Edelst. Du-Meril, op. cit. p. 86).

3) Ed. Du-Meril. Op. cit. p. 86, 87.

Если намъ приходилось жаловаться на недостатокъ матеріаловъ для изученія украинской свадьбы, то относительно Болгаріи этотъ недостатокъ еще ощутительнѣе. Несмотря на глубокій патриотизмъ, поставившій изученіе своей народности въ число самыхъ главныхъ задачъ общественной дѣятельности, несмотря на замѣчательную энергію, обнаружившуюся въ болгарской литературѣ и наукѣ со времени начала политическаго возрожденія этой страны, несмотря даже на то, что изученіе болгарскаго народа сдѣлалось одной изъ государственныхъ задачъ его правительства,—матеріаловъ все-таки очень мало, и тѣ, какіе имѣются, слишкомъ мало удовлетворительны. То что было сдѣлано прежними изслѣдователями, Раковскимъ, Верковичемъ, Чолаковымъ, бр. Миладиновыми, Люб. Каравеловымъ и другими, кромѣ краткости и чрезмѣрной стыдливости, заставлявшей ихъ умалчивать обо всемъ, что сколько-нибудь могло показаться непристойнымъ, отличается еще тѣмъ, что вниманіе авторовъ было обращено или исключительно на обряды, при чемъ опускались пѣсни, или на пѣсни, причемъ почти вовсе не упоминаются обряды. Въ результатъ оказывается отсутствіе хотя-бы одного описанія свадьбы, которое бы давало весь послѣдовательный ходъ ея, ея драматическое scenicum, давало бы возможность пользоваться пѣснями для объясненія обрядовъ и т. д. Работы новѣйшихъ изслѣдователей, будучи также слишкомъ краткими, имѣютъ болѣе научный характеръ, но иногда поневолѣ страдаютъ нѣкоторой односторонностью, какъ, напр., весьма почтенные труды гг. Боева, Вобчева, Кажухарова Христова и др., или опять-таки нѣкоторой отрывочностью и излишнею скромностью, какъ, напр., лучшій изъ новѣйшихъ сборниковъ, издаваемый г. Шапкаревымъ. Изъ иностранныхъ ученыхъ, писавшихъ о болгарскихъ свадьбахъ, больше всего сдѣлано профессоромъ Б. В. Богиничемъ и гг. Крауссомъ и Дозономъ, но монументальный трудъ перваго изъ нихъ касается только двухъ болгарскихъ округовъ Восточ. Румелии, а очень старательно составленная глава о болгарскихъ свадьбахъ въ книгѣ г. Краусса представляетъ только начало научной обработки прежде изданныхъ мате-

риаловъ; книга же Дозона имѣеть характеръ болѣе филологическій, чѣмъ этнографическій, и не всегда отличается достаточно строгой критикой. Наконецъ, нами лично были сдѣланы нѣкоторыя попытки получить описанія свадебъ, сдѣланныя по нашей специальной программѣ. Къ сожалѣнію, это было какъ разъ во время войны съ Сербіей и слѣдовавшихъ за нею событій, которыя мало способствовали спокойному занятію такими предметами, какъ этнографія, и намъ удалось получить только два описанія болгарскихъ свадебъ: одно, хотя и очень краткое, но заключающее въ себѣ нѣкоторыя очень драгоценныя детали, отъ г. Петра Раданова изъ Варны, и другое—изъ Разложскаго округа Македоніи, превосходно составленное по нашей программѣ неизвѣстнымъ намъ лицомъ, переслано намъ г-номъ Данаджіевымъ. Оба эти описанія, за которыя мы считаемъ своей обязанностью принести ихъ авторамъ вашу глубокую благодарность,¹⁾ будутъ переданы нами въ печать. Все это очень цѣнно, равно какъ цѣнны и тѣ матеріалы, которые были напечатаны уже и постоянно продолжаютъ печататься, но тѣмъ не менѣе всего этого еще слишкомъ недостаточно.

Этотъ-то именно недостатокъ свѣдѣній мѣшаетъ намъ прежде всего опредѣлить и то, существуетъ ли между молодежью болгарскаго народа какая-нибудь постоянная организація, подобная той, какую мы видѣли въ Украинѣ въ видѣ парубочкой и дивочкой громадъ? Но если она и не существуетъ въ постоянномъ видѣ, то, во всякомъ случаѣ, изъ описаній, которыя у насъ имѣются, мы можемъ заключить, что какъ молодые люди, такъ и дѣвушки все таки группируются для своихъ собраний и прочихъ общественныхъ увеселеній и игръ. Такихъ собраній молодежи, лучшее описаніе которыхъ мы имѣемъ въ Показальцѣ Раковскаго, извѣстны подъ именемъ сѣденокъ, посѣденокъ,

¹⁾ Не можемъ также не упомянуть съ большою благодарностью о томъ любезномъ содѣйствіи, которое было оказано намъ г. г. Ивановъ Арсентьевымъ, Данаджіевымъ, Харлампіемъ Ангеловымъ, Христовымъ, Столяновымъ и др., сообщавшими намъ разные печатные и письменные матеріалы, указанія и т. п.

по прелокъ и пр. ¹⁾ Устраиваются они обыкновенно осенью на краю деревни вокругъ большого костра, а зимой въ избѣ. Всю ночь раздаются пѣсни во всей деревнѣ, и только подъ утро расходятся. „Осенью“, говорится въ описаніи Раковскаго ²⁾, когда еще погода стоитъ хорошая, дѣвушки и молодыя женщины, ³⁾ въ нарядныхъ платьяхъ, съ букетами изъ живыхъ цвѣтовъ на головѣ, отправляются обыкновенно на гумно или же на сельскую площадь (или на дорогу за селомъ, какъ говоритъ Чолаковъ, ⁴⁾ гдѣ прежде они раскладываютъ огонь, потомъ, поставивши вокругъ огня длинныя деревянныя лавки, садятся на нихъ и начинаютъ всѣ вмѣстѣ работать, т. е. прѣсть ленъ и т. п. Работа эта сопровождается непрерывными пѣснями. Съ другой стороны, сельскіе парни тоже собираются вмѣстѣ и, раздѣлившись на нѣсколько дружинъ, вооружаются ножами, палками изъ опасенія, чтобы не случилось какого-нибудь несчастія (вѣроятно, это имѣло смыслъ въ особенности во время турецкаго господства), и затѣмъ отправляются къ дѣвушкамъ, имѣя съ собой всегда кого-нибудь, умѣющаго играть на какомъ-нибудь народномъ музыкальномъ инструментѣ. Придя на мѣсто, гдѣ собраны уже дѣвушки, парни привѣтствуютъ ихъ, а дѣвушки, отвѣчая на это привѣтствіе, встаютъ и стоятъ до тѣхъ поръ, пока всѣ парни не усядутся на одной сторонѣ кругообразнаго сѣдалища и не пригласятъ сѣсть и ихъ, прося вмѣстѣ съ тѣмъ пѣть. Дѣвушки садятся полукругомъ на другой сторонѣ круга, образуемаго скамьями, въ срединѣ котораго непрерывно горитъ огонь, освѣщая большое пространство и представляя

¹⁾ Въ Вѣрбичѣ собранія молодежи на улицѣ, происходящія обыкновенно отъ Великдень до Спасовдень, носятъ названія вечерницъ, почти совершенно такъ же, какъ въ Украинѣ (Искра 1889, Юннй, № 1. стр. 69).

²⁾ Статья Жинзифова, составленная по книгѣ Раковскаго и помѣщенная въ Извѣстіяхъ И. Общ. Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи. (Труды Этнографич. Общѣла, кн. III, вып. I М. 1874 г. стр. 51—58).

³⁾ Что касается участія въ этихъ собраніяхъ молодыхъ женщинъ, то оно намъ кажется очень сомнительнымъ, тѣмъ болѣе что не упоминается ни въ одномъ изъ прочихъ источниковъ (Боевъ, op. cit. стр. 5; Чолаковъ, стр. 8, etc).

⁴⁾ Чолаковъ, op. cit. стр. 8.

веселое зрѣлище. ¹⁾ Дѣвушки начинаютъ работать и пѣть пѣсни, тогда какъ парни сидятъ смирно и слушаютъ пѣніе, выражая при этомъ удовольствіе. Послѣ этого парни, съ своей стороны, всѣ встаютъ съ мѣстъ и начинаютъ вести коло: каждый изъ нихъ беретъ за руку ту дѣвушку, которая ему нравится, такъ что хороводъ составляется изъ дѣвушекъ и парней вмѣстѣ. По окончаніи пляски, дѣвушки даютъ каждая своему любовнику въ знакъ привязанности китку, т. е. букетикъ изъ цвѣтовъ, обвитый красною шелковою ниткой. Парни, принявши букеты и поблагодаривши за нихъ дѣвушекъ, равно какъ и за пѣсни, прощаются съ ними и отправляются на другую сѣденку... На зарѣ каждый изъ парней идетъ на ту сѣденку, гдѣ находится его сестра или же его будущая невѣста, не имѣющая брата, и сопровождаетъ ее до дому.

Видоизмѣненіе сѣденки составляетъ у болгаръ тлѣка. Это то же что толокá въ Украинѣ и помочъ въ Великороссіи, т. е. обычай созывать родственниковъ и знакомыхъ для исполненія какой-нибудь работы, требующей сразу большого количества рабочихъ рукъ, при чемъ работа эта исполняется въ видѣ взаимнаго одолженія и безъ платы, а только за одно угощеніе, сопровождаемое музыкою и пѣснями. Въ Украинѣ, особенно въ послѣднее время, этимъ часто пользуются и даже злоупотребляютъ крупные хозяева, особенно священники и мелкіе помѣщики. Дня за два, за три по селу или даже по нѣсколькимъ сосѣднимъ селамъ ѣздитъ прикащикъ съ нѣсколькими музыкантами и приглашаетъ на

¹⁾ Нельзя не отмѣтить замѣчательное сходство всей этой картины, представляемой болгарской сѣденкой, по описанію Раковского, съ тѣмъ, что рисуетъ намъ извѣстная великорусская коладка, поимѣваемая во всѣхъ хрестоматіяхъ:

Дѣва стоятъ дремучіе,	Добры молодци, красни дѣвци,
Въ тѣхъ лѣсахъ огни горитъ,	Поютъ пѣсни колодушци...
Огни горятъ великіе;	Въ среднѣи ихъ старнѣи сидитъ,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,	Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Скамьи стоятъ дубовыя.	Котелъ впитъ горючій,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодци,	Возлѣ котла козелъ стоитъ,
	Хотатъ козла зарѣзати... ^а

Впрочемъ, въ послѣднее время подлинность этой коладки подвергается сомнѣнію.

толоку въ назначенный день, обыкновенно въ воскресенье. Съ утра являются парни и дѣвушки, и работа идетъ цѣлый день, прерываясь отъ времени до времени угощеніемъ и танцами подъ звуки музыки. Почти то же самое происходитъ и въ Болгаріи, но только примѣнительно къ зимнимъ работамъ, и притомъ сохраняя характеръ болѣе первобытной взаимной помощи, съ присоединеніемъ къ этому всѣхъ характерныхъ особенностей сѣденки. По всей вѣроятности, это не что иное, какъ сліяніе вмѣстѣ двухъ обычаевъ, происшедшее, можетъ быть, даже само собою естественно, въ силу обыкновенныхъ условій сельской жизни. Въ Великороссіи, напр., по словамъ г. Сумцова, люди зажиточные не допускаютъ устройства вечеринокъ въ своихъ домахъ изъ опасенія подвергнуть свое жилище вліянію нечистой силы на цѣлыхъ три года.¹⁾ Очень можетъ быть, что, вслѣдствіе подобныхъ же обстоятельствъ или даже вообще по причинѣ нежеланія хозяевъ устраивать у себя шумное сборище молодежи, собраніямъ этимъ въ Болгаріи пришлось искать пріюта и воспользоваться тлѣжкой, какъ наиболѣе удобнымъ способомъ соединить сѣденку съ чисто экономическимъ обычаемъ взаимной помощи въ работѣ.

Вечеромъ, въ день назначенный для тлѣжки, каждая изъ приглашенныхъ дѣвушекъ, одѣвшись въ самое лучшее и чистое платье, съ цвѣтами на головѣ и приготовивши китку, т. е. букетикъ цвѣтовъ, беретъ свою разукрашенную прялку и, въ сопровожденіи своего брата или кого-нибудь изъ домашнихъ, отправляется въ домъ, куда ее пригласили. Когда всѣ дѣвушки соберутся, онѣ начинаютъ исполнять предлагаемую имъ домохозяйномъ работу, чаще всего битье кукурузы или что-нибудь подобное, и во все время занятія почти непрерывно поютъ известнаго рода пѣсни. Съ другой стороны, парни составляютъ нѣсколько дружинъ и, имѣя во главѣ свирѣльщикомъ, отправляются въ домъ, гдѣ происходитъ тлѣжка. На встрѣчу имъ выходитъ хозяинъ и приглашаетъ ихъ войти въ комнату, гдѣ находятся дѣвушки. Войдя въ эту комнату, парни прежде всего здороваются съ дѣвушками,

¹⁾ Н. Сумцовъ: Досѣтки и посядѣлки. К. 1886. стр. 5—6

которыя въ знакъ уваженія тотчасъ встають съ мѣстъ и стоятъ до тѣхъ поръ, пока по ихъ просьбѣ парни не сядутъ на противоположной сторонѣ.

Послѣ того парни, въ свою очередь, приглашаютъ дѣвушекъ сѣсть и просятъ ихъ пѣть пѣсни. Начинается опять работа, сопровождаемая пѣніемъ и игрой на свирѣли или на какомъ-нибудь другомъ инструментѣ. Поработавши такимъ образомъ нѣкоторое время, иногда довольно долго, всѣ встають вмѣстѣ и, выйдя на дворъ или, если этого не позволяетъ погода, оставаясь въ той же комнатѣ, начинаютъ вести хоро, при чемъ каждый парень становится рядомъ съ той дѣвушкой, которая ему больше другихъ нравится. Въ срединѣ же круга стоитъ самъ хозяинъ и со свѣчами или лучиной въ рукахъ освѣщаетъ танцующихъ. Послѣ этого всѣ опять принимаются за работу. Хоро возобновляется такимъ образомъ нѣсколько разъ. „По полуночи хозяинъ накрываетъ на столъ и, выставивши, смотря по состоянію, различныя кушанья и вино цѣлыми ведрами, угощаетъ работницъ. Парни ѣдятъ вмѣстѣ съ дѣвушками, угощая другъ друга, но дѣвушки ведутъ себя скромно, вина же онѣ или вовсе не пьютъ, или очень мало. Имъ прислуживаетъ самъ хозяинъ и всѣ его домашніе. По окончаніи ужина всѣ выходятъ на дворъ и снова танцуютъ хоро. Послѣ этого, отправившись въ комнату, парни просятъ принести имъ рѣшето съ шерстью и веретенами, которое немедленно приносятъ и кладутъ его въ срединѣ комнаты. Тогда каждый изъ парней беретъ изъ рѣшета немного шерсти и веретено, которыя передаетъ своей волюбленной, прося ее показать ему, какъ прядутъ. Отъ этого предложенія ни одна дѣвушка не можетъ отказаться, ибо, въ противномъ случаѣ, это было бы сильнымъ оскорбленіемъ для молодого человѣка. Поэтому дѣвушки съ радостью и готовностью берутъ предлагаемыя имъ веретена и, намотавши на нихъ немного пряжи, снова возвращаютъ ихъ парнямъ. Послѣдніе, желая сдѣлать дѣвушкамъ удовольствіе и показать имъ, что и они участвуютъ въ женскомъ трудѣ и почитаютъ его, прядутъ немного, послѣ чего они опять кладутъ веретено въ рѣшето. Это означаетъ, что наступила пора расходиться. Но, прежде чѣмъ разойтись, дѣвушки величаютъ

пѣснями каждаго изъ парней съ той дѣвушкой, которая приняла отъ парня веретено и этимъ дала знакъ, что и она не прочь любить его. Въ это время дѣвушка, которую величаютъ, не поетъ, но, молча краснѣя, глядитъ внизъ до тѣхъ поръ, пока не начнутъ величать другую дѣвушку. Пѣсни эти заключаютъ въ себѣ обыкновенно намеки на будущее соединеніе дѣвушки и парня:

Кърни, Тодоро, лиѣка,
Права, Тодоро, мостове,
Чи ще да мане, Тодоро,

Царь и царица, Тодоро;
Не мина царь и царица,
Не мина Стоянъ и Рада...

По окончаніи подобной пѣсни остальными дѣвушками и парни поздравляютъ величаемыхъ, говоря имъ: „да будетъ она тебѣ счастливою, Стоянъ или Драганъ! Да будетъ онъ тебѣ счастливымъ, Рада или Златка!“ Послѣ этого дѣвушки раздаютъ парнямъ, каждая своему, вѣтки и начинаютъ расходиться по домамъ въ сопровожденіи брата или родственника; а тѣхъ, у которыхъ нѣтъ брата, сопровождаютъ ихъ любовники. Если же число присутствующихъ дѣвушекъ превышаетъ число парней, и—наоборотъ, то мѣсто недостающихъ лицъ замѣняютъ малолѣтніа дѣти, которыя не принимаютъ никакого участія въ тлѣтѣ; это дѣлается только для того, чтобы число парней равнялось числу дѣвушекъ и наоборотъ.“

Пересматривая немногія записанныя до сихъ поръ пѣсни, поющіяся на этихъ собраніяхъ молодежи, мы не находимъ въ нихъ ни чертъ особенно архаическихъ, ни указаній на первобытное значеніе этихъ собраній. Пѣсни заключаютъ въ себѣ только черты чисто бытовые, подробности, имѣющія характеръ чисто описательный и очень часто весьма поэтической. Одна изъ этихъ пѣсенъ даетъ намъ предестную картинку, изображающую двухъ овчаровъ, собравшихся ужинать и услышавшихъ внизу въ долину пѣніе дѣвушекъ: овчары спѣшать кончить свое „печене ягнѣ“, чтобы сойти внизъ и принять участіе въ сѣденѣ ¹⁾. Другая пѣсня рисуетъ намъ дѣвушку, родители которой приказываютъ прибрать комнату, постлать постель и ложиться спать; она исполняетъ все это

¹⁾ Сборникъ за народни умотворенія, пауза и книжница, II, стр 36, № 11.

и не спать, а дождавшись, пока уснуть ея родители, потихоньку уходитъ къ своимъ подругамъ на улицу, гдѣ уже о ней спрашивается ея молодой другъ¹⁾. Третья пѣсня, очень интересная, представляетъ намъ дьяка-калугера, услышавшаго возлѣ монастыря пѣніе дѣвушки и проклинающаго свою судьбу: если бы онъ услышалъ раньше ея пѣніе,

„Доде не бех се калугѣри,
Повалугѣри, име времѣня,
Дрен предрешил, дума побѣдил...“

Дѣвушка Вела не смущается, впрочемъ, обътами, произнесенными молодымъ монахомъ, и совѣтуетъ ему:

„... фЖри гункѣ на з Жата дувѣа,
И калимовка з нова келіа
Та на си доиди код мома Вела!“²⁾

По словамъ старинныхъ описывателей болгарскихъ нравовъ, дѣвушки и сопровождающіе ихъ съ сѣденокъ молодые люди расходятся по домамъ, и этимъ все оканчивается. Но у новѣйшихъ изслѣдователей мы находимъ упоминаніе о томъ, что „въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на посѣденкахъ момче и момицы почують вмѣстѣ парами, что, невидимому, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ допущенія и полового сожителства, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ сообщающій объ этомъ авторъ (г. Боевъ) говоритъ: „Во многихъ мѣстахъ, впрочемъ, половья сношенія уже не допускаются“. Такъ, напр., во многихъ деревняхъ около Русчука существуетъ обычай допускать того изъ парней, который пользуется расположеніемъ дѣвицы, ночевать съ ней, но только съ условіемъ вести себя скромно; въ противномъ случаѣ, нарушителей правила о цѣломудренности заставляютъ скорѣе вступить въ бракъ³⁾.

Вотъ и всѣ данныя, какія могли мы отыскать въ литературѣ этого вопроса объ общественной организаціи молодежи обоого пола у болгаръ и о посидѣнкахъ. Если мы не находимъ въ нихъ подробныхъ указаній на существованіе въ Болгаріи такой же правильной организаціи молодежи, ка-

1) *ibid.* стр. 35, № 10.

2) *ibid.* стр. 36, № 12.

3) Боевъ. Къ брачному праву Болгаръ, стр. 5.

кую мы видѣли на украинскихъ парубоцькой и дивоцькой громадахъ, то мы все-таки замѣчаемъ ясныя слѣды существованія подобной организаціи прежде. Такими слѣдами считаемъ мы прежде всего ясно выраженную группировку парней и дѣвушекъ отдѣльно другъ отъ друга, появленіе тѣхъ и другихъ въ видѣ отдѣльныхъ компаній, коллективный приѣмъ, дѣлаемый дѣвушками парнямъ и т. д. Во всемъ этомъ, какъ парни, такъ и дѣвушки являются, какъ группа, а не какъ случайное собраніе молодыхъ людей, хотя у нихъ, по видимому, нѣтъ, какъ въ Украинѣ, ни складчины, ни постоянныхъ взносовъ въ общественную кассу, ни особыхъ представителей, какъ украинскіе отаманъ и отаманка, и т. д. Еще въ болѣе сгруппированномъ видѣ и въ болѣе ясной, чѣмъ въ Украинѣ, формѣ являются эти группы молодежи, принимая участіе въ свадебныхъ церемоніяхъ, гдѣ они очень часто носятъ чрезвычайно характерныя названія побратимовъ и посестримъ, прямо перенося насъ въ тотъ періодъ, когда всѣ молодые люди клана были между собою братьями, а дѣвушки—сестрами. Но объ этомъ мы будемъ говорить далѣе, теперь же обратимъ наше вниманіе на другую, вѣроятно, еще болѣе архаическую и болѣе важную, съ точки зрѣнія исторіи культуры, особенность болгарскихъ сѣденокъ — допущеніе половыхъ сношеній между парнями и дѣвушками, которое въ Украинѣ, какъ и въ большей части мѣстностей Болгаріи, успѣло превратиться уже въ простой обычай переживанія — въ совмѣстное спанье безъ всякихъ интимностей, фактически нарушающихъ цѣломудріе.

„Обычай свободныхъ половыхъ отношеній замѣченъ былъ изслѣдователями“—какъ мы сказали уже со словъ г. Боева—и на посидѣнкахъ, гдѣ парни и дѣвушки ночуютъ вмѣстѣ парами“. Если мы припомнимъ при этомъ упомянутый уже нами выше фактъ, что въ то время, когда послѣ тѣлки парни и дѣвушки расходятся по домамъ, обращается особенное вниманіе на то, чтобы число парней равнялось числу дѣвушекъ, такъ чтобы каждый и каждая имѣли свою пару, и что, въ случаѣ непариости, недостающихъ лицъ замѣняютъ малолѣтніе, не принимающіе и не могущіе принимать участіе въ играхъ, то намъ кажется, что изъ этихъ фактовъ

мы можемъ вывести заключеніе, что обычай эти представляютъ собой нѣчто большее, чѣмъ обыкновенныя собранія молодежи для увеселенія, и нуждаются въ болѣе обстоятельномъ изслѣдованіи, тѣмъ болѣе что они, повидимому, плохо вяжутся съ общераспространенными понятіями о половой нравственности у Болгаръ.

Къ сожалѣнію, какъ прежніе, такъ и новѣйшіе писатели, говоря о цѣломудріи болгарскихъ женщинъ, никогда не проводятъ сколько-нибудь рѣзкой черты между поведеніемъ женщинъ до замужества и въ замужествѣ. Не имѣя въ литературѣ рѣшительно ни одного факта, который бы прямо указывалъ на легкое поведеніе замужнихъ женщинъ, мы склонны думать, что общераспространенное мнѣніе о ихъ замѣчательной вѣрности мужьямъ не можетъ быть оспариваемо. Относительно же цѣломудрія дѣвушекъ мы имѣемъ отзывы достаточно противорѣчивые. Не говоря уже о томъ, что тѣ-же писатели, которые утверждаютъ, что нарушеніе цѣломудрія дѣвушкой есть вещь въ высшей степени рѣдкая и исключительная, даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ указанія на разнаго рода обычай и обряды, существующіе на случай, если невѣста окажется не дѣвственной; въ свѣдѣніяхъ же новѣйшихъ изслѣдователей мы находимъ уже прямые указанія на то, что въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностяхъ Болгаріи дѣвственность очень мало цѣнится и нарушенія ея происходятъ довольно часто. Такъ, по словамъ г. Боева, свобода половыхъ отношеній до замужества встрѣчается въ бѣлградчикскомъ округѣ и затѣмъ въ Мекедоніи, въ окрестностяхъ Пригѣпа, гдѣ она прикрывается вступленіемъ парня съ дѣвушкой въ такъ назыв. побратимство и посестримство. Парень съ дѣвушкой отправляются въ праздникъ къ обѣднѣ, во время чтенія Евангелія стоятъ вмѣстѣ около священника, затѣмъ послѣ обѣдни цѣлуются и дѣлаютъ другъ другу подарки. Послѣ этого обряда общеніе подобныхъ побратимовъ съ своими посестримами происходитъ, какъ у мужа съ женой, разница только въ томъ, что они живутъ врозь и въ церковный бракъ между собою не вступаютъ. Цѣломудренность въ этихъ мѣстахъ не составляетъ для дѣвушки необходимаго условія при вступленіи въ бракъ, но въ замуже-

ствѣ эти же посестримы строго соблюдаютъ супружескую вѣрность¹⁾. Такъ-же точно въ бѣлградчикскомъ округѣ, по словамъ того же автора, нецѣломудренность невѣсты влечетъ за собою только то, что ее купаютъ въ ближайшей рѣкѣ на другой день послѣ объявленія ея вины. Еще болѣе интересны въ этомъ отношеніи, хотя и не отличаются желательной опредѣленностью, свѣдѣнія, сообщаемыя Верковичемъ, о жителяхъ Македоніи—Копановцахъ и Піянцахъ. О первыхъ, живущихъ въ мѣстностяхъ Скопска, Кумановска и Вранска, онъ говоритъ прямо, что „женскій полъ у нихъ развратный“, и что развратъ у нихъ „считается преимуществомъ“²⁾. О вторыхъ, населяющихъ пространство между горами Смокъ, Когановска, Мелешовска — до Витомскихъ и Рильскихъ горъ, говорится также по поводу обычая показывать доказательства дѣвственности невѣсты, что этотъ обычай произошелъ, вѣроятно, „отъ нерѣдкой развратности женскаго пола“ (значитъ до замужества). „Піянецъ, говоритъ Верковичъ, легко сносить безчестіе женщины... требованія нравственности не имѣютъ никакого вліянія на нихъ, поэтому они вовсе не обижаются, видя часто безчестіе (невѣсть), хотя и чрезвычайно мстительны“³⁾. Эти очень интересныя сами по себѣ данныя, устанавливающія вмѣстѣ съ вышеприведенными свѣдѣніями г. Боева фактъ существованія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи свободы половыхъ отношеній до брака, дополняются у Верковича двумя еще болѣе важными легендами, которыя, можетъ быть, въ состояніи бросить нѣкоторый свѣтъ на существованіе этого рода нравовъ у болгаръ—племени, имѣвшаго уже индивидуальныи бракъ, по всей вѣроятности, гораздо раньше своего переселенія на Дунай. Легенда о происхожденіи Копановцевъ говоритъ, что

1) Боевъ, *op. cit.* стр. 3—4.

2) Турдаѣтнѣограф. Отд. II. Общества Любит. Естествознанія, Антропология и Этнологія кн. III, вып. I. М. 1874. стр. 8, 9. Статья Верковича переведена и издана отдѣльно по-болгарски подъ заглавіемъ Описаніе битътъ на Македонскитѣ Българи. Кюстендилъ (годъ не обозначенъ).

3) *ibid.* стр. 9.

это племя, размножившись, „достигло границъ нечистыхъ людей, отъ сношенія съ которыми они нарушили повелѣніе Бога“, который провѣлялъ ихъ „чтобы они были слугами развратности и истребленія“. Другая легенда—о Пиявцахъ—заключаетъ въ себѣ почти то-же самое: „Богъ... напустилъ на нихъ какое-то свирѣпое поколѣніе людей... и совсѣмъ повинуть ихъ...; въ безчисленныхъ битвахъ съ дикими народами и медвѣдями они... разсѣялись по разнымъ мѣстамъ и стали жить, какъ скоты“¹⁾.

Если мы припомнимъ себѣ приведенныя нами выше жалобы екзаρχа Іоанна по поводу существованія въ Болгаріи „поганныхъ словенъ“, то, по всей вѣроятности, съ нашей стороны не будетъ слишкомъ рискованнымъ сдѣлать предположеніе, что „нечистые и свирѣпые люди“ этихъ легендъ, съ которыми приходилось сталкиваться болгарамъ и, благодаря столкновенію съ которыми, эти послѣдніе сдѣлались „развратными“, т. е. стали равнодушно смотрѣть на увлеченія дѣвушекъ до брака,—что эти люди—не кто иной, какъ славянскія племена, населявшія древнюю Мизію до прихода болгаръ и, путемъ смѣшенія съ ними, потомъ передавшіе имъ тѣ нравы, какіе мы находимъ въ ту-же эпоху и у днѣпровскихъ славянъ, пришедшихъ, какъ говоритъ лѣтопись, тоже съ Дуная.

Просматривая изложенные выше факты, читатель обратилъ, вѣроятно, вниманіе на то странное съ перваго взгляда обстоятельство, что живущіе между собою въ связи парень и дѣвушка носятъ иногда названіе по братимовъ и посестримовъ и совершаютъ даже въ церкви нѣчто въ родѣ обряда, близкаго къ тому „чину братотворенія“, который и до сихъ поръ еще не вышелъ изъ употребленія въ Сербіи при заключеніи побратимства. Хотя сообщающій этотъ фактъ г. Боевъ и правъ, говоря, что „нельзя смотрѣть на этотъ обычай, какъ на сознательную эксплуатацію распространеннаго между южными славянами обычая побратимства и посестримства въ пользу разврата“²⁾, тѣмъ не

¹⁾ *Ibid.* стр. 10.

²⁾ *Боевъ.* *Op. cit.* стр. 4.

менше, если не происхождение, то, по крайней мѣрѣ, близкая связь этого обычая съ побратимствомъ намъ кажется не подлежащей сомнѣнію. «Пока держится матриархатъ», говоритъ М. М. Ковалевскій: «родственное отношеніе брата и сестры является особенно тѣснымъ; если на лицо не имѣется физическаго братства, то его стараются замѣнить братствомъ искусственнымъ и съ этой цѣлью обращаются въ такъ называемому посестримству». «Такое посестримство», продолжаетъ онъ далѣе: «представляетъ намъ обычай, въ силу котораго пшавская дѣвушка выбираетъ себѣ кого-нибудь изъ неженатыхъ мужчинъ въ „цацала“, или нареченные братья. Этотъ цацала не только сопровождаетъ повсюду свою нареченную сестру, но съ вѣдома родителей и спитъ съ нею на одной постели. Весьма рѣдко, впрочемъ, эти отношенія искусственно породившихся между собою молодыхъ людей выражаются въ отношенія любовника и любовницы¹⁾. Это совершенно естественно, такъ какъ ничто до такой степени не противорѣчитъ супружескому сожителству, какъ отношенія брата и сестры, хотя бъ и искусственныя. Но если затѣмъ, вслѣдствіе исчезновенія матриархата, значеніе этихъ отношеній уменьшается, то тѣмъ болѣе уменьшается, разумѣется, и значеніе искусственнаго родства, продолжающаго иногда держаться въ видѣ традиціи. Очень интересно, что подобное посестримство въ Сербіи, ве перейдя еще въ любовныя отношенія, приняло съ обрядовой стороны тоже форму брака, хотя коммунально-языческаго. По словамъ Вука Караджича, въ Неготинѣ и Ршавѣ во второй понедѣльникъ послѣ Пасхи—день, носящій характерное названіе *družišalo* — парни-и дѣвушки собираются вмѣстѣ, образуютъ пары, плетутъ вѣнки изъ ивовыхъ вѣтокъ, цѣлуются сквозь эти вѣнки и, обмѣниваясь при этомъ пасхальными яйцами, заключаютъ между собой побратимство и посестримство, которое длится весь годъ, до слѣдующаго *družišala*, и которое такъ же, какъ и у пшавовъ, не переходитъ обыкновенно

1) *Макс. Ковалевскій: Законъ и обычай на Кавказѣ. М. 1890. I. стр. 21.*

границъ чисто-братскихъ отношеній¹⁾. Подобное же переживаніе, но въ еще болѣе измѣненномъ видѣ, мы встрѣчаемъ въ Великороссіи, гдѣ, напр., въ Аткарскомъ у. Саратовской губ. достигшія брачнаго возраста дѣвушки собираются въ праздникъ Пятидесятницы, водятъ хороводы, дѣлаютъ изъ зеленыхъ вѣтокъ вѣнки, цѣлуются черезъ нихъ и заключаютъ между собою нѣчто въ родѣ союза дружбы, которому даютъ имя кумовства. Вѣнки затѣмъ бросаютъ въ воду²⁾. Зато въ другихъ мѣстахъ Россіи, а именно въ Псковской губ. и въ Сибири, посестримство выродилось, какъ и въ Болгаріи, въ отношенія гораздо болѣе близкія, какъ это можно видѣть изъ того, что въ Псковской губ. слова побратимъ и побратимка обозначаютъ любовника и любовницу, а въ Сибири слово братанчикъ означаетъ человѣка, родители котораго принадлежали къ различнымъ народностямъ, напр. отецъ русскій, а мать татарка и наоборотъ³⁾.

Повидимому, совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ описываемыхъ проявленій половой свободы находится упоминаемый г. Боевымъ (ib. стр. 3) обычай, извѣстный подъ именемъ паратско, существовавшій недавно, а можетъ быть, и теперь еще не совсѣмъ исчезнувшій въ двухъ селеніяхъ, Габровѣ и Новоселѣ, въ южной части Доспатскихъ горъ, и заключающійся въ томъ, что „момцы и дѣвочки выбираютъ другъ друга, кто съ кѣмъ желаетъ, и парами отправляются въ лѣсъ, или, если это происходитъ зимой, то на сѣнникъ и тамъ вступаютъ другъ съ другомъ въ естественныя отношенія (per anu) ... старики и старухи смотрятъ на это, какъ на вещь не противозаконную, незапрещенную: они только улыбаются, когда объ этомъ заговорить съ ними; вѣдь въ свое время и они позволяли себѣ „лишнее“. Фактъ противо-

1) *Vuk: Život i obyčaji* 274 цит. у *Bogišić'a „Pravni obyčaji u Slovena“*. Zagr. 1867 стр. 150, и *Krauss'a: Sitte und Branch der Südslaven*, в. 613.

2) *Милль: Народные обычаи, обряды и пр. у крестьянъ Саратовской губ.* 1890. стр. 104.

3) *Даль: Толковный Словарь живаго великорусскаго языка* I. 127. Вообще объ этомъ, какъ и разнхъ видахъ побратимства, см. нашу статью: *La Fraternalisation en Ukraine* (Mélusine, V, Mars-Avril 1890. № 8).

естественныхъ сношеній самъ по себѣ есть явленіе слишкомъ обыкновенное и встрѣчающееся почти у всѣхъ дикарей, а также бывшее очень распространеннымъ у всѣхъ почти древнихъ, особенно восточныхъ (едва ли не болѣе всего у семитическихъ) народовъ¹⁾. Въ данномъ случаѣ онъ обращаетъ на себя особенное вниманіе тѣмъ, что овъ происходитъ между особами разнаго пола и представляетъ какъ будто искусственную замѣну тѣхъ естественныхъ отношеній, которыя, какъ мы только что сказали, прежде допускались, а кое-гдѣ сохранились еще и до сихъ поръ. Къ сожалѣнію, намъ рѣшительно ничего не извѣстно о томъ, было ли это обыкновеніе распространено въ Болгаріи прежде, и мы, такимъ образомъ, лишены возможности сколько-нибудь документально сопоставить этотъ фактъ съ извѣстнымъ значеніемъ слова *bougre*, т.-е. *bulgare*, во французскомъ языкѣ. Слово *bulgare*, передѣланное впоследствии въ *boulgre* и, наконецъ, *bougre*, прилагавшееся сначала къ альбигойцамъ²⁾, потомъ начало означать еретиковъ вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ употреблялось и употребляется въ смыслѣ содомитъ³⁾. По словамъ Шмидта, названіе это для обозначенія ереси катаровъ начало употребляться во Фравціи только съ XIII

¹⁾ Кн. Судей, XIX, 22; Посл. I къ Коринѣ. VI, 10; Битія XIX, 4—11. *Demeunier*: L'Esprit des usages et des coutumes des différents peuples. Lond. 1776, II, 309—313); *A. Reville*: Les Religions des peuples non civilisés. I. 313—314; *Gaya*: Cérémonies nuptiales p. 97 etc.

²⁾ *Bougre* — nom d'hérétiques. On les appelait *Bulgares*. C'était de la Bulgarie qu'ils étaient répandus dans le pays des Albigeois, de *Bulgare* on fit *Bougre* „(La Curne de *Sainte-Palaye* Diction. historique de l'anc. lang. française. P. 1877); „Dans le moyen-âge des doctrines religieuses semblables régnaient parmi les Bulgares et les Albigeois, de là le nom des *bougres* donné à ces hérétiques“ (*Littre*, Diction.).

³⁾ „*Bulgari*—*Dicti praeterea Bulgari puerorum corruptores, unde Bougeronner*—cum pueris rem habere. *Hispan. Bujarron*—masculorum concubitor. *Interdum Bulgari sen Bougres dicti* *κηννοβαται* (*Du Gange*: Glossarium ad script. med. et inf. latinitis, v. *Bulgari*); *Bougre*—vient de *Bulgare*, parce que certains hérétiques bulgares étaient accusés de se livrer à la sodomie,—*Sodomite*. (*Jarrousse*: Gr. Dict. Univ); *Bougre, Boulgre* — *sodomite* (*Dict. Richelet*, P. 1728 и *Dict. de Trévoux* 1771).

вѣка и не употреблялось до тѣхъ поръ нигдѣ больше. Оно было принесено во Францію, по его мнѣнію, несомнѣнно крестоносцами, «которые во Фракіи и Болгаріи встрѣчали еретиковъ исповѣдывавшихъ дуалистическіе догматы, а затѣмъ начало прилагаться къ еретикамъ вообще, при чемъ, какъ было съ словомъ *Ketzer* въ Германіи, *vaudois* во Франціи, ему придавали иногда смыслъ еще болѣе гнусный, употребляя его для обозначенія ужаснаго и противоестественнаго преступленія»¹⁾. По мнѣнію г. Леже, «ненависть католиковъ противъ богомиловъ была причиной обвиненія, связаннаго въ средніе вѣка со словомъ *Boulgre*»²⁾. Но противъ этого мнѣнія, какъ и противъ мнѣнія Шмидта, можно возразить, что обвиненіе болгаръ въ ереси и содомскомъ грѣхѣ, какъ говоритъ самъ Шмидтъ, не существовало нигдѣ, кромѣ Франціи, и притомъ относится почему-то исключительно къ болгарамъ, безъ всякаго приложенія къ другимъ ересямъ, которыя, хотя и были обвиняемы во многомъ, но имена ихъ все-таки не сдѣлались синонимами извѣстныхъ грѣховъ. Содомія не могла не быть извѣстной во Франціи, такъ какъ она существовала еще у древнихъ Галловъ³⁾ да и вообще была достаточно распространена вездѣ и всегда, для того чтобы ей не особенно удивляться. Если же мы обратимъ вниманіе на то, что болгарскіе богомилы, какъ мы упоминали уже, отрицали бракъ и вообще сношенія съ женщинами и старались не имѣть дѣтей, считая ихъ «дьяволичизмами», и если сопоставимъ съ этимъ тотъ фактъ, что у Турокъ и прочихъ восточныхъ народовъ „àgrés avoir commis étотъ грѣхъ avec les hommes, on le commet avec les femmes et chez la plupart des Mahométans un abus secre s'oppose à la pro-

1) „Ce nom n'a été employé ni avant le XIII s. ni ailleurs, qu'en France. Il fut apporté en ce pays sans doute par des croisés qui en Thrace et en Bulgarie avaient rencontré des hérétiques professant les dogmes dualistes... De même que Patarin en Italie, Bougre finit par désigner les hérétiques en général et de même qu'au mot *Ketzer* en Allemagne et au mot *Vaudois* en France on lui donna quelquefois un sens plus détestable encore, en s'en servant pour qualifier un crime horrible et contre nature“ (*Schmidt*. Histoire et doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois. Paris-Genève. 1848. II, 282.

2) *L. Léger*, статья „Bogomiles“ въ *La Grande Encyclopédie*.

3) *Diod. Sicul.* lib. V, cap. 21.

pagation de l'espèce¹⁾, а также, что по учению платониковъ можно было примирять потребности любви съ требованіями добродѣтели, и что у нихъ «les femmes qui faisaient profession de chasteté ne rougissaient point d'habiter avec les hommes et demandaient la visite des matrones pour prouver qu'il ne se passait rien d'indécent, противъ чего возставалъ и что обличалъ въ своихъ проповѣдахъ св. Кипріанъ²⁾, то, можетъ быть, окажется правдоподобнымъ предположеніе, что нынѣшнее болгарское паратско представляетъ собой остатокъ какого-нибудь подобнаго, существовавшаго нѣкогда въ Болгаріи религіознаго увлеченія, замѣченнаго крестonosцами, которые и распространили свѣдѣнія объ этомъ во Франціи, гдѣ, конечно, подобное извѣстіе не могло не быть подхваченнымъ и обращеннымъ въ свою пользу католическимъ духовенствомъ, не разбиравшимъ средствъ въ борьбѣ съ еретиками. Въ концѣ концовъ, объ этомъ обычаѣ нельзя пока сказать ничего болѣе опредѣленнаго, да и наше предположеніе относительно слова bougге есть не болѣе, какъ предположеніе, которое очень легко можетъ замѣниться совершенно другимъ объясненіемъ, такъ-же какъ, напримѣръ, это случилось съ французскимъ же выраженіемъ грес. Какъ извѣстно, слово грес въ нынѣшнемъ французскомъ языкѣ кромѣ своего прямого значенія обозначаетъ еще понятіе шулера, человѣка обманывающаго въ карточной игрѣ. Естественноѣ всего было бы думать, что поводомъ къ придавію этому слову такого смысла могла служить репутація, приобрѣтенная во Франціи какими-нибудь лицами, принадлежащими къ греческой національности. Въ дѣйствительности же, какъ намъ любезно сообщилъ г. E. Rolland, это есть не больше какъ остатокъ стариннаго французскаго выраженія временъ псевдоклассицизма: être grec dans l'art, dans le métier и т. п., употреблявшагося для выраженія превосходства въ чемъ

1) *Demeunier*, Op. cit., II, стр. 313.

2) „Nec aliqua putet se hac excusatione defendi quod inspici et probari possit an virgo sit... et si incorrupta inventa fuerit ex parte sui, qua mulier potest esse, potuerit tamen ex alia corporis parte pecasse, qua violari potest et tamen inspici non potest“. (*St. Cyprianus*. Op. цит. у *Demeunier*. Op. cit. II, ст. 324—325.

бы то ни было; être gres dans le jeu замѣнилось просто словомъ gres, которое такимъ образомъ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ ловкости или злоупотребленіямъ грековъ въ карточной игрѣ.

Возвращаясь къ вопросу о свободѣ нравовъ у болгарскихъ дѣвушекъ до замужества и, въ частности, о половой свободѣ, допускаемой послѣ посѣденокъ, въ связи съ вопросомъ о значеніи этихъ послѣднихъ вообще, мы должны будемъ обратиться къ мнѣнію объ этомъ, высказанному вами въ первой части настоящей работы, и надѣемся, что факты, представляемые болгарскими обычаями, дадутъ вамъ возможность высказаться болѣе утвердительно. Обычай совмѣстнаго сна послѣ вечерницъ въ Украинѣ, какъ мы сказали, является, вѣроятно, переживаніемъ болѣе древняго и гораздо менѣе цѣломудреннаго примитивнаго обычая. Въ Болгаріи, гдѣ не сохранилось до такой степени ясно, какъ въ Украинѣ, общественная организація молодежи, но гдѣ все-таки сохранились явные слѣды ея, мы находимъ этотъ обычай въ формѣ болѣе архаической, допускающей не только совмѣстное спанье, но и половыя отношенія. Это обстоятельство на ряду съ фактами половой свободы до замужества вообще даетъ намъ право думать съ большей увѣренностью, что посѣденки и вечерницы представляютъ собой остатокъ одной изъ примитивныхъ формъ брака, тѣмъ болѣе что болгарскіе обычай этого рода указываютъ вамъ на известную религіозную торжественность этихъ собраний, выражающуюся въ расположеніи участвующихъ вокругъ огня, въ хоровомъ пѣніи, которое, какъ мы уже не разъ говорили, можетъ служить довольно надежнымъ признакомъ религіознаго смысла церемоніи. Въ своемъ специальномъ изслѣдованіи о досвиткахъ и вечерницахъ проф. Сумцовъ выражаетъ мнѣніе, что вечерницы не заключаютъ въ себѣ ничего религіозно-миѳическаго, не будучи связаны ни съ какими-нибудь древними, съ языческой окраской, пѣснями, ни съ употребленіемъ обрядоваго кушанья, и считаетъ ихъ переживаніемъ такъ называемаго пробнаго брака или, правильнѣе сказать, известной свободы половыхъ отношеній, предшествующей браку съ цѣлью убѣдиться въ способности дѣвушки къ дѣто-

рожденію ¹⁾. Мы позволимъ себѣ высказать предположеніе, что г. Сумцовъ не провелъ достаточно разницы между обычаемъ допускать жениха проводить ночи съ невестой передъ свадьбой и совмѣстнымъ спаньемъ молодыхъ людей послѣ вечерницъ. Первый изъ этихъ обычаевъ, дѣйствительно, представляетъ собой остатокъ „пробныхъ ночей“, но онъ относится къ эпохѣ индивидуальнаго брака, т. е. къ эпохѣ значительно позднѣйшей, тогда какъ вечерницы, оканчивающіяся совмѣстнымъ спаньемъ, никакъ не могутъ заключать въ себѣ элементовъ брака индивидуальнаго и, имѣя характеръ несравненно болѣе древній, относятся несомнѣнно къ эпохѣ общиннаго брака или, точнѣе выражаясь, коллективнаго брака по группамъ. Безспорно, въ украинскихъ обычаяхъ архаически-обрядовый элементъ почти вовсе отсутствуетъ, но, какъ мы сказали уже, въ огнѣ, вокругъ котораго собирается болгарская молодежь, въ хоровомъ пѣніи и проч. нельзя не признать извѣстной обрядности; наконецъ, совмѣстная ѣда существуетъ въ Украинѣ, а, можетъ быть, также и въ Волгаріи, и если она не состоитъ изъ какихъ-нибудь ритуальныхъ кушаньевъ, то надо замѣтить, что вѣдь и круглый свадебный хлѣбъ (коровай), о которомъ говоритъ г. Сумцовъ, указывая на него, какъ на характерный признакъ религіознаго значенія свадьбы, успѣлъ уже совершенно почти исчезнуть въ Великороссіи и Польшѣ и остался въ видѣ едва замѣтныхъ только слѣдовъ у южныхъ и западныхъ славянъ, замѣнившись ѣдой самой обыкновенной. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, отсутствіе въ вечерницахъ и посѣденкахъ чертъ чисто-архаически-религіозныхъ нельзя еще считать существеннымъ отличіемъ этихъ собравій отъ свадебъ, напр.,— и за ними нельзя не признать извѣстнаго и даже очень крупнаго исторически-культурнаго значенія, но только, разумѣется, не въ смыслѣ пробныхъ браковъ, какъ это думаетъ г. Сумцовъ, а въ смыслѣ предшествовавшаго индивидуальному браку—брака коммунальнаго.

¹⁾ Н. О. Сумцовъ: Досвѣтки и посидѣлки. Киевъ 1886 (оттискъ изъ Киевской Старжины 1886. кн. III) стр. 10—11. Мнѣніе это повторяется затѣмъ въ позднѣйшей книгѣ того же автора: „Культурныя переживанія“. Киевъ 1890. стр. 188—189.

Въ первой части настоящей работы, говоря объ украинскихъ досвиткахъ, мы упоминали уже объ организаціи неженатой молодежи у примитивныхъ народовъ, объ отдѣльныхъ жилищахъ для достигшихъ брачнаго возраста молодыхъ людей и дѣвушекъ, о ихъ собраніяхъ и проч., что такъ напоминаетъ и объясняетъ наши украинскія парубѣцъку и дивѣцъку громады. Но тамъ мы не сказали почти ничего объ регуляризаціи у этихъ примитивныхъ народовъ брачныхъ отношеній, отложивши это до изложенія нами болгарскихъ обычаевъ, дающихъ вмѣстѣ съ украинскими почти полный матеріалъ для возможности сопоставленій и сравнительнаго изслѣдованія. У австралійскихъ племенъ, какъ и у большинства дикарей вообще, удержался еще почти въ полной чистотѣ матриархатъ и истекающая изъ него материнская филіація. Такъ, у столь извѣстнаго, послѣ трудовъ Fison'a и Howitt'a, племени Kamilaroi, каждая изъ двухъ его частей раздѣляется на два клана, подраздѣляющіеся часто въ свою очередь на второстепенныя группы, отличающіяся своими тотемами. Сообразно своему происхожденію по матери, одни изъ этихъ клановъ или ихъ подраздѣленій родственны между собою, и члены ихъ, считаясь взаимно братьями и сестрами, не имѣютъ права вступать другъ съ другомъ въ половыя сношенія; члены же другихъ клановъ или группъ, наоборотъ, считаются, такъ сказать, естественными супругами: всѣ мужчины одного клана считаются мужьями всѣхъ женщинъ другого и обратно. То-же самое мы находимъ у племени Diegi и пр. Но болѣе или менѣе у всѣхъ этихъ племенъ произошло уже начало индивидуализаціи брака, хотя бракъ по группамъ все-таки продолжаетъ существовать въ указанныхъ предѣлахъ родства, подчиняясь въ большей или меньшей степени извѣстнымъ, регулирующимъ половыя отношенія обычаямъ. Обыкновенно молодые люди въ возрастѣ 14—15 лѣтъ, а дѣвушки около 10-ти лѣтъ получаютъ уже право полового сожителства между собою. Это вступленіе въ права взрослога человѣка происходитъ болѣе или менѣе торжественно: въ извѣстные дни, для этого назначенные, устраиваются половыя оргіи, причемъ молодымъ людямъ обоимъ половъ дается даже сигналъ, возвѣ-

щающій свободу отношеній; случается при этомъ, что дѣвушки оспариваютъ другъ у друга какого-нибудь парня и очень часто вступаютъ по этому поводу между собою въ драку. У племени Діэри это еще болѣе регулировано: будущіе супруги—*ri ga ū g ū*—выбираются совѣтомъ старѣйшинъ племени, и затѣмъ имена ихъ торжественно провозглашаются въ народномъ собраніи вечеромъ во время церемоніи обрѣзанія. Затѣмъ, въ назначенное для свадебнаго праздника время, устраивается оргія, и молодымъ людямъ предоставляется свобода вступить между собою въ связь. Такимъ образомъ, каждый мужчина, подвергшійся операциі обрѣзанія—церемоніи, съ которой собственно начинается брачный сезонъ и носящей очень характерное названіе *Mindrai*, т. е. м и р а (такъ какъ, вѣроятно, въ виду этого торжества прекращаются всякія враждебныя отношенія между соедѣнными племенами)—можетъ имѣть *ri ga ū g ū*. Во время каждой изъ слѣдующихъ затѣмъ подобныхъ же церемоній онъ можетъ приобрести еще одну супругу и т. д. и имѣть ихъ нѣсколько. Дѣвушки въ свою очередь могутъ имѣть нѣсколькихъ мужей. Если двое мужчинъ имѣютъ одну и ту-же супругу, то въ случаѣ, если не окажется въ данномъ мѣстѣ другой женщины того-же клана, она достается по праву старшему возрастомъ ¹⁾ Въ изслѣдованіи объ украинской свадьбѣ мы видѣли уже почти совершенно аналогичскіе этимъ нравы у африканскихъ зулусовъ и т. п. Всѣ эти примѣры показываютъ намъ, что у примитивныхъ народовъ на извѣстной степени развитія культуры и при извѣстномъ стремленіи регулировать половыя отношенія, собранія молодежи, остатки которыхъ мы видимъ въ нынѣшнихъ вечерницахъ и посидѣлкахъ, имѣютъ характеръ общинно-брачнаго установленія. Такое же значеніе должны были имѣть, слѣдовательно, славянскія посидѣлки и вечерницы; онѣ имѣли его еще нѣсколько столѣтій тому назадъ и даже еще въ прошломъ столѣтій, когда противъ нихъ вооружались представители христіанской церкви, какъ противъ „Богу и человѣкомъ нена-

1) *Georges Raynaud: La femme, le mariage et la famille en Australie (Bulletin de la soc. d'Ethnographie, Août, 1890, № 42, p. 148, 147).*

вистнаго ѡснованія“ и „меракаго беззаконія“, о чемъ мы упоминали уже выше. Характерныя черты болгарскихъ посидѣнокъ, заключающіяся въ томъ, что въ нихъ могутъ участвовать только молодые люди и дѣвушки, достигшіе брачнаго возраста и не вступившіе еще въ бракъ, что изъ нихъ исключаются вовсе всѣ состоящіе въ бракѣ, что дѣвушки каждой части села или города собираются на отдѣльную посидѣнку, что парни, собравшись отдѣльно, ходятъ съ одной посидѣвки на другую, что собранія эти происходятъ съ извѣстной торжественностью лѣтомъ внѣ деревни вокругъ огня и сопровождаются пѣніемъ, что оканчиваются онѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, совмѣстнымъ спаньемъ и что, наконецъ, при удаленіи съ нихъ обращается особое вниманіе на то, чтобы никто не оставался безъ пары, причемъ недостающія для образованія пары лица замѣняются подставными, изъ чего видна ритуальность этого обычая,—всѣ эти черты, черты, несомнѣнно, очень архаическія даютъ намъ, кажется, право предположить, что эти собранія молодежи представляютъ собой не что иное, какъ переживанія и даже остатокъ описанныхъ нами примитивныхъ обычаевъ, существовавшихъ въ свое время и у славянъ, которые по словамъ лѣтописи „брати не имѣяху, но игрища межю селы“—и именно межю селы, такъ какъ села тогда представляли собой небольшія еще поселенія отдѣльныхъ родовъ, если не просто большихъ матриархально-семейныхъ общинъ. Это не были собранія молодежи для одного только времяпровожденія и выбора другъ друга для вступленія въ бракъ—это были прямо брачныя торжества, коллективныя свадьбы,—игрища эти были именно брачнымъ установленіемъ, которое замѣнилось потомъ бракомъ индивидуальнымъ и возникшей изъ него патриархальной семьей.

Описывая вступленіе австраійскихъ и африканскихъ дикарей въ брачныя отношенія, мы старались отмѣтить то обстоятельство, что вступленіе дозрѣвшей молодежи въ ея новыя права и функціи сопровождается у нихъ извѣстной торжественностью и совершается въ извѣстное время. По аналогіи слѣдовало-бы предполагать, что черты подобной-же опредѣленности должны бы были сохраниться и въ обычай

посѣдвокъ и вечерницъ. Тѣмъ не менѣе мы этого не замѣчаемъ въ сколько-нибудь ясной формѣ ни въ Болгаріи, ни въ Украинѣ, ни въ прочихъ славянскихъ странахъ. Обыкновенно эти собранія молодежи продолжаютъ болѣе или менѣе круглый годъ: начинаясь съ осени, т. е. со времени окончания полевыхъ работъ, прерываясь на нѣкоторое время, въ теченіе постовъ, они возобновляются потомъ весною въ видѣ сборищъ на улицѣ или за селомъ и продолжаютъ болѣе или менѣе все лѣто ¹⁾. Только въ очень немногихъ мѣстностяхъ замѣчаются нѣкоторые признаки опредѣленности. Такъ, напр., какъ мы сказали уже, въ Врбицѣ вечерницы продолжаютъ отъ Великоднѣ до Спасовденъ, въ Украинѣ вечерницы начинаются со дня св. Симеона Лѣтопроводца, въ Оренбургской губ.—отъ Успенія, въ Оловецкой—отъ Рождества и т. п. ²⁾. Ни начало зимнихъ собраній, ни лѣтнихъ, ни конецъ ихъ не ознаменовываются никакими особенными торжествами и вообще, какъ мы говоримъ, не приурочены ни къ какому празднику, а обуславливаются главнымъ образомъ причинами чисто экономическими и бытовыми. Происходить это, по всей вѣроятности, отъ того, что, потерявши всякое значеніе брачнаго установленія, эти собранія молодежи превратились въ сборища, лишеныя всякаго ритуальнаго характера и чисто увеселительныя, сохранивши въ себѣ только слѣды стариннаго своего значенія, по которымъ мы едва можемъ возстановить ихъ прежній смыслъ.

Совершенно иное видимъ мы, переходя собственно къ свадьбамъ и обращая наше вниманіе на обычное время ихъ совершенія. Уже въ украинской свадьбѣ мы замѣтили нѣкоторыя черты, указывающія на то, что брачныя торжества въ древности совершались, по всей вѣроятности, въ извѣстныхъ времена года, на что уже раньше было обращено вниманіе Кавелинымъ и г. Сумцовымъ, и, основываясь на чисто солярномъ характерѣ свободныхъ религіозныхъ церемоній и сходствѣ ихъ съ обрядовой стороной весеннихъ и

¹⁾ Н. Сумцовъ: Досѣтки и вечерницы, стр. 2, 3 и слѣд.

²⁾ *ibid* Op. et loc cit.

купальскихъ игръ, мы высказали возможность предположенія, что такими временами года могли быть именно солнечные праздники. Такія черты, указывающія на существованіе прежде опредѣленныхъ брачныхъ сезоновъ, собственно въ украинскихъ свадебныхъ обычаяхъ, обрядахъ и пѣсняхъ очень немногочисленны и заключаются главнымъ образомъ въ сохранившемся въ нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ упоминаніи о ярмаркахъ невѣсть и въ фактѣ существованія подобныхъ ярмарокъ въ очень еще недавнее время въ Карпатской Руси; всё же относящіяся сюда выводы или, лучше сказать, догадки и предположенія были сдѣланы какъ нами, такъ и болѣе ранними изслѣдователями, преимущественно на основаніи рѣзко бросающагося въ глаза брачнаго смысла всѣхъ почти весеннихъ и лѣтнихъ игръ и праздниковъ, совпадающихъ съ праздниками солнечнаго культа. Между тѣмъ очень большая теоретическая важность этихъ предположеній о существованіи у древнихъ славянъ опредѣленнаго времени для заключенія браковъ нуждается въ болѣе фактическомъ подтвержденіи, которое мы и находимъ въ этнографіи болгаръ.

Обыкновенно въ настоящее время свадьбы въ Болгаріи, какъ и въ прочихъ странахъ, болѣе или менѣе уже цивилизованныхъ, происходятъ въ теченіе всего года, за исключеніемъ, разумѣется, постовъ, когда вѣнчаніе невозможно по причинамъ чисто религиознымъ. Высокосные годы, впрочемъ, по словамъ г. Шапкарева, не считаются счастливыми для заключенія браковъ: „а въ высокосва година не се женятъ за що то вѣрватъ, че кои то се женятъ въ тава година, ветраляи, т. е. умиралъ единый или другій членъ отъ това съпружества“¹⁾. Затѣмъ въ распредѣленіи свадебъ по временамъ года въ Болгаріи, какъ и почти во всѣхъ прочихъ странахъ, играютъ роль болѣе всего причины экономическія, вслѣдствіе которыхъ наибольшее количество свадебъ приходится на осень. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи онѣ начинаются отъ Гогѣма Богородица (15 августа)²⁾

1) *Шапкаревъ*: Сборникъ отъ Болгарски народни умотворенія ч. III. кн. VII, стр. 87.

2) *Каравелловъ*: Памятники народ. бита Болгарь I стр. 261

или, начавшись съ конца іюля, бываютъ въ августѣ и сентябрѣ; очень часто также справляютъ свадьбы отъ Богоявленія и до начала Великаго поста ¹⁾. Но въ одной изъ мѣстностей, довольно впрочемъ обширной, а именно въ дебърскомъ окружіи въ Македоніи, мы встрѣчаемся съ обычаемъ очень оригинальнымъ и повидимому совершенно исключительнымъ—совершать свадьбы только въ одно опредѣленное время года, если даже не въ опредѣленный день. По словамъ г. Ястребова, въ селахъ дебърскаго округа сватовство совершается въ день Петра и Павла (29 іюня), точно также какъ и свадьбы бываютъ въ этотъ же день. Сосватавшій дѣвушку 29 іюня долженъ ждать цѣлый годъ, чтобы жениться въ этотъ же день ²⁾. Нѣсколько болѣе подробное разъясненіе этого обычая находимъ мы въ „Свадбарскихъ обычаяхъ и пѣсняхъ отъ Дебърско-то записанныхъ г. Цѣпенковымъ. Свѣршуачките въ Дебѣрските села Река и свадбите се праатъ во еден месец на Скедено (светъ день) што си го имаат: Илигден, Петровден или Богороица, чунки Рекалите сет поске по тугина, по работа, по маісторлук, да тогаі си идат по дома. Тие што се за свѣршуанье, ке се свѣршат, и тие што сет за женење, ке се женат; да колку свадби што ке се праат во едно село, сите во еден ден ке и праат. Коі во коі ден ке се свѣршит, пѣрвно до послезнио, попо со ред ке си и запишит и до годината кога ке и венчая секого пак според свѣршуачка-та: коі понапред се свѣршили, и тоі понапред ке се венчат“ ³⁾. Наконецъ, наиболѣе подробное описаніе этого въ высшей степени интереснаго обычая мы имѣемъ въ извѣстной статьѣ Верковича. „Одинъ изъ главнѣйшихъ обычаевъ, по которому они (Мылки) рѣзко отличаются отъ прочихъ македонскихъ болгаръ, заключается въ томъ, что у нихъ обрученіе и женитьба бываютъ въ извѣстное время и день года для всѣхъ безъ исключенія; въ другое время, а также и въ день года, не можетъ быть никакого обруче-

¹⁾ *Верковичъ*. *Op. cit.* стр. 12.

²⁾ *Ястребовъ*: Обычай и пѣсни турецкихъ Сербовъ, стр. 408.

³⁾ *Сборникъ за народ. умотвор., наука и книжн. т. III* стр. 56

нія, ни женитьбы: того изъ Мылковъ, который осмѣлился бы обручиться или же жениться въ какое-либо иное время года, община строго наказываетъ и считаетъ его нечестнымъ человѣкомъ. Такимъ срочнымъ временемъ назначены и обычаемъ освящены всѣ дни съ 20 іюля мѣсяца (день пророка Іліи) по 15 августа (день Успенія Богородицы). Въ теченіе этого мѣсяца всякій, кто пожелаетъ, долженъ обручиться, или жениться; въ противномъ случаѣ онъ долженъ дожидаться того же времени слѣдующаго года. „Открытие этого свадебнаго періода происходитъ слѣдующимъ образомъ. Въ день пророка Іліи, послѣ окончанія литургіи, самый старѣйшій изъ поселянъ выходитъ въ средину села, окруженный народомъ и имѣя по правой сторонѣ священника, а по лѣвой сельскаго старшину (челникъ ходжа-баши), за которыми съ обѣихъ сторонъ слѣдуютъ другіе старики; ставъ посрединѣ села, этотъ сѣдоглавый почтенный старецъ приглашаетъ къ себѣ молодцевъ, одѣтыхъ въ праздничное платье, и объявляетъ имъ, что „по Божьей волѣ свадьбы начинаются“. Молодежь кланяется ему, становится на колѣна передъ священникомъ подъ его благословеніе и цѣлуетъ ему руку, потомъ всѣ, вставши, стрѣляютъ нѣсколько разъ изъ ружей въ знакъ, что свадьбы уже начинаются. Спустя нѣсколько минутъ, начинаютъ развѣваться знамена (препуре) надъ крышами тѣхъ домовъ, въ которыхъ должны быть свадьба или обрученіе: знамя бываетъ красное, шитое золотомъ и съ позолоченнымъ яблокомъ на вершинѣ его, если хозяинъ вводитъ въ свой домъ сноху, если же онъ только обручаетъ своего сына, то позолоченнаго яблока не бываетъ на знамени“ ¹⁾.

Читатель извинитъ намъ эту довольно длинную выписку, которая оказывается необходимой, такъ какъ она составляетъ единственный документъ относительно этого этнографическаго явленія, такъ мало еще изслѣдованнаго, но имѣющаго въ высшей степени важное теоретическое значеніе. Для объясненія этого явленія и связи его съ прочими явленіями эво-

¹⁾ *Верховичъ* Op. cit. стр. 5. О свадебномъ значеніи яблока будетъ сказано далѣе.

люціи брака и семьи, вопросъ о немъ долженъ быть поставленъ на точку зрѣнія, главнымъ образомъ, антропологическую. Какъ было только что сказано, наблюдаемое въ настоящее время почти у всѣхъ сколько-нибудь культурныхъ народовъ распредѣленіе браковъ по временамъ года зависитъ несомнѣнно отъ очень большого количества причинъ, между которыми главную роль играютъ причины религіозныя и экономическія въ обширномъ смыслѣ этого слова. Но во времена болѣе отдаленныя на это могли вліять причины болѣе естественныя и прежде всего, разумѣется, тѣ, которыя вліяютъ на періоды совокупленія у животныхъ. Съ этой точки зрѣнія вопросъ о свадебныхъ періодахъ или сезонахъ былъ въ первый разъ поставленъ и въ значительной степени разрѣшенъ финляндскимъ ученымъ г. Вестермаркомъ въ его замѣчательномъ сочиненіи *The history of human marriage*. Посвящая этому вопросу цѣлую главу своего обширнаго труда (*chart. II. A human pairing season in primitive times*), авторъ прежде всего разсматриваетъ имѣющіяся въ наукѣ данныя относительно теченія у животныхъ и, въ частности, у антропоидныхъ обезьянъ и, принимая во вниманіе существованіе извѣстнаго закона, общаго для всего животнаго царства, и тѣсное біологическое сходство между человѣкомъ и антропоидными обезьянами, приходитъ къ заключенію, что періодъ спариванія у древнѣйшихъ людей или ихъ человѣкоподобныхъ предковъ долженъ былъ быть приуроченнымъ къ извѣстному времени года ¹⁾. Дѣйствительно, мы находимъ остатки этого и до настоящаго времени у наиболѣе дикихъ племенъ. У калифорнійскихъ индійцевъ, у туземцевъ западной Австраліи, у нѣкоторыхъ дравидійскихъ племенъ Индіи, у многихъ африканскихъ племенъ, по выраженію Oldfield'a объ австралійцахъ: „дикарь, подобно полевымъ звѣрямъ, имѣетъ только одно время совокупленія въ году ²⁾“. У многихъ изъ этихъ народовъ, какъ напр. у зулусовъ, какъ мы рассказывали въ пер-

1) *Westermarck: The history of human marriage*. L. 1891, стр. 27.

2) „Like the beasts of the field the savage has but one time for copulation in the year“ (*ib. p. 28.*)

вомъ отдѣлѣ настоящей работы ¹⁾, время это празднуется съ особой торжественностью и представляетъ собой уже довольно много общаго съ нашими „игрищами межю селы“. У индійскаго племени Госовъ, по словамъ полковника Дальтона, бываетъ въ январѣ, „когда житницы наполнены хлѣбомъ, и народъ“, по его собственному выраженію, „преисполняется чертовщиной“, большой праздникъ, очень напоминающій сатурналии, во время котораго происходитъ полное половое смѣшеніе, не взирая даже на родственныя отношенія ²⁾.

Въ нравахъ древнихъ монархій Америки и Азіи мы находимъ нѣсколько указаній на существованіе подобныхъ же обычаевъ и, во всякомъ случаѣ, на то, что бракъ имѣлъ свое опредѣленное время въ году. Въ Перу, напр., бракъ былъ совершенно государственнымъ установленіемъ и также имѣлъ свое опредѣленное время. Каждый годъ во всемъ государствѣ всѣ молодые люди и дѣвушки, достигшіе брачнаго возраста, должны были являться на площадь своего города и села въ установленный для этого день. Въ Куско самъ Инка сочеталъ бракомъ членовъ своего семейства на публичной площади. Въ другихъ городахъ начальники округовъ, нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ губернаторовъ или префектовъ, дѣлали то-же самое относительно лицъ высшаго и низшихъ классовъ. Всякій бракъ внѣ своей административной группы былъ строго запрещенъ. Община каждаго города или села должна была выстроить домъ для новобрачныхъ, а родственники и прочіе граждане снабжали его всѣмъ необходимымъ для хозяйства ³⁾. Мендоза, путешествовавшій въ Средней Азіи и Китаѣ, рассказываетъ, что въ провинціяхъ Китая, граничащихъ съ Манджуріей, въ извѣстные опредѣленные для этого дни всѣ, желавшіе жениться и выйти замужъ, собирались въ назначенные для этого города въ каждой про-

¹⁾ Сборн. за народ. умотвор., наука и книж. т. V, стр. 222, примѣч.

²⁾ *ibid.* стр. 28—29.

³⁾ *Garcilasso: Histoire des Ynkas. L. IV chap. 8. Letourneau: L'Evolution du mariage et de la famille. p. 216. Laumier: Cérémonies nuptiales. p. 336.*

винціи и тамъ записывались особыми чиновниками. Если мужчине оказывалось больше, чѣмъ дѣвушекъ или наоборотъ, то бросали жребій, и оставшіеся должны были ждать до слѣдующаго года, когда ихъ помѣщали въ первую очередь. Затѣмъ упомянутые чиновники дѣлили всѣхъ жевиховъ и невѣстъ на три категоріи, смотря по ихъ состоянію и красотѣ, и женили болѣе богатыхъ юношей на болѣе красивыхъ дѣвушкахъ, взимая съ первыхъ болѣе высокую плату, которая шла на приданое менѣе красавицъ дѣвицамъ. За этими брачными церемоніями слѣдовали большія празднества въ особыхъ домахъ, нарочно для того построенныхъ въ каждомъ городѣ и снабженныхъ въ достаточномъ для всѣхъ количествѣ постелями, буфетами и прочимъ хозяйствомъ, необходимымъ для новобрачныхъ въ теченіе всѣхъ этихъ праздниковъ, которые продолжались 50 дней. Затѣмъ, всѣ отправлялись по своимъ домамъ ¹⁾. По словамъ Пано-Карпини, монгольскій ханъ „если потребуешь у кого незамужнюю дочь или сестру, — ее безпрекословно отдаютъ ему. Ежегодно или черезъ нѣсколько лѣтъ, собираетъ онъ дѣвицъ изъ всѣхъ владѣній татарскихъ, изъ нихъ оставляетъ онъ себѣ тѣхъ, которыхъ хочетъ, а другихъ раздаетъ своимъ людямъ, какъ ему вздумается ²⁾“. Въ древнемъ Римѣ каждый годъ въ апрѣлѣ происходили праздники Венеры, а у Маннгардта и Кулишера ³⁾ можно найти цѣлый рядъ указаній на то, что въ Германіи, Англіи, Эстляндіи и проч. сохранилось много обычаевъ, свидѣтельствующихъ о приурочиваніи браковъ къ извѣстному времени года, чаще всего къ веснѣ и началу лѣта. Въ древней Руси свадьбы имѣли, повидимому, тоже свой опредѣленный періодъ, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ мѣствъ текста Псковской лѣтописи мы можемъ заключать, что извѣстное время въ году, а именно конецъ января и начало февраля, было извѣстно подъ именемъ свадебъ, и это выраженіе употреб-

¹⁾ *Gaya: Cérémonies nuptiales de toutes les nations* 1580, reimpr. p. 100—102.

²⁾ *Бестужевъ-Рюминъ: Русская Исторія* I стр. 280.

³⁾ *Manngardt: Wald und Feldkulte* I. стр. 449, 450, 469 et seq.; *Kulischer. Die geschlechtliche Zuchtwahl bei den Menschen in der Urzeit* (*Zeitschrift für Ethnologie* t. VIII стр. 152—156), цит. у *Westermarck'a. Op. cit.* p. 29.

дилось, очевидно, въ языкѣ, какъ совершенно опредѣленный терминъ, для обозначенія этого періода времени ¹⁾).

Такъ называемые базары или ярмарки невѣсть относящіяся, очевидно, къ этой же категоріи явленій, представляютъ собою не менѣе важный фактъ въ этомъ отношеніи. Ежегодныя брачныя собранія молодежи—эти „игрища межю селы“—были, по всей вѣроятности, не только праздниками, вызывавшими прекращеніе всякихъ военныхъ дѣйствій между племенами, часто находившимися во взаимной враждѣ²⁾, но давали также возможность производить вмѣстѣ съ тѣмъ обмѣны своихъ произведеній и заключать торговыя сдѣлки, что вмѣстѣ съ заключеніемъ браковъ, принявшихъ со временемъ характеръ купли или выкупа невѣсть, и подало поводъ къ этого рода названію. Такіе базары или ярмарки невѣсть существовали вокругъ всей сѣверной стороны Балканскаго полуострова и невольно заставляютъ вспомнить объ извѣстнѣ Помпонія Мелы относительно Фракійцевъ, приведенномъ нами выше. У старинныхъ писателей мы находимъ извѣстія, что въ Венеціи дѣвушки, достигшія совершеннолѣтія, были собираемы и выводимы на рынокъ, гдѣ ихъ окружала цѣлая толпа мужчинъ, и публичный крикунъ продавалъ ихъ съ аукціона ³⁾. Въ румынской Трансильваніи существовавшія прежде ярмарки невѣсть видоизмѣнились въ сельскіе праздники, продолжающіеся и до сихъ поръ на возвышенности Gaia a, и ихъ интересному описанію посвящена цѣлая глава въ недавно вышедшемъ подробномъ сочиненіи г. Маріану о румынскихъ свадьбахъ ⁴⁾. Въ другой мѣстности — Halmágy—существуетъ и до сихъ поръ, такъ назыв. базаръ поцѣлуйевъ:

¹⁾ Въ Псковской лѣтоп. подъ годомъ 6910 (1402): „Явися звѣзда хвостатая на западной странѣ и въсхожаше съ прочими звѣздами отъ свадебъ (февраля мѣс.) до Вербой суббота“, и далѣе подъ 1460 г.: „генваря 22 о свадьбахъ бсть пожаръ во Псковѣ.“ (Карамзинъ. Исторія Госуд. Россійск. Примѣч. къ т. V. №№ 222 и 386).

²⁾ У австралійскаго племени Diegi церемонія обрѣзанія, за которой слѣдуетъ ежегодный общинно-брачный праздникъ, какъ сказано выше, носятъ названіе Mindraï, т. е. миръ. G. Reynod op. cit. p. 147.

³⁾ *De Cotières. La foreste nuptiale* P. 1600, reimpr. Bruxelles 1863. p. 27.

⁴⁾ *S. H. Mariam. Nunta la Români. Bucuresci* 1890. глава X: Târ-gulă de fete. стр. 70—80.

всѣ вышедшія въ теченіе года замужъ молодыя женщины собираются въ извѣстный день на ярмарку, одѣтыя въ свои вѣнчальные костюмы, и цѣлуютъ всѣхъ мужчинъ, какіе имъ попадутся на встрѣчу, за что получаютъ съ каждаго небольшой подарокъ или нѣсколько мѣдныхъ монетъ¹⁾. Затѣмъ у русняковъ въ Угорской Руси до конца прошлаго, а можетъ быть и до начала нынѣшняго столѣтія существовали ярмарки невѣстъ въ Красномъ Бродѣ, описаніе которыхъ можно найти въ *Annales des Voyages Malte-Brun'a* въ извлеченіи изъ статьи Rohrer'a, помѣщенной въ *Vaterlaendische Blaetter* 1810—1811 года²⁾, а также въ *Časopis Českeho Musea* (1859, I, 101³⁾). Наконецъ, въ первой части настоящей работы мы упоминали уже объ указаніяхъ, какія имѣются въ украинскихъ свадебныхъ пѣсняхъ относительно существованія подобныхъ же базаровъ невѣстъ въ Меджибожѣ и Крупинѣ⁴⁾.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что существованіе опредѣленнаго разъ въ году времени для заключенія браковъ у македонскихъ болгаръ вовсе не представляетъ собою явленія случайнаго или исключительнаго. Рядъ приведенныхъ нами фактовъ показываетъ съ достаточной, кажется, ясностью, что явленіе это есть остатокъ чрезвычайно древняго и, вѣроятно, повсемѣстнаго обычая, имѣющаго свое начало въ чисто-физиологическихъ основахъ существованія и размноженія примитивнаго человѣка, перешедшихъ потомъ въ обычай, долго сохранявшійся, но потомъ измѣнившійся или даже

1) *R. Chéland. La Hongrie contemporaine* P. 1891. p. 66.

2) *Annales des Voyages*. t. XVI (1811) p. 109—111. Самъ Rohrer извлекъ свои свѣдѣнія изъ *Szirmai; Notitia topographica inclyti Comitatus Zempleniensis et Bartholomai; Memorabilia provinciae Czetneck, Neusold*. 1799.

3) Свѣдѣнія изъ *Čas. Čes. Musea* были сообщены въ сокращенномъ, впрочемъ, видѣ въ книгѣ г. *Сумцова*: „О свадебныхъ обрядахъ“, и но ошибкѣ, кажется, отнесены къ Чехіи (стр. 22).—Полнѣе они приведены въ нашей статьѣ „*Rites et Usages nuptiaux en Ukraine*“ (*L'Anthropologie*, 1892).

4) Сборн. за народ. умотвор. IV, стр. 197. Указаніе на подобныя же базары или ярмарки дѣвушекъ мы находимъ, можетъ быть, также и въ одной изъ болгарскихъ пѣсенъ:

„Да дойдешъ, Нено, да дойдешъ
На хубави дѣвъ Велидевъ
Голѣмъ ся соборъ собира,—

Отъ деветъ села момъ-те
Десето село—наше-то“.
(*Чолаковъ*. стр. 108).

почти исчезнувшій, вслѣдствіе появленія новыхъ условій жизни и ихъ осложненія.

Возвращаясь затѣмъ къ самому обряду начатія свадебъ въ Дебърскомъ окружіи Македоніи, мы должны обратить вниманіе читателя еще на то, повидимому, очень важное обстоятельство, что въ тотъ же самый день, когда открывается свадебный сезонъ, а именно день св. Илии, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, а именно въ Велешко, хотя и не входящемъ въ составъ Дебърскаго окружія, но населенномъ Мыяками же, выходцами изъ Дебъры ¹⁾, по словамъ г. Шапкарева „стова единъ общеселски или общински курбанъ служба. Вичкитъ селяни излизать внѣ отъ селото на едно опредѣлено мѣсто, (вѣроятно на оброчище). Тамъ колятъ единъ волъ, варятъ го въ общи казанъ. Отъ свареното мѣсо расподѣлятъ по часть на всекое семейство, испосѣднали всекое, на особни търпези. Курбанъ стова съ нѣкои обряди и молитви отъ страна на селскій священникъ ²⁾“ Подобные же курбаны и празднества устраиваются во многихъ другихъ мѣстахъ Македоніи и сѣверной Болгаріи. Въ Неврокопскомъ окружіи (село Скребатно) „на Илинь день сяка едва коца си завала единъ бравъ (овень) за курбанъ. Курбаніе то обыкновенно въ други деніе трябува да са готвятъ надробени въ харанія, а ва тон день са пекотъ на шишъ овни-тъ въ пещо³⁾“. Курбанъ вообще совершаютъ въ настоящее время въ Болгаріи въ видѣ домашняго, сельскаго или общиннаго праздника. обыкновенно въ день патрова семьи или того святого, которому посвящена мѣстная церковь. Но врядъ ли возможно сомнѣваться въ томъ, что празднества эти имѣютъ характеръ вполне дохристіанскій и, будучи первоначально праздниками домашнихъ и мѣстныхъ божествъ, только впоследствии были приурочены къ праздновапію памяти христіанскихъ святыхъ, сохранивши, впрочемъ, вполне всю свою языческую обрядность, начиная съ принесенія кровавой жертвы, какъ извѣстно, вовсе не допускаемой христіанствомъ. Въ Кюстендильскомъ окружіи, когда жертвенное животное уже сварено

¹⁾ *Верховичъ*, *op. cit.* стр. 4.

²⁾ *Шапкаревъ*. Сборникъ отъ българскія народ. умотвор. ч. III, кн. VII, стр. 185.

³⁾ *Чолаковъ*: Народенъ Сборникъ, стр. 110.

и разложено въ паницы для ѣды, никто не начинаетъ ѣсть, пока трапеза не будетъ благословлена. Но „попа сега не може да благослови; тукъ въ тоя случай, ще благославя най-старий отъ сежени-тѣ“¹⁾, а священникъ благословляетъ только потомъ²⁾. Нѣкоторыя обстоятельства указываютъ какъ будто бы на солнечный характеръ этихъ праздниковъ и даютъ поводъ къ сближенію ихъ съ однимъ изъ главныхъ религиозныхъ обрядовъ свадьбы, а именно съ приготовленіемъ и торжественнымъ вкушеніемъ коровай. На второй день частно-семейнаго курбанѣ у македонскихъ болгаръ, который продолжается „цѣли три дни, като на свадба“, готовятъ особый хлѣбъ (просфору), и „свещеникъ посѣщава всекое отъ празнующитѣ домакинства и прочетва на търпезата единъ приносъ (просфора), кой-то, разрѣзанъ послѣна малкикъсчета, раздава го на иситѣ присѣтствуещи, домашни гости... това се нарича: „креванье хлѣбъ“, а понегдѣ „пресвѣта“³⁾. Все это, разумѣется, слишкомъ недостаточно еще для окончательнаго сближенія курбановъ съ солнечными, а затѣмъ и съ свадебными годовыми праздниками, но мы считаемъ все-таки умѣстнымъ упомянуть объ этомъ, хотя бы для того только, чтобы обратить вниманіе на эти факты съ извѣстной точки зрѣнія³⁾.

¹⁾ *Шапкаревъ*, *op. cit.* стр. 187.

²⁾ *ibid.* стр. 183.

³⁾ Трудно, конечно, предполагать, чтобы курбанъ, какъ одинъ изъ видовъ жертвоприношенія, представлялъ собою особенность какой-нибудь отдѣльной расы или народа,—вѣрнѣе всего, что этотъ обычай есть одна изъ формъ общечеловѣческихъ. Но по особенностямъ своимъ болгарскій курбанъ имѣетъ наиболѣе сходства съ подобнымъ же обрядомъ у черемисъ (о черемисахъ и ихъ отношеніи къ болгарамъ мы говорили выше) съ тою только разницей, что черемисскій обрядъ, будучи еще вполне языческимъ, сохранилъ въ себѣ гораздо болѣе чертъ примитивно-арханческихъ и разнаго рода деталей, которыхъ уже не существуетъ въ болгарскомъ. Такъ, у черемисъ жертвоприношеніе происходитъ обыкновенно въ лѣсу, въ священной рощѣ, замѣняющей храмъ (керемень), и адресуется къ какому-нибудь дереву, какъ къ божеству. (*Смирновъ*: Черемисы стр. 199—202), обрядъ совершается цѣлымъ обществомъ (*ib.* стр. 205) Главнымъ божествомъ, которому приносятъ жертву, является богъ неба, богъ урожая; молятся, обращаясь на востокъ къ солнцу; происходитъ пляски парами, при чемъ принято за правило, чтобы мужъ не плясалъ съ женой; наконецъ, отъ имени боговъ благословляются молодухи, вышедшія замужъ со времени прошлаго дняго праздника. Торжественное приношеніе богамъ никогда не совершаетъ самъ жертвователь (хотя бы онъ былъ и одинъ): онъ выбираетъ посред-

Во всякомъ случаѣ, фактъ существованія до нынѣшняго времени особаго брачнаго времени года у болгаръ даетъ намъ новое и въ высшей степени важное подтвержденіе той теоріи опредѣленныхъ брачныхъ періодовъ, которой начало положено было предположеніями Кавелина и г. Сумцова, и открываетъ затѣмъ дорогу какъ жъ вполнѣ научному установленію свадебнаго значенія „игрищъ между селы“ у древнихъ славянъ, такъ и къ болѣе детальному и фактическому изученію вопроса о происхожденіи свадебныхъ обрядовъ вообще или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ нихъ, которые обнаруживаютъ такое бросающееся въ глаза сходство съ извѣстными языческими весенними и лѣтними солнечными праздниками. Здѣсь мы не можемъ, разумѣется, отдаться этому изученію и оставимъ это, какъ предметъ одной изъ нашихъ слѣдующихъ работъ.

В. Волковъ.

ника—старика, умѣющаго хорошо читать молитвы. (ib. стр. 202). Точно такъ же, какъ и у болгаръ, у черемисъ кровавны жертвы замѣняются уже часто хлѣбомъ, иногда представляющимъ по формѣ своей подобіе жертвеннаго животнаго (приничны лошади (ib. стр. 196.) и т. д. Очень много сходства съ этими черемисскими и болгарскими обрядами представляютъ подобныя же великорусскіе обряды, совершаемые, между прочимъ, тоже въ день св. Иліи, точно такъ же какъ въ Петровъ день и другіе. Въ Вологодской губ. еще не особенно давно въ Петровъ день приводили къ церкви быка, кололи его, варили тутъ же въ котлахъ и всѣмъ миромъ разговлялись его мясомъ на кладбищѣ. Всѣ селенія прихода изъ года въ годъ строго соблюдали между собой очередь доставки и привода къ церкви обреченнаго на жертву животнаго, часть котораго отдѣлялась и въ пользу церковнаго причта, какъ и въ Болгаріи. (Нива 1883, № 18 стр. 410). Извѣстный путешественникъ прошлаго столѣтія Лелекинъ видѣлъ въ Пермской губ., что поселане на мірскую складку приводили съ собою въ день св. Иліи быка, другіе — теленка и сѣдали всею деревней. (Сахаровъ: Сказанія русскаго народа, изд. 1885 г. II, стр. 101). Въ Тульской губ. въ старину поселане несли на мірскую складчину хлѣбъ изъ новой ржи, приносили для благословенія въ церковь и раздавали нищимъ отъ всей деревни (ib. стр. 101). Въ Архангельской губ., въ день св. Иліи рѣзутъ подобнымъ же образомъ барановъ (Сумцовъ: О свад. обр., стр. 107). Сходство между описанными обрядами этихъ трехъ народовъ по всей вѣроятности, далеко не случайное, и объясненія его надо искать въ ихъ историческихъ отношеніяхъ. Въ Украинѣ очень отдаленный намекъ на пѣчто подобное представляетъ собою обычай зажигать свѣчи на рогахъ быковъ во время церковнаго праздника въ Криницѣ (Записки Югозап. Отдѣла И. Рус. Географич. Общ. II, стр. 180 и слѣд.), но это принадлежитъ, очевидно, къ всѣмъ другой категоріи подобныхъ же явленій.

САУРЪ ВАНИДОВИЧЪ.

В. Θ. Миллеръ напечаталъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ статью: „Былина о Саурѣ и сродныя съ ними“. Матеріаломъ ему послужили шесть былинъ, которыя, повидимому, всѣ рассказываютъ объ одномъ и томъ же лицѣ. Въ одной былинѣ богатырь, о подвигахъ котораго поется, называется Константиномъ, въ другой онъ стоитъ безъ имени, въ остальныхъ носитъ имена Суровень, Суравѣсть, Суровець. Эти послѣднія В. Θ. Миллеръ считаетъ за искаженія прозвища Суровичъ, т. е. Сауровичъ, сынъ Саура; въ той былинѣ, въ которой богатырь названъ Константиномъ, отецъ его названъ Сауромъ.

Сводное изъ шести вариантовъ содержаніе быliny будетъ такое: Во время отсутствія царя (Саура) царица родитъ сына, который, подростши, отправляется искать отца, встрѣчаетъ на пути ворона, сидящаго на дубу, хочетъ стрѣлять въ него, но воронъ указываетъ ему на болѣддя него славную задачу; черезъ рѣку Смородину переправляется (или изъ Трелетовыхъ горъ поднимается) татарскій или сорочинскій царь. Царевичъ дерется съ татарами; сорочинскій царь велитъ рыть ямы и въ ямахъ ставить поторчивы. Конь царевича оступись и упалъ въ яму; царевича схватили, связали и ведутъ на казнь, но онъ ломаетъ оковы, хватаетъ татарина, машетъ имъ, а потомъ осью телѣжною побиваетъ татаръ и добирается до самого царя. Нѣкоторые варианты на этомъ кончаются, но былина несомнѣнно имѣла продолженіе. Мы доскажемъ его послѣ.

Г. Миллеръ приписываетъ этой былинѣ восточное происхожденіе. „И богатырь и его враги носятъ еще тюркскія имена: имя богатыря до сихъ поръ еще прикрѣплено къ

южно-русскимъ степнымъ курганамъ-могиламъ. Всѣ варианты записаны въ восточной Россіи, въ Поволжьѣ, и не проникли въ районъ живой эпической традиціи нашего сѣвера, въ Олонецкую губернію⁴. Въ то время, какъ другіе былины приурочены къ двору кievскаго Владиміра, здѣсь отецъ-царь является царемъ какого-то бусурманскаго владѣнія, астраханскаго или алыберскаго.

Послѣ такого результата изслѣдованія русской былины естественно рождается желаніе обратиться къ степному эпосу и поискать, не найдется ли въ немъ сходнаго сюжета съ сходными именами.

У калмыковъ существуетъ былина подъ названіемъ Джангаръ, которая поется подъ аккомпанементъ балалайки или гуслей. Она была переведена на нѣмецкій языкъ Бергманомъ и напечатана въ его *Nomadische Streifereien unter d. Kalmüken*, Riga, 1805, Th. IV; потомъ на русскій Бобровниковымъ въ 1854 г. (Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1854, кн. 12); текстъ ея напечатанъ г. Галстунскимъ. Бобровниковъ въ предисловіи къ своему переводу говоритъ, что экземпляръ, съ котораго онъ переводилъ, записанъ въ Багацохуровскомъ улусѣ; но въ его рукахъ былъ и другой экземпляръ, записанный для О. Ковалевскаго въ Хонуттовскомъ улусѣ. Они во многомъ не сходны; третья запись, переведенная Бергманомъ, имѣетъ совсѣмъ другое содержаніе, чѣмъ двѣ предыдущія, хотя имена дѣйствующихъ лицъ тѣ-же.

Багацохуровскій экземпляръ Джангаріады начинается описаніемъ ставки хана Джангара и его свиты. Ханъ-Джангаръ живетъ у горы Арсаланъ Алтай, у моря Эрджи шартакъ; у него 6000 и 12 богатырей. По правую сторону его сидитъ Далай-алтанъ пѣджи, „море золотая грудь“, пастухъ грознаго бога Махагалы; онъ знаетъ на 99 лѣтъ впередъ и можетъ безошибочно разсказать за 70 лѣтъ назадъ. По лѣвую руку сидитъ богатырь Эргу-Гумбо; кромѣ того еще упоминаются богатыри Сабаръ, Уланъ-Хонгоръ и др. Въ это описаніе вставленъ разсказъ о томъ, какъ Уланъ-Хонгоръ плѣнилъ Сабара и привезъ къ Джангару. Далѣе былина разсказываетъ, что богатыри кидаютъ жребій, кому ѣхать

на караулъ или на заставу на горѣ Эржелукъ. Жребій падаетъ на Уланъ-Хонгора, потомъ на Алтанъ-Цѣджи, но ханъ не отпускаетъ ихъ; послѣ того жребій выпадаетъ Сабару. Сабаръ отправился на гору Эржелукъ и поднялся на ея вершину. Съ горы онъ увидѣлъ, что семь какихъ-то богатырей уговяютъ ханскій табунъ; это были семь богатырей Замбалъ-хана. Хотя главный изъ нихъ былъ убить Сабаромъ, однако остальные шесть богатырей вогнали табунъ въ море и онъ поплылъ черезъ море. Сабаръ не смѣетъ поѣхать въ спуску въ морю; тамъ его ждутъ шесть Замбаловыхъ богатырей; остальной же берегъ недоступенъ: „страшный красный берегъ въ 7000 сажень усаженъ ножевыми остріями, какъ шильями“. Когда шесть богатырей стали наступать на него, онъ столкнулъ свою лошадь и самъ прыгнулъ съ берега. Лошадь заняла въ черной грязи, и Сабаръ не могъ ея вытащить. Богатыри рубили берегъ мечами и стали валили красную землю на Сабара. Сабаръ, чтобъ не быть заваленнымъ, поплылъ по морю. Слухъ объ угоиѣ табуна доходитъ до хана Джангара. Алтанъ-Цѣджи гадаетъ и говоритъ, что табуны отогнаны богатырями Замбалъ-хана. Богатырь Уланъ-Хонгоръ получаетъ лошадь Аранзула и позолоченный сандалный мишилъ (какое-то орудіе) и отправляется догонять табунъ. Сабаръ успѣлъ уже заворотить табунъ назадъ; табунъ вышелъ на берегъ, и, не смотря на старанія шести богатырей помѣшать, пустился въ горы. Конь Сабара, увязшій въ грязи, размягалъ грязь и высвободился. Сабаръ съѣлъ ва него и поѣхалъ вслѣдъ за табунномъ. Тутъ присоединяется къ нему Уланъ-Хонгоръ. Они убили Замбаловыхъ богатырей, отрубили имъ головы и привязали ихъ въ торока ихъ лошадей, затѣмъ этихъ лошадей заставили войти въ море и плыть на другую сторону. Головъ, привязанныхъ въ торока насчитывается не шесть, а семь, слѣдовательно тутъ присчитана также голова и того богатыря, который былъ раньше убить. Сабаръ и Уланъ-Хонгоръ возвращаются въ ставку Джангара.

Хошутовскій списокъ начинается тѣмъ, что мудрецъ Алтынъ-Цѣджи задумывается и узнаетъ, что гдѣ-то на западѣ есть князь Хара-Джилѣнъ, который обращается въ

каменную скалу, или скалы начнут стучать въ него или ругать его, и обладаетъ 33 овеженствами. Хара-Джигонъ пытается овладѣть землями Джангара: Улигъ-Хонгоръ собирается привести Хара-Джигона съ своими и сражается въ походъ.

Содержаніе Джангаріады въ переводѣ Бергмана (Benjamin Bergman. *Nomadische Streifereien unter den Kaimaken in den Jahren 1872 und 1873. Riga, 1875. IV Theil S. 183—214*) таково: Богдо Джангаръ царствуетъ при Шара-Алтаѣ, владѣ громаднаго моря Шаргу-далай. При Джангарѣ богатыри: Алтагъ-Цэчи. Саваръ, Хонгоръ и друг. Въ сторонѣ, гдѣ закатывается солнце, живетъ повелитель 7000 земель Шара-Гурго. Онъ посылаетъ въ Джангару посла Бурса-Бойо-цагана съ требованіями, чтобы Джангаръ выдалъ коня Аранзала и богатырей Хонгора красного и Алтагъ-Цэчи. Джангаръ отказываетъ въ просьбѣ. Хонгоръ вслѣдъ за этимъ, безъ ханскаго разрѣшенія, на свой страхъ немедленно отправляется во владѣнія Шара-Гурго, доѣзжаетъ до плѣшиваго овчара, который на хромои пестрой лошади пасъ 500 овецъ, принадлежавшихъ Алтану-Цэчи; пастухъ рассказываетъ Хонгору о дорогѣ къ Шара-Гурго: нужно перевалить хребетъ Кокониль, затѣмъ переѣхать безтравную степь, какъ бы сожженную пожаромъ; на переѣздъ потребуется семь дней и семь ночей; далѣе попадутся колодезь Ташугинъ-Шара и рѣка Вотуга; отсюда будетъ видно вершину бѣлой горы, у которой живетъ Шара-Гурго. Хонгоръ доѣзжаетъ до ставки Шара-Гурго, входитъ въ нее ночью ползкомъ на колыньхъ, тушитъ ладонью горящую лампу, беретъ спящаго на золотой подушкѣ Шара-Гурго правой рукой подъ голову, лѣвой подъ ногу, выноситъ его и садится на своего коня; но конь не двигается съ мѣста. Хонгоръ оставляетъ Шара-Гурго на мѣстѣ и хочетъ удалиться, но его окружаютъ люди; онъ сражается съ ними, но изнемогаетъ въ этой битвѣ. У Джангара былъ подарокъ отъ Великаго ламы, обитающаго въ Зу (т. е. далай-ламы, живущаго въ Мвеконцу или въ Ласѣ), именно золотой оракулъ (Golde Wahrmitel); силою этого вѣщаго средства Джангаръ узналъ, что Хонгоръ находится въ опасности. Онъ заставляетъ гадать

богатыря Гумбо на лопаткѣ; тотъ гадаеть и описываетъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи очутился Хонгоръ. Джангаръ отправляется въ походъ; происходитъ битва съ людьми Шара-Гурго; въ серединѣ бьется Алтанъ-Цэчжи, Джангаръ на правой рукѣ, Хонгоръ на лѣвой (конца повѣсти у Бергмана не было).

Бергмановскій эпизодъ есть очевидно вариантъ хошутовскаго стиха, бывшаго въ рукахъ Бобровникова; вмѣсто Хара-Джилэна у Бергмана Шара-Гурго; мѣсто золотого оракула, Golde Wahrmittel, повидимому, занимаетъ Алтанъ-Цэчжи ¹⁾.

Всѣ эти три списка записаны у астраханскихъ калмыковъ, но мнѣ извѣстно, что Джангаръ есть и у китайскихъ калмыковъ, т. е. у торгоутовъ, кочующихъ на хребтѣ Тарбагатай, и у торгоутовъ, живущихъ на р. Эдзинъ-голѣ, а также, вѣроятно, его знаютъ и остальные сородичи астраханскихъ калмыковъ, олюты Алашаня и Хухунора (въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ). Если небольшой отрывокъ калмыцкаго племени далъ три расходящихся списка, то племя въ цѣломъ его составѣ, разсѣянное на пространствѣ отъ Волги до центральныхъ частей Тибета, нужно думать, дастъ еще нѣсколько вариантовъ.

Калмыцкая былина имѣеть съ русской былинной о Суровцѣ нѣкоторыя сходныя черты въ сюжетѣ и сходныя имена. Въ русской былинѣ описывается побоище съ сорочинами или татарами, и въ одномъ вариантѣ это побоище приурочено къ переправѣ черезъ рѣку Смородину; въ калмыцкой битва богатырей также связана съ переправой черезъ „черное море“. Въ русской былинѣ угона табуна нѣтъ, но, можетъ быть, это опущеніе; можно сдѣлать предположеніе, что царь сорочинскій переправлялся черезъ Смородину уже послѣ набѣга, возвращаясь домой съ награбленной добычей. Въстѣ объ этомъ сообщаетъ въ русской былинѣ воронъ; въ багацохуровскомъ спискѣ калмыцкой былины ясно не сказано, кто принесъ первую вѣсть объ угонѣ табуна; когда первое извѣстіе уже получено, Алтанъ-Цэчжи задумывается и от-

¹⁾ *Алтанъ-цэчжи по-монгольски — „золотая грудь“.*

крывается, кто угналъ табуна; хошутовскій же списокъ начинается прямо съ того, что Алтынъ-Цѣджи задумался и узналъ, что Хара-Джилѣнъ хочетъ овладѣть конемъ Джангара. Вѣроятно и въ багацохуровскомъ первую вѣсть давалъ Алтынъ-Цѣджи. Тутъ нельзя не обратить вниманіе на то, что Алтынъ-Цѣджи, стоящій на мѣстѣ вѣщаго ворава русской былинны, названъ пастухомъ бога Махагала и что воронъ считается ламаистами священною птицею бога Махагала. Богатыря Суровца (Константина) можно видѣть въ Сабарѣ калмыцкой былинны; по крайней мѣрѣ, эпизодъ о Суровцѣ, упавшемъ вмѣстѣ съ конемъ въ выкопанную татарами яму можно сравнить съ Сабаромъ, который увязилъ своего коня въ грязи. Вмѣсто накопанныхъ татарами ямъ съ вбитыми въ нихъ „поторчинами“—въ калмыцкой былинѣ „страшный красный берегъ въ семь тысячъ сажень съ ножевыми остріями“, о которомъ нѣсколько строкъ ниже еще разъ сказано: „берегъ въ семь тысячъ сажень усѣянъ остріями, словно шильями“. Мудрецъ Алтынъ-Цѣджи своимъ вѣщимъ зрѣніемъ видитъ всѣ эти подробности переправы табуна и рассказываетъ хану Джангару; въ русской былинѣ воронъ также провѣщилъся богатырю въ моментъ переправы черезъ рѣку, но тутъ замѣчается несоотвѣтствіе въ томъ, что Алтынъ-Цѣджи обращается съ рѣчью къ хану Джангару, а не къ Сабару, какъ бы слѣдовало для параллельности, и потому въ его разсказѣ описывается и поведеніе самого Сабара на переправѣ. Такое несопаденіе не должно представляться неожиданнымъ при той ломкѣ сюжета, которой онъ могъ подвергаться при пересадкѣ на другой языкъ. И въ вариантахъ русской былинны роль отца и сына новидимому смѣшиваются, какъ на это указываетъ въ своей статьѣ В. Э. Миллеръ. Въ русской былинѣ конь самъ освобождается изъ ямы и является къ своему хозяину; также и въ калмыцкой: онъ разлягалъ грязь, и прибѣжалъ къ Сабару. Въ русской былинѣ богатырь говоритъ своимъ противникамъ: „кто хочетъ жить подольше, тотъ бѣжи подаль, а кто хочетъ жить поменьше, тотъ подвинься поближе“; въ калмыцкой одинъ изъ семи Замбаловыхъ богатырей говоритъ своему противнику: „если ты другъ

жизни своей, стой“! (Джангарь, стр. 21). Калмыцкому Хонгору въ русской былинѣ нѣтъ соотвѣтствующаго лица, но В. О. Миллеръ сближаетъ былинну о Суровцѣ съ былинной о Михайлѣ семилѣткѣ кievскомъ, конь котораго также ввалился въ ровъ, выкопанный татарами; на выручку Михайлѣ ѣдетъ его отецъ Данило Игнатьевичъ; слѣдовательно Хонгору, ѣдущему спасать Сабара, отвѣчаетъ отецъ Михайлы. Калмыцкая былина не ставитъ Сабара въ какія либо родственныя отношенія къ Хонгору, но въ ней есть загадочный эпизодъ о Сабарѣ. Этотъ богатырь трехъ лѣтъ лишился родителей; мангусы овладѣли его подданными. Достигши пятилѣтняго возраста, онъ собирается воевать съ мангусами. Вѣщій Алтынъ-Цѣджи обращаетъ вниманіе Джангара на Сабара и предупреждаетъ, что, побѣдивъ мангусовъ, Сабаръ не дастъ покою и подданнымъ Джангара. Джангарь, сѣвъ на коня, выѣзжаетъ съ своими богатырями ловить Сабара, но Сабаръ спихаетъ богатырей съ сѣделъ и не дается имъ въ руку. Жена Джангара будитъ спящаго богатыря Уланъ-Хонгора, и тому удается догнать Сабара, устоять отъ его ударовъ, схватить Сабара и привезти его въ ставку Джангара. Въ обоихъ эпизодахъ о Сабарѣ является одно и то-же лицо—Уланъ-Хонгоръ; въ одномъ онъ ѣдетъ выручать Сабара изъ бѣды, въ другомъ онъ ловитъ его, получая отъ него удары; тутъ недоговоренная, можетъ быть, параллель къ Данилѣ Игнатьевичу, который ѣдетъ выручать сына Михайла и вступаетъ въ бой съ сыномъ (последнее приписывается и Сауру Ванидовичу).

Калмыцкая былина имѣетъ въ себѣ не мало именъ, сходныхъ съ именами русской быliny. Сауръ русской быliny напоминаетъ богатыря Сабара или Савара калмыцкой. Сорочинскій (татарскій) царь въ русской былинѣ носитъ имена Кунгуръ, Курганъ Смородовичъ, Кумбаль Самородовичъ, Курбанъ Курбановичъ. Курганъ сходно съ Гурко въ спискѣ Бергмана, Кумбаль съ Замбаломъ багацохуровскаго списка; Кунгуръ съ Уланъ-Хонгоромъ того же списка, а также и съ Джангаромъ. Курбанъ напоминаетъ монгольское *сурбан*, „три“. Намъ извѣстенъ только одинъ случай; въ которомъ это слово встрѣчается въ составѣ личнаго имени, это въ

имени божества Гучинь-гурба-Хормустень-хань, которое трудно привлечь къ занимающей насъ сказкѣ. Въ другомъ случаѣ *гурбан* входитъ въ составъ названія предмета, который въ сказаніяхъ могъ бы становиться цѣлью исканія; иногда въ сказкахъ это и бываетъ; мы имѣемъ въ виду буддѣйскій терминъ *гурбан-эрдени*, „три драгоценности“; трудно, конечно, придумать путь, которымъ этотъ терминъ могъ перейти въ личное имя, хотя второй членъ и встрѣчается между именами монгольскихъ богатырей (Эрдэви-мергевъ, Эрдени-Харалигъ); развѣ могло случиться это такимъ родомъ, что въ сюжетѣ былины заключается эпизодъ о добываніи и привозѣ драгоценности, „гурбанъ-эрдени“, и часть имени добываемаго предмета была обращена въ имя богатыря. А что такая тема включалась въ калмыцкую былину, это предполагать возможно. Въ спискѣ Бергмана Уланъ-Хонгоръ хочетъ увести похищеннаго Гурко; но конь не двигается, такъ что Уланъ-Хонгоръ долженъ оставить Гурко на мѣстѣ—тема, не рѣдко соединяющаяся съ темой о похищеніи святыни. Въ Бергмановскомъ спискѣ и цѣль вражескаго набѣга не табунъ, а богатырь Алтынъ-Цѣджи, и „Золотой торсъ“, имя котораго тоже вызываетъ сходныя соображенія. Мы припоминаемъ по этому случаю монгольскую легенду объ Абатаѣ, который везъ въ Монголію статую бога Гамбогуру (или Махагала) и на дорогѣ статуя дальше не захотѣла двигаться: Абатай отсѣкъ верхнюю часть тѣла и только ее увезъ въ Монголію (см. Потанинъ, Очерки сѣв. зап. Монголіи, IV, 333). Эта верхняя часть можетъ быть и есть Алтынъ—цѣджи, „Золотой торсъ“¹⁾. Можетъ быть; на связь съ легендой объ Абатаѣ указываетъ и то, что Алтынъ-Цѣджи въ багацохуровскомъ улусѣ названъ пастухомъ бога Махагала. Привезенная Абатаемъ статуя подвергается потомъ нападенію хана Галдана; хотя рассказъ объ этомъ событіи мало напоминаетъ калмыцкую былину, но въ

¹⁾ Алтынъ-цѣджи ср. съ Алтынъ-чехей; такъ называется бѣлокъ въ сѣверной Монголіи; въ переводѣ это значитъ „золотая чаша“. Въ сказкѣ мнѣшнскихъ татаръ Алтынъ-тата вараулеть „золотую чашу“ съ животворной водой у „золотой березы“ (по-сойотски *алтын кадын*; по-монгол. *алтан хосум*; ср. олетское Алтынъ-гасунъ, Погарная звѣзда).

ней также упоминается переправа черезъ рѣку Орховъ, воды которой поднимаются и топятъ вражеское войско. Если рѣка Смородина, стоящая въ былинѣ о Саулѣ Леванидовичѣ не напоминаетъ этотъ сердитый разлившійся Орховъ, то его можетъ напомнить другая Смородина, которая разливается и топитъ богатыря Добрыню Никитича. Галданъ — ханъ олютовъ или олѣтовъ; олѣтами, улѣтами называютъ себя калмыки, живущіе въ предѣлахъ Китайской имперіи; въ это въ монгольской письменности является въ формѣ *угелод*. Не отсюда ли мужики углицкіе въ былинѣ о Саулѣ Леванидовичѣ? Олюты считаютъ себя потомками нѣкоего Цороса; и теперь одно калмыцкое поколѣніе называетъ себя цоросами, но могли бы себя такъ называть и всѣ олюты; въ такомъ случаѣ мы могли бы нападеніе Галдана на статую, привезенную Абатаемъ, назвать нашествіемъ цоросовъ. А если олюты никогда всѣ не назывались цоросами или чоросами, то, по крайней мѣрѣ, можно допустить, что въ древности была большая вѣтвь олѣтскаго племени, которая называла себя этимъ именемъ, больше, чѣмъ теперь, и которая впоследствии исчезла; она могла прійти въ южную Россію, сдѣлаться здѣсь извѣстною за свою силу и многочисленность и потомъ слиться съ другими неарійскими племенами, потерявъ свой языкъ, усвоивъ чужой, но сохранивъ въ памяти свои чоросскія преданія. Въ одной русской былинѣ богатырь Константинъ, сынъ Саула Леванидовича, очутился въ плѣну и въ тюрьмѣ у мужиковъ углицкихъ; въ другой царь Сауръ Ванцовичъ въ плѣну и въ тюрьмѣ у мужиковъ сорочинскихъ; углицкіе мужики какъ будто одно и то-же съ сорочинскими, какъ и въ калмыцкой терминологіи угеледы то-же, что цоросы.

В. Ө. Миллеръ сближаетъ былинну о Суровцѣ съ кievской былинной о Михайлѣ Даниловичѣ; враждебный царь называется Уланище (что напоминаетъ первый членъ въ парномъ Уланъ-Хонгоръ) ¹⁾ или Бахметъ Тавруевичъ. Суровцу соответствуетъ Михайлѣ Даниловичъ; такимъ образомъ для богатыря, который называется часто просто Суровцомъ, мы имѣемъ два христіанскіихъ имени: Константинъ и Михайлѣ.

¹⁾ Ср. также Хара-Джилентъ въ Хомутовскомъ спискѣ. Уланъ-Джилентъ можетъ быть искаженіе неволатаго монголамъ турецкаго *чакан, элкан, „зѣвл“*.

В. Ө. Миллеръ старается открыть, откуда попали въ эту, еще не утратившую слѣдовъ своего восточнаго происхожденія, былину два эти христіанскія имени и онъ находитъ въ лѣтописныхъ преданіяхъ подходящіа лица. Мы сейчасъ укажемъ на былину, записанную у дюрбютовъ около оз. Убса; если она не въ состояніи отклонить послѣдніа соображенія В. Ө. Миллера, то, по крайней мѣрѣ, можетъ привести къ вопросу, не подготовила ли она своими ордынскими именами почву для привлеченія въ русскую былину историческихъ именъ Михаила и Константина.

Дюрбютская былина содержитъ въ себѣ эпизодъ объ угонѣ царскаго табуна. Царскій сынъ Иринь-Сайнъ-Гунынъ-настай-Микеле, трехлѣтокъ, собирается ѣхать въ погоню за табуномъ. Подобно тому, какъ Владиміръ отговариваетъ семилѣтка Михаила, и говоритъ, что онъ еще молодъ для богатырскихъ дѣлъ, такъ и въ дюрбютской былинѣ отецъ-царь и мать-царица не отпускаютъ Иринь-Сайна. Они говорятъ ему, что онъ росъ въ нѣгѣ, что онъ людей хорошо не знаетъ, что онъ не имѣетъ ни братьевъ, ни сестеръ и одинокъ, какъ вѣтеръ въ полѣ, и уговариваютъ его пожить дома еще годъ.

Табуны отогнаны богатыремъ Харь-Хурмукинъ¹⁾: второй членъ этого имени напоминаетъ имя монгольскаго божества Хормустень-хана или Гучинъ-Гурба-Гурбустень-хана, которое у сосѣднихъ тюрковъ произносится Курбустень-ханъ²⁾. Въ томъ числѣ отогнанъ и богатырскій конь Иринъ-Сайна, такъ что этотъ богатырь преслѣдуетъ табунъ пѣшкомъ; это напоминаетъ Сабара калмыцкой былины, но не въ эпизодѣ объ угонѣ табуна, а въ эпизодѣ о ловлѣ Сабара Уланъ-Хонгоромъ; Сабаръ, у котораго Джангаровы богатыри отбили лошадь, убѣгаетъ отъ Уланъ-Хонгора, сидящаго на лошади, пѣшій. Эпизода о подкопахъ и упавшемъ въ яму

1) Иринъ-Сайнъ поднимается на гѣстницу и съ нею осматриваетъ, куда отогнаны табуны. Этой подробности въ былинѣ о Михаилѣ Даниловичѣ нѣтъ, но она есть въ калмыцкой: Сабаръ взѣхалъ на вершину высокой горы и съ нею увидалъ, что табунъ несетъ по направленію къ морю и его съади гонятъ семь богатырей. Эта подробность есть также и въ греческой былинѣ объ Армури. Число богатырей, отгоняющихъ табунъ, въ калмыцкой былинѣ семь; то же число въ Гесеридѣ въ русской былинѣ о семи богатыряхъ, отгоняющихъ табунъ изъ Цареграда.

2) Съ этимъ Гурба-Гурбустень ср. русское нарное Курбанъ Курбановичъ.

конѣ въ дюрбютской былинѣ нѣтъ; онъ замѣненъ тѣмъ, что Иринь-Сайнъ находитъ своего коня съ обрубленными ногами; Иринь-Сайнъ исцѣляетъ коня. Оковившись, онъ вырываетъ дерево и съ нимъ продолжаетъ преслѣдованіе угнаннаго табуна. Въ русскихъ былинахъ въ рукахъ богатыря Суровца или Михаила татаринъ, а потомъ ось или осядь телѣжная; въ калмыцкой Сабаръ носить на плечѣ желтый топоръ, Уланъ-Хонгоръ какой-то позолоченный сандалный мишиль. Табуны, наконецъ, возвращены, какъ и въ калмыцкой былинѣ; Харь-Хурмукинъ убитъ. Иринь-Сайнъ ѣдетъ далѣе; ему на встрѣчу ѣдетъ другой богатырь; они сѣзжаются для поединка, но тутъ происходитъ спознаніе. Богатырь, встрѣченный Иринь-Сайномъ, оказался Коколемъ, племянникомъ Иринь-Сайна. Сестра Иринь-Сайна была замужемъ за богатыремъ Китынъ-Зеби; Хорь-Хурмукинъ убилъ Китынъ-Зеби и его беременную жену увелъ въ плѣнъ. Этотъ эпизодъ по мѣсту своего положенія въ былинѣ отвѣчаетъ встрѣчѣ Саура Ванидовича съ сыномъ или выѣзду на ратное поле Даниила Игнатьевича. Такъ какъ Иринь-Сайнъ такой же малолѣтокъ, какъ Михаилъ, то въ выѣхавшемъ къ нему на встрѣчу богатырѣ слѣдовало бы признать Данилу Игнатьевича, но онъ обозначенъ въ дюрбютской былинѣ племянникомъ и такимъ образомъ является младшимъ, а не старшимъ богатыремъ. Такъ какъ Коколь выѣзжаетъ изъ враждебнаго лагеря, гдѣ онъ находился въ плѣну, то онъ соотвѣтствуетъ Сауру Ванидовичу, который находился въ плѣну у сорочиновъ. Тѣмъ же обстоятельствомъ, что онъ родился въ отсутствіи отца, онъ напоминаетъ Константина, сына Саула Леванидовича. Подобно тому, какъ мать снаряжаетъ Константина отыскивать отца, такъ мать Коколя посылаетъ сына отыскивать дядю. Мы думаемъ, что первоначально въ дюрбютской былинѣ дѣло происходило такъ-же, какъ и въ русской сказкѣ о Ерусланѣ, что отецъ вступалъ въ бой съ сыномъ, и можетъ быть даже одинъ изъ поединщиковъ назывался Арсланомъ. Въ той-же дюрбютской былинѣ ниже есть другой эпизодъ: Иринь-Сайнъ вступаетъ въ бой съ волкомъ, который оказывается человекомъ въ обращенномъ видѣ, братомъ Иринь-Сайна, по имени Арсланъ-Зеби. Можно пред-

положить, что вначалѣ исторія объ угонѣ табуна въ дюрбютской былинѣ имѣла такой видъ: Иринъ-Сайнъ отбиваетъ табуны, убиваетъ Харъ-Хурмукина и наѣзжаетъ на незнакомаго богатыря, который оказывается его сыномъ Арсланомъ. Впослѣдствіи родственныя отношенія замѣнены другими; въ незнакомомъ богатырѣ редакция стала видѣть или племянника или брата, причемъ имя Арсланъ при племянникѣ не удержалось, но сохранилось при братѣ. При сводкѣ вариантовъ въ одну большую былину оба эти варианта вошли въ сводный составъ—и бой или, по крайней мѣрѣ, встрѣча съ племянникомъ и бой съ братомъ. Но такъ какъ Иринъ Сайнъ малолѣтокъ, то въ гадательномъ Арсланѣ скорѣе нужно видѣть отца, а не сына. Родители Иринъ-Сайна были уведены въ плѣнъ мангысами; это случилось послѣ угона табуна, когда Иринъ-Сайнъ ушелъ возвращать его. Но увозъ въ плѣнъ могъ стоять раньше; схема былины могла быть такая: увозъ родителей; Иринъ-Сайнъ вырастаетъ безъ нихъ; или увозъ отца, и Иринъ-Сайнъ родится безъ него отъ оставленной беременною матери; когда онъ достигъ трехлѣтняго возраста, у его матери отогнаны табуны; онъ ѣдетъ возвращать табуны и мститъ мангысамъ, подобно Сабару, который трехлѣтъ лишился родителей, лишился подданныхъ, уведенныхъ мангысами, и на пятилѣтнемъ возрастѣ отправляется мстить мангысамъ; далѣе Иринъ-Сайнъ достигалъ до мѣста плѣненія его отца; враги высылали отца на бой съ сыномъ.

Дюрбютская былина имѣетъ такое же право на сближеніе съ былинами о Суровцѣ, какъ и кievская о Михаилѣ. Въ ней есть всѣ тѣ темы, какъ и въ послѣдней: 1) богатырь малолѣтокъ, 2) отговариваніе родителей, 3) конь лишенный движенія, 4) дубина вмѣсто оружія, 5) встрѣча съ неузнаннымъ младшимъ родственникомъ и сповнаніе. Не хватаетъ только сидѣнья по наговору въ погребѣ. Эта послѣдняя тема въ ордынскомъ фольклорѣ рассказывается отдѣльно о богатырѣ Шуно. По нашему мнѣнію, это послѣднее сказаніе прежде не стояло такъ особо отъ былины объ Иринъ-Сайнѣ, какъ теперь. Въ статьѣ „Абирь повѣсти и Абирь легенды“ (Этн. Обозр., кн. XXV) я указываю на отношенія Иринъ-Сайна къ Шуно; тамъ я старался уста-

новить тожество между тюркскимъ Шуно, тибетскимъ Гари и тюркскимъ Ерень-чиченомъ, признавая во всѣхъ ихъ фигуру мудраго совѣтника царя; къ этому же списку именъ мы отнесли и имя Иринъ-Сайнъ, которымъ могъ называться мудрый царь, замѣщавшій иногда мудраго совѣтника. Шуно сидитъ въ ямѣ по клеветѣ, какъ Михаилъ въ кievской легендѣ; его поднимаютъ изъ ямы; онъ освобождаетъ царство отъ плѣненія иностраннымъ царемъ, но, разобиженный несправедливостью отца, не хочетъ болѣе оставаться въ его царствѣ, удаляется въ иностранное царство (въ Русь). Мы сблизимъ его съ персонажемъ другихъ легендъ, который уноситъ у Чингисъ-хава знамя, мутовку (или золотой принозь) и иногда также въ Русь. Эти похищаемые предметы родъ народнаго палладиума; съ ними соединено счастье народа. Это-то преданіе о сидѣннн въ ямѣ Шуно, дополненное темой о похищенномъ предметѣ и входившее, можетъ быть, въ составъ былины о богатырѣ, возвращавшемъ угнанный табунъ и проговявшемъ набѣжавшихъ непріятелей, дошло до Кіева и превратилось здѣсь въ преданіе объ унесшемъ „золотыя ворота“ Михалигъ, стоящее рядомъ съ былинной о Михаилѣ Даниловичѣ, въ составъ которой оно, вѣроятно, входило. Угонъ табуна и переправа черезъ море въ русскихъ былинахъ исчезли; эти инциденты были въ ней, но теперь, только какъ блѣдный слѣдъ прежней редакціи, осталась въ одной изъ былинъ переправа черезъ Смородину. Мы представляемъ себѣ прежній видъ этой былины такимъ: царь Кунгуръ напалъ на царство Алыберское ¹⁾ и угналъ табунъ; но богатырь Константинъ нагналъ его въ то время, какъ онъ переправлялся черезъ Смородину.

Въ русской былинѣ богатырь Суroveň носитъ христіанское имя Константинъ; въ кievской былинѣ отвѣчающій персонажъ называется Михаиломъ; въ дюрбютской Иринъ-Сайнъ-Гунынъ-настай-Мекеле. Въ виду сходства сюжетовъ и въ

¹⁾ Имя Алыберское нужно искать въ кругу сказовъ о набѣдѣ царя. Есть монгольскія сказки о царѣ, нападающемъ съ войскомъ на человека, живущаго у рѣки. Одинъ изъ вариантовъ этой темы ставитъ ее въ связь съ деревомъ *албырсен*, приносящимъ яблоки, доставляющія счастье (см. мою книгу „Танг.—тиб. овер. Китая“, II, стр. 253). Не осмыслилось ли это имя дерева, какъ имя царства?

виду предположенія, что сюжетъ этотъ занесенъ съ востока, изъ орды, можно угадывать, что христіанское имя Константинъ явилось на мѣстѣ Гуныиъ-настай, а Михаилъ, Михаилъ на мѣстѣ Мекеле.

Имя Ковстантинъ встрѣчается въ русскомъ былинномъ эпосѣ еще въ былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ. Въ былинѣ онъ называется обыкновенно Костя Новоторженинъ. И. Н. Ждановъ въ своей статьѣ: „Василій Буслаевичъ и Волхъ Всеславьевичъ“ (Русск. былев. эпосъ, стр. 208) приводитъ отрывокъ изъ новгородской быliny, въ которомъ не Буслаевъ хвалится идти на весь Новгородъ, а Костя Новоторженинъ. Не значить-ли это, что Костя иногда замѣщалъ Буслаева? Когда бѣ такая замѣна являлась и въ эпизодѣ о Пилигримищѣ, получалось бы нѣкоторое совпаденіе съ былинной о Константинѣ Сауловичѣ; Буслаевъ дерется съ своимъ крестнымъ отцомъ и убиваетъ его; безымянный сынъ Саура въ которомъ мы можемъ видѣть Константина Сауловича, вступаетъ въ бой съ роднымъ отцомъ ¹⁾).

Дѣтство Константина Сауловича похоже на дѣтство Василья Буслаева. Семи лѣтъ Константинъ отданъ матерью учиться: въ Новгородской былинѣ: „Будетъ Васенька семи годовъ, отдавала матушка родимая, мать вдова Амелѣа Тимофеевна учить его во грамотѣ“. (Ждановъ, „Русскій былевой эпосъ“, стр. 199). Десяти лѣтъ Константинушка уже вполнѣ богатырь, и отъ его шуточекъ страдаютъ дѣти княженецкія, боярскія, дворянскія и купеческія. Со всѣхъ сторонъ жалуются на него матери (В. Θ. Миллеръ, Быliny о Саурѣ, стр. 375). Въ новгородской былинѣ: „въ пятнадцать лѣтъ сталъ онъ (Василій) на улицы похаживать, со робятмы шутки пошучивать: кого за ногу—нога-та прочь, кого за руку—рука-та прочь“ (Гильф., 153).

Рожденіе сына Саура необыкновенное; мать его ходила по саду, съ камени ступила на лютаго змѣя, обвился змѣй около ноги и оттого княгиня понось понесла. Необыкновенное рожденіе было и у Василья Буслаева по догадкамъ И. Н. Жданова („Русскій былевой эпосъ“, стр. 198).

Г. Потанинъ.

¹⁾ Конечно, замѣна Василья Костей легко можетъ быть объяснена ошибкой глѣзда.

РОДИНЫ И КРЕСТИНЫ,

уходъ за родильницей и новорожденнымъ.

(По матеріаламъ, собраннымъ въ Тульскомъ, Веневскомъ и Каширскомъ уѣздахъ, Тульской губ.)

Какъ въ средѣ другихъ классовъ, такъ въ крестьянскомъ быту въ особенности, роды обыкновенно представляютъ собою одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ, самыхъ напряженныхъ моментовъ въ жизни каждой семьи. Еще до наступленія родовъ опасенія за ихъ благополучный исходъ и желаніе заранѣе узнать полъ и хотя отчасти судьбу младенца заставляютъ волноваться и беспокоиться не только беременную женщину, но и близкихъ ея родственниковъ. Довольно полное изображеніе переживаемыхъ ими за это время душевныхъ волненій мы находимъ въ тѣхъ обрядахъ, ворожбѣ и разнаго рода суевѣріяхъ. какими спривождаются родины и крестины.

Полъ ребенка имѣетъ большое значеніе въ будущемъ для матеріальнаго благосостоянія семьи: обыкновенно, мальчикъ обвѣщаетъ крестьянской семьѣ помощника, а дѣвочка разорительницу. Чтобы узнать, какого пола дитя пошлетъ Господь въ извѣстномъ случаѣ, находятъ на это указанія въ наблюденіяхъ надъ самою родильницею во время ея беременности, надъ послѣднимъ изъ ея дѣтей и надъ событіями, случающимися въ то время. Такъ, говорятъ, если беременная женщина полизѣтъ, то родить дѣвочку; то-же должно быть, если она при вопросѣ: „кого родишь?“ сконфузится, или если ея животъ во время беременности не измѣняетъ своей округлой формы. Наоборотъ, если она не конфузится, когда ее спрашиваютъ о томъ, кого она родить, и если жи-

вотъ у ней принимаетъ обостряющуюся („тычкомъ“) форму, то отъ нея родится мальчикъ. Мальчика же слѣдуетъ ждать, когда у послѣдняго ребенка на шеѣ волосы не заканчиваются косичкой, когда отецъ ожидаемаго дитяти во время пути найдетъ кнутъ, когда кто-нибудь изъ семейныхъ, выбжавъ съ ткацкимъ пруткомъ, увидитъ прежде всѣхъ какого-нибудь мужчину, когда посаженный за столъ ребенокъ изъ разложенныхъ предъ нимъ вещей выберетъ какую-нибудь принадлежность мужчины, а не женщины, напримеръ, кочетыгъ, но не наперстокъ, трубку, а не платокъ, и т. д., и т. д.

При наступленіи родовъ, когда болѣе всего сознается опасность, которой подвергается жизнь родильницы, всѣ находящіеся тогда въ домѣ прощаются съ послѣдней и уходятъ въ другую избу или иное мѣсто, остерегаясь при этомъ рассказывать о происходящемъ постороннимъ, въ той увѣренности, что роды бываютъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе лицъ о нихъ знаетъ. Съ родильницей остаются ея мужъ и призванная бабка—повитуха; они стараются, насколько возможно, облегчить, по ихъ понятіямъ, страданія родильницы. Для этого укладываютъ ее около рукомоинна, обводятъ три раза около стола, заставляютъ держаться за привязанный къ брусу полатей кушакъ, когда сочтутъ нужнымъ, чтобы она рожала стоя; мужъ трижды перегибаетъ между ея ногъ. Если родильница не можетъ легко распростаться съ дѣтскимъ мѣстомъ, то ей даютъ спорыньи или солоду, или гущи квасной, или же, закатавъ въ хлѣбъ трехъ вшей съ трехъ головъ и заставивъ родильницу съѣсть шарикъ, говорятъ ей, что она съѣла ¹⁾. Вѣрятъ, что большое облегченіе родильницъ бываетъ также отъ распространеннаго въ народѣ произведенія: „Сонъ Пресвятыя Богородицы“, если она постоянно носитъ его съ собой, или во время родовъ положить въ головахъ, или прочтетъ его сама, или дастъ прочитать кому-нибудь другому, или же, наконецъ, произнесетъ

1) Последнее средство употребляютъ лишь въ Каширскомъ уѣздѣ; въ Тульскомъ и Веневскомъ уѣздахъ, хлѣбъ съ 3 вшами даютъ ѣсть коровамъ въ подобномъ же положеніи.

слѣдующую молитву, помѣщаемую въ нѣкоторыхъ спискахъ этого сна: „Господь со мною, Господь оберегаетъ меня, рабу твою имя рея, во дни, и въ нощи, и на всякій часъ! Прошу и молю Тя, Господи, черезъ муку Твою святую, которую претерпѣлъ насъ ради грѣшныхъ, и кровь святую праведную, юже излилъ! Святый Пророче Предтече Господень Іоаннь и вси святіи! молитѣ о мнѣ грѣшной милостиваго Бога дати ми дитя породить!“ Когда женщины родами приходится мучиться двое-трое сутокъ, то просятъ священника отворить въ храмѣ царскія двери, а иногда служатъ молебень св. вмч. Евлаеринѣ (24 нояб.), или Пресв. Богородицѣ Феодоровской (16 авг.), или Троеручицѣ (28 іюня и 12 іюля), или Успенію Пресв. Богородицы (15 авг.), или же, наконецъ, запрестольной Божіей Матери, т. е. той ея иконѣ, которая находится за престоломъ въ мѣстномъ храмѣ. Во все время родовъ предъ иконами бываетъ зажжена вѣнчальная или крещенская свѣча.

Послѣ благополучнаго окончанія родовъ повивальная бабка закапываетъ дѣтское мѣсто въ какомъ-нибудь углу избы; затѣмъ, обмываетъ новорожденнаго, обрѣзаетъ и завязываетъ у него пуповину и, если ей покажется нужнымъ, исправляетъ его голову. Полагаютъ, что такъ какъ голова у ребенка первое время бываетъ мягка, какъ воскъ, то вполне зависить отъ повитухи, сдѣлать ли его круглолицимъ или длиннлицимъ, или даже какимъ нибудь уродомъ. Моютъ младенца, изъ боязни обжечь его, едва нагрѣтою водой и въ нее, когда новорожденнаго обмываютъ въ первый разъ, обыкновенно кладутъ серебряныя деньги, выражая тѣмъ желаніе ему въ будущемъ богатства.

Управившись такимъ образомъ съ ребенкомъ, бабка хлопочетъ около родильницы: паритъ ее въ банѣ или въ печи, править животъ и сдаиваетъ ея груди, чтобы удалить первое плохое молоко. Но иногда бываютъ случаи, когда около родильницы не приходится хлопотать ни бабкѣ, ни мужу: нѣкоторыя женщины родятъ очень легко. Когда придетъ время родить такой бабѣ, она выйдетъ на дворъ, разрѣшится отъ беременности безъ всякой посторонней помощи, потомъ сама же принесетъ новорожденнаго въ избу, сдѣлаетъ

для него и для себя все нужно, и только послѣ, боясь „сглазу“, призываетъ на день или на два бабу.

Чтобы ребенокъ былъ покоенъ, для этого, по рожденіи, его обертываютъ отцовыми портами или, когда пеленають, то вмѣсто свивальника употребляютъ приготовленные изъ хлопковъ для половниковъ или дерюгъ толстыя нити, извѣстныя подъ именемъ „верчи“; а для того, чтобы онъ былъ красивъ и привлекателенъ, его покрываютъ матеріей зеленого цвѣта.

Въ кумовья приглашаютъ кого-нибудь изъ близкихъ родныхъ или хорошихъ знакомыхъ; но когда прежде рождавшіеся дѣти умирали, и когда желаютъ, чтобы новорожденный былъ живъ, то приглашаются первые встрѣчные ¹⁾.

— „Пойди, введи младенца въ православную вѣру“,— обыкновенно съ такими словами обращается отецъ ребенка къ мужчине или женщине, которыхъ онъ желаетъ пригласить къ себѣ кумомъ или кумой. И приглашаемые, въ виду того расположенія, которое высказывается къ нимъ со стороны родителей новорожденного въ этомъ приглашеніи, отказываются рѣдко, хотя званіе кума и кумы соединено съ кое-какими тратами. Кумъ, напримѣръ, покупаетъ для младенца крестикъ, приносить на крестины свой хлѣбъ и иногда самъ расплачивается съ духовенствомъ; кума же съ своей стороны обязана представить „на ризки“ аршина три-четыре ситцу, рубашку для ребенка и платокъ или полотенецъ священнику утереть руки послѣ погруженія крещаемого въ воду.

Относительно таинства крещенія полагаютъ, что оно не всегда бываетъ дѣйствительно. Для его дѣйственности, по мнѣнію народа, отъ лицъ, принимающихъ участіе въ совершеніи крещенія, т. е. не только отъ священника, но и отъ дьячка, требуется полное сознаніе святости и важности со-

¹⁾ Званіе крестныхъ отца и матери даетъ послѣднимъ право на уваженіе со стороны крестника или крестницы, которое особенно ясно выражается на свадьбахъ, когда жениха и невесту ихъ крестные благословляютъ нерыми послѣ родныхъ отца съ матерью, а на свадебныхъ угощеніяхъ занимаютъ за столомъ почетныя мѣста.

вершающагося таинства. Вотъ разсказъ, выражающій это народное воззрѣніе.

Въ одной деревнѣ жила женщина безъ мужа. Къ ней явился въ образѣ челоуѣка демонъ, и она отъ него забеременѣла. Беременной она ходила три года, послѣ чего отъ ней родился ребенокъ, удивлявшій всѣхъ своимъ большимъ ростомъ и тѣмъ, что черезъ недѣлю послѣ крестинъ онъ сталъ уже говорить. Сосѣди стали выпытывать родильницу: отъ кого такой ребенокъ? Любопытство спрашивавшихъ было удовлетворено самимъ-же ребенкомъ; онъ сказалъ: „Вы почитаете меня за христіанина, а я самъ чертъ!“—„А какъ же тебя крестили-то?“ спрашиваютъ его.—„Меня крестили не по череду: попъ былъ пьяный и поганый, а дьячекъ, хотя былъ трезвъ, да думалъ въ это время о другомъ, такъ что я теперь не закрещенъ и могу всегда отъ васъ уйти“. Сказалъ онъ это, ползѣвъ подъ лавку—и скрылся; больше его не могли и найти.

Послѣ крестинъ начинаются поздравленія отца и матери—съ сыномъ или дочкою, кумовьевъ—съ крестникомъ или крестницей, бабки-повитухи—съ новымъ ввукомъ или внучкой и т. д. Кума съ кумой сажаютъ за столъ и угощаютъ приготовленной уже для нихъ закуской и чаемъ, а самого виновника происходящаго торжества свиваютъ и кладутъ къ родильницѣ на разстеленную шерстью вверхъ шубу, чѣмъ выражается ему пожеланіе богатства.

Между тѣмъ хозяйнѣ дома идетъ приглашать, кого сочтеть нужнымъ, изъ своихъ родныхъ и знакомыхъ „къ младенцу на хлѣбъ на соль, кашу ѣсть“, и, когда приглашенные соберутся, устраивается крестильный обѣдъ. Кушанья, изъ которыхъ состоятъ послѣдній, отличаются сравнительнымъ изобиліемъ и разнообразіемъ, какъ бываетъ только по самымъ большимъ праздникамъ. Такъ, сначала подается холодное: въ постный день—обыкновенно сельди и квасъ съ кислой капустой, а въ скоромный—студень и квасъ съ яйцами и мясомъ; затѣмъ слѣдуютъ блюда: въ постный день—приправленный коноплянымъ масломъ щи съ снѣдками, картофельный супъ съ грибами и лапша; въ скоромный же—щи съ какимъ-нибудь мясомъ, ушникъ, т. е. супъ изъ потроховъ,

лапша съ курятиной или свиной, лапша молочная, и, наконецъ, ваговъ-бы составъ кушаній ни былъ, на крестильномъ обѣдѣ необходимо считается гречневая каша, предъ которою въ большинствѣ случаевъ подается каша пшенная. Въ заключеніе обѣда, когда поѣдятъ послѣднее блюдо, бабка кладетъ на столъ пирожекъ, ставитъ въ шапкѣ горшокъ съ кашей и на тарелкѣ штофъ съ водкой; при этомъ она говоритъ:

Шапка малахай,
А ты, родильница,
Въ годъ еще натрахай!
Или: Бабушка подходит,
Кашку подноситъ
На корысть, на радость,
На Божью милость,
На толстна охонья,
На высокіе еягиди.
Кашку на ложки,
Мальчику на ножки!

Или: Гости мои любящіе,
Гости мои дорогие!
Къ намъ бабушка идетъ,
Вамъ кашку несетъ.
Бабушка молоденька,
Несетъ кашку сладеньку.
Намъ не барини получать,
А только народъ приучать,
Чтобы бабушку знали,
Чаще въ гости звали!

Бабка начинаетъ угощать присутствующихъ, но тѣ, по обычаю, первую рюмку предлагаютъ угощающей:

— „Попробуй-ка сама, бабушка!“ шутить въ отвѣтъ на ея угощенія хозяйинъ съ гостями. „Богъ знаетъ, какую ты водку-то намъ подаешь: можетъ она наговорная!“

Первымъ послѣ бабки пьетъ отецъ новорожденнаго. Для закуски ему она подаетъ въ ложкѣ пересоленную кашу, причемъ говоритъ:

— „Ѣшь, отецъ-родитель, Ѣшь, да будь пожеланный къ своему сынку (или своей дочкѣ!)!“

— «Какъ тебѣ сол(о)но, такъ и женѣ твоей было сол(о)но рожать!»

На такія слова угощаемый родитель иногда (въ Каширск. у.) отвѣчаетъ:

— „Сол(о)на кашка, и сол(о)но было женѣ родить, а еще сол(о)нѣй отцу съ матерью достанутся дѣтки послѣ“...

1) Этотъ обрядъ и даваемое ему здѣсь объясненіе имѣютъ сходство съ существующимъ въ описываемой мѣстности обычаемъ—солить окотившагося ягненка и давать поспянувшу соль вылизывать его матерю, чтобы она болѣе любила свое дитя.

Затѣмъ, бросая нверху оставшуюся въ ложкѣ кашу, проносятъ:

— „Дай только Богъ, чтобы дѣткамъ нашимъ весело жилось и они такъ же прыгали бы“...

За отцомъ младенца угощаются кумовья:

— „Выкушайте, куманьки дорогіе!“ говоритъ имъ бабка. „Съ крестницей (или крестникомъ) васъ! Какъ вы видѣли ее (или его) подъ крестомъ, такъ бы видѣть вамъ ее (или его) и подъ вѣнцомъ!“

Послѣ кумовьевъ пьютъ подносимую водку и остальные, сидящіе за столомъ. При этомъ каждый, не исключая и самого родителя, кладетъ сколько-нибудь денегъ на тарелку— въ пользу бабки, и на пирогъ—въ пользу родильницы.

Наконецъ, гости благодарятъ хозяевъ и, пожелавъ имъ всего хорошаго, а новорожденному добраго здоровья и многихъ лѣтъ, прощаются. Остаются только кумъ съ кумой; имъ вечеромъ того же дня или утромъ слѣдующаго, чтобы „опохмѣлиться“ послѣ обѣда, предлагается закуска. За этой закуской кумъ получаетъ отъ кумы „на память“ платокъ, за что онъ, предварительно утерши полученнымъ подаркомъ себѣ губы, цѣлуетъ куму и отдариваетъ деньгами отъ 10 до 15 коп. При прощаньи кумовья отъ родильницы получаютъ по пирогу, за который въ свою очередь даютъ ей коп. по 15—20 или на такую же сумму какихъ-нибудь вещей, напримѣръ: платокъ, чай, сахару, мыла и т. п.

Такъ заканчивается празднованіе по поводу рожденія и крещенія младенца.

Почти всѣ событія, случающіяся при родахъ и крестинахъ, а также различныя обстоятельства, имѣющія какое-нибудь отношеніе къ новорожденному, служатъ тѣмъ или другимъ указаніемъ на его будущую судьбу. Счастливъ, напримѣръ, ребенокъ, если родился въ „сорочкѣ“, или если онъ, будучи женскаго пола, похожъ на отца, а мужскаго похожъ на мать; равно хорошимъ предзнаменованіемъ для него считается, когда въ день его родинъ въ домѣ какая-нибудь прибыль. Неживучъ тотъ младенецъ, который родился подъ исходъ мѣсяца, у кого голова раздвоенная, у кого ротъ не цвѣтетъ, т. е. у кого не бываетъ болѣзни

молочницы, въ которой на кончикѣ языка, губахъ и щѣбѣ появляется бѣлое творожистое вещество, кто съ перваго же времени удивляетъ окружающихъ своею смышленностью; скорая же смерть предвѣщается новорожденному, когда въ день его родинѣ случится какая-нибудь потеря, убытокъ, когда дадутъ въ другой домъ какую-нибудь вещь совсѣмъ или займы или на поддержаніе, когда вмѣстѣ съ его крестинами въ церкви бываютъ похороны. и когда его волосы, сръзанные священникомъ и закатанные въ воскъ кунюмъ, не плаваютъ по водѣ въ купели, а тонуть.

Послѣ крестинъ бабка-повитуха остается въ домѣ родильницы съ недѣлю или двѣ. Обязанности ея въ это время состоятъ въ томъ, чтобы заботиться о ребенкѣ, ежедневно обмывать и пеленать его, а также ходить за родильницей и, если послѣдняя одинока, хлопотать вмѣсто нея по хозяйству. Родильницу она паритъ въ банѣ или печкѣ, помѣвъ различными лѣкарственными травами и правитъ опустившійся послѣ родовъ ея животъ, растирая его при этомъ деревяннымъ масломъ. Изъ лѣкарствъ, употребляемыхъ родильницами, извѣстны: настой водки на колганѣ, анисѣ, богородская трава, ромашка и душица. Настой водки на колганѣ употребляютъ какъ средство, способствующее подъему живота; анисѣ и богородскую траву пьютъ для того, чтобы изъ груди свободнѣе шло молоко; ромашку же и душицу— чтобы вызвать „краски“, или отъ простуды. Ничего кислаго и соленого родильницѣ не даютъ. Счастлива родильница, которая выберетъ себѣ бабку опытную и расторопную. Такая бабка можетъ со всѣмъ управиться и за всѣмъ усмотрѣть. Но не то бываетъ при бабкѣ начинающей или нерасторопной. Отъ ея несообразительности нерѣдко происходятъ и несчастные случаи: либо родильница простудится или объѣстся чего-нибудь кислаго или соленого, либо младенецъ ушибется или истечетъ кровью, когда развяжется пуповина, и т. д. и т. д.

Когда родильница достаточно оправится, и когда бабка сочтетъ возможнымъ уходить, происходитъ очищеніе всѣхъ присутствовавшихъ и принимавшихъ какое-нибудь участіе при родахъ. Зажигаютъ предъ иконами свѣчу, молятся и

потомъ водою, въ которую кладутъ хмѣль, яйцо и овесъ, умываются сами и моютъ младенца. Во время умыванья родильницы, бабка иногда говоритъ ей: „Какъ хмѣль легокъ да вѣрпокъ, такъ и ты будь такая же; какъ яйцо полное, такъ и ты поливай; какъ овесъ бѣлъ, такъ и ты будь бѣла!“ А когда моютъ ребенка, то приговариваютъ: „Рости съ брусъ вышины, да печь толщины!“ Этотъ обрядъ извѣстенъ въ описываемой мѣстности подъ именемъ „размыванія рукъ“¹⁾.

Бабка за свои хлопоты, кромѣ денегъ, собранныхъ ею на крестильномъ обѣдѣ, получаетъ еще одинъ хлѣбъ, мыла съ фунтъ, платокъ и деньгами отъ гривенника до рубля.

По уходѣ бабки, всѣ хлопоты и заботы о ребенкѣ ложатся главнымъ образомъ на его мать. Прежде всего, что она должна бываетъ дѣлать, если не для блага ребенка, то для своего собственнаго спокойствія,—это выполнять по отношенію къ ребенку всѣ требованія, предъявляемыя ей многовѣковой народной практикой. Такъ, чтобы младенецъ покойно спалъ, не должно качать люльку пустой; чтобы онъ безпрепятственно росъ, не нужно ему обрѣзывать ногтей и стричь волосъ ранѣе года; чтобы онъ не запоздалъ разговорной рѣчью, не нужно давать ему смотрѣться въ зеркало; чтобы не сдѣлался сидякой, т. е., чтобы онъ научился ходить не поздиѣ своихъ сверстниковъ, не должно мести около него, когда онъ сидитъ на полу; чтобы не умеръ скоро, не слѣдуетъ его показывать спящимъ тому, кто до того времени его не видалъ, и. чтобы растущій ребенокъ былъ опрятенъ, матери его необходимо передъ затопомъ печи сметать съ загибтки золу. Мать въ пору младенчества своего дитяти должна особенно внимательно слѣдить за собой, чтобы не ругать, а тѣмъ болѣе не пролипать его и въ досадѣ не говорить ему: „пропади ты пропадомъ!“ Отъ брани и проклятій дѣти дѣлаются глухими, или не растутъ, или пропадаютъ, или мрутъ не своею смертію и такимъ образомъ ихъ „ан-

¹⁾ Въ некоторыхъ мѣстахъ описываемыхъ уѣздовъ очищеніе совершается и надъ кошками, когда онѣ окотятся: кошку-мать и ея котятъ купають въ рѣкѣ или прудѣ.

гельскія душики гибнуть". Въ предупрежденіе могущихъ случиться съ ребенкомъ несчастій, его передъ сномъ должно ограждать крестнымъ знаменіемъ и, когда онъ чихаетъ, говорить слѣдующее, предохраняющее младенца отъ пагубнаго дѣйствія бѣсовъ, привѣтствіе: „здравствуй, ангельская душка!" Какъ вредны для дѣтей брань и проклятіе, и, наоборотъ, какъ спасительны для нихъ приведенныя предохранительныя слова, можно видѣть изъ множества народныхъ разсказовъ. Напримѣръ, разсказываютъ, былъ такой случай. Одна баба съ вечера побранила съ съсѣмейными, разсердилась и выбранила ни за что, ни про что своего грудного ребенка. Заснула она и видитъ во снѣ — говоритъ ей кто-то: „возьми изъ люльки ребенка". Проснулась баба, потянулась было за ребенкомъ, а въ люлькѣ-то его нѣтъ! Она вскочила, вздула огонь, глядитъ: ребенка мертвый, утопъ въ чугунѣ, что около люльки стоялъ... „А какъ онъ могъ попасть", добавляютъ разсказчики, „если не бѣсъ его сволокъ: вѣдь онъ свить былъ?" Или вотъ еще какая исторія произошла въ одномъ семействѣ, которое состояло изъ старика—хозяина, его старухи и ихъ невѣстки съ груднымъ ребенкомъ. „Разъ какъ-то ребенокъ этотъ расплакался. Мать стала его утѣшать, но что ни дѣлала, онъ все кричитъ. Она разсердилась и стала его ругать. „Фу, ты!" говоритъ она: „чертъ тебя возьми! съ тобой ничего не подѣлаешь!" Услыхалъ эти слова чертъ и съ того времени все хотѣлъ взять ребенка, но только никакъ нельзя было, потому что старикъ былъ очень богомоленъ и часто говорилъ: „Господи Іисусе Христе!" Думалъ, думалъ чертъ, какъ быть? Наконецъ и удумалъ. Собрался у этого старика одинъ мужикъ была красть. Еще съ вечера онъ подкрался ко двору и сталъ дожидаться, когда все утихнетъ. Только слышитъ воръ, что кто-то вдругъ заговорилъ съ нимъ: „Здорово товарищъ!"—Кто ты? спрашиваетъ мужикъ. Чертъ назвалъ себя, а потомъ и говоритъ вору: „и вѣдь знаю, зачѣмъ ты пришелъ: была хочешь увести у этого хозяина. Я тебѣ помогу, если за это и ты мнѣ поможешь". Бѣсъ разсказалъ, зачѣмъ онъ самъ пришелъ: за младенцемъ. Мужикъ долженъ былъ провести черта въ домъ, заговорить старика и, когда младенецъ будетъ чихать, не говорить:

„здравствуй, ангельская душа!“ Воръ согласился. Когда онъ постучался, то его впустили въ домъ и попросили сѣсть. Сидитъ онъ и разговариваетъ съ хозяиномъ; вдругъ младенецъ сталъ чихать. Старикъ-хозяинъ не слышитъ. Чихнулъ ребенокъ разъ, другой... И жалко стало вору младенца, что младенецъ изъ-за него долженъ пропадать, и на третьемъ разѣ воръ сказалъ: „здравствуй, ангельская душа!“ Тутъ бѣсъ захопалъ въ ладоши и закричалъ: „ахъ ты, бычачникъ!“ Семейные всѣ удивились и стали спрашивать мужика, что это значить. Тотъ признался во всемъ и сталъ просить себѣ прощенья.

Понятно, услѣдить за выполнениемъ описываемыхъ требованій для родильницы очень трудно. Но ве легки также и обычныя обязанности, налагаемыя на нее простымъ материнскимъ чувствомъ и состоящія въ приготовленіи ребенку постели, въ заботѣ о его чистотѣ и пищѣ, лѣченіи отъ различныхъ болѣзней, изысканіи развлеченій, когда онъ капризничаетъ и плачетъ, въ убаюкиваніи его на сонъ градуши и т. д.

Когда за ребенкомъ смотритъ сама мать, то она, конечно, постарается, чтобы онъ былъ сытъ, чистъ, покоенъ. Но не то бываетъ, когда матерямъ, за недостаткомъ времени,—что особенно должно сказать о рабочей порѣ,—приходится поручать своихъ ребятъ надзору старухъ, отживающихъ уже свой вѣкъ, или же малосмысленныхъ подростковъ, имѣющихъ отъ роду часто не болѣе пяти-семи лѣтъ. При такомъ надзорѣ нерѣдко случается, что сами же няньки, считая нужнымъ удовлетворить прежде всего свои потребности, поѣдаютъ пищу, приготовленную для дитяти, и послѣ заглушаютъ его голодъ чѣмъ попало, или же, совершенно забывъ о ребенкѣ, оставляютъ его на произволъ судьбы. Въ послѣднемъ случаѣ иногда добровольными помощниками неисправныхъ нянекъ являются телята, которые вылизываютъ волосы на головѣ безпомощнаго младенца, собаки и домашняя птица, которыя спокойно лакомятся оставшеюся на губахъ ребенка пищей, мухи и т. п.

Дѣтская постель обыкновенно состоитъ изъ лубочной или на деревянной рамѣ холщевой люльки, набитой перьями

или чаще съномъ перивы, такой же подушки, холщевыхъ простынь, ситцевыхъ или собранныхъ изъ разноцвѣтныхъ маленькихъ лоскутковъ одѣяль и надѣваемыхъ на люльку, для защиты спящаго ребенка отъ мухъ и свѣта, цвѣтныхъ ситцевыхъ или бѣлыхъ коленкорovýchъ пологовъ.

Что же касается до туалета ребенка, то въ составъ его, кромѣ холщевыхъ пеленокъ, шерстяныхъ или ситцевыхъ свивальной и ситцевыхъ или коленкорovýchъ ризокъ, входятъ: сорочки, пояски, наглазники, нагруднички и чепчики. Сорочки дѣлаются по большей части изъ матерій или бѣлаго цвѣта, какъ, напримѣръ, изъ кисей, коленкора и миткаля, или же—изъ какого-нибудь ситца, преимущественно розовыхъ цвѣтовъ. Кисейныя, коленкорovyя и миткалевыя рубашки обшиваются ленточками—голубыми для мальчиковъ и розовыми для дѣвочекъ—и употребляются во время крещенія младенца и въ другія торжественныя минуты, когда, напримѣръ, его несутъ въ церковь причащать, когда съ нимъ ѣдутъ куда-нибудь въ гости или принимаютъ гостей; ситцевыя же употребляются по буднямъ. Поясами для дѣтей служатъ обыкновенныя, покупныя за 2—5 копейекъ, тесемки или самодѣльные, сплетенныя изъ красныхъ шерстяныхъ нитокъ, шнуры; поясъ употребляется только послѣ исполненія дитяти шести недѣль. Нагруднички, или слюнявки, дѣлаются изъ коленкора или ситца и надѣваются на дѣтей для того, чтобы передняя часть ихъ рубашки не смачивалась принимаемой ими пищей и слюнями. Наглазники, которые имѣютъ форму простого, продолговатаго (шириною четверти двѣ и длиною въ аршинъ) лоскута, а также чепчики—составляютъ собою не что иное, какъ средство укрывать ребенка отъ мухъ и солнечнаго жара. Какъ наглазники, такъ и чепцы дѣлаются изъ кисей, миткаля и т. п.

Чтобы содержать дитя болѣе или менѣе въ чистотѣ, заботливая мать часто смѣняетъ на немъ бѣлье, просушиваетъ постель и если не ежедневно, то еженедѣльно и рѣдко ежемѣсячно его обмываетъ.

Пищею для младенца служить главнымъ образомъ молоко матери, а если его нѣтъ, коровье молоко или просто жеваныя баранки съ сахаромъ. Но при этомъ не считается лишнимъ и вреднымъ для ребенка покормить его картофе-

лемъ, кашей, щами или попоить кваскомъ. Срежъ кормленія ребенка грудью простирается обыкновенно отъ одного до полутора года, а именно три поста: два великихъ и одинъ успенскій, или два успенскихъ и одинъ великій. Съ этого времени онъ начинаетъ участвовать за общимъ столомъ, а молоко и баранки признаются за баловство, дозволяемое не во всякое время, и за роскошь, доступную не каждому семейству.

Изъ многочисленныхъ дѣтскихъ болѣзней, извѣстныхъ въ описываемой мѣстности, укажемъ—въ алфавитномъ порядкѣ—слѣдующія: англійская болѣзнь, бессонница, глисты, грижа, долгое неумѣнье говорить и ходить, золотуха, коклюшь, коготье въ бокахъ, крикъ, недугъ, ненормальная величина живота, непроизвольное мочеиспусканіе во время сна, огонникъ, опрѣлости, простуда, слезъ, сухая стѣбь и собачья старость. Лѣченіе почти всѣхъ перечисленныхъ болѣзней основывается главнымъ образомъ на дѣйстви лѣкарственныхъ травъ и на вѣрѣ въ магическую силу заговоровъ, наговоровъ и разнаго рода дѣйствій, совершаемыхъ при извѣстныхъ условіяхъ.

Въ *англійской болѣзни* дѣтя заставляютъ сидѣть въ пескѣ и улучшаютъ его питаніе.

При *бессонницѣ* и вообще при плохомъ здоровьѣ ребенку даютъ въ молоко или въ молочную кашу мажъ, кладутъ у него въ головахъ чертополохъ и прибѣгаютъ къ заговору: „Заря—зарица, красная дѣвица! Возьми бессонницу, а дай младенцу (такому-то) сонъ и доброе здравіе“.

Говорятъ этотъ заговоръ три зари: двѣ вечернихъ и одну утреннюю, или двѣ утреннихъ и одну вечернюю.

Отъ *глистовъ* больному даютъ цытварное сѣмя или коноплянаго масла по ложкѣ въ день.

Чтобы ребенокъ не болѣлъ *грыжею*, его послѣ рожденія кормятъ свеклою, или коноплянымъ сѣменемъ, или сѣрными цвѣтомъ. А нѣкоторыя родильницы или лица, родившіяся первыми или послѣдними, „пригрызаютъ“ эту болѣзнь у родившагося сквозь ветошку; для этого у дѣвочки берутъ въ зубы пуповину, а у мальчиковъ дѣтородный членъ. Во время пригрызанія у лица, совершающаго эту операцію, бабка

спрашиваетъ: „Что ты дѣлаешь?“ — „Грызъ пригрызаю“. — „Грызи, грызи больнѣе, чтобы грызъ не заводилась.“ — „У нашей грыжки не бываетъ отгрыжки.“ Весь этотъ разговоръ повторяется до трехъ разъ.

Сидякъ моютъ отваромъ изъ соломы, набранной ночью изъ трехъ пеленъ чужихъ домовъ, а также весной, когда въ первый разъ выѣдутъ сѣять, выносятъ на поле и, посадивъ посреди пашни, обсѣваютъ кругомъ и говорятъ: „Ты, овесъ, расти, а ты, имя регъ, ходи!“ Такихъ-же сажаютъ въ мѣшокъ и въ немъ бѣгомъ обвоятъ около своего двора три раза. Каждый разъ бѣгущаго съ мѣшкомъ встрѣчаетъ кто-нибудь изъ домашнихъ и спрашиваетъ: „Что несешь?“ — „Сядяку“, отвѣчаетъ тотъ. — „Надо ему ходить“. Такъ обносить *сидякъ* можно во всякое время.

Когда ребенокъ долго *не говоритъ и не ходитъ*, то, какъ пекутъ хлѣбы, его сажаютъ подъ дѣжу, когда вынуть изъ нея тѣсто, и потомъ, вымывая надъ этою дѣжой себѣ руки водою, которой смазывали сверху подѣланные хлѣбы, говорятъ: „Какъ мои хлѣбы кисли, такъ и ты, мое дитятко, кисни (поливй); какъ мои хлѣбы всходили, такъ и ты ходи; какъ я, мое дитятко, говорю, такъ и ты говори“.

Когда ребенокъ въ первый разъ станетъ на ноги и начнетъ ихъ переставлять, то пространство пола между его ногами перерубаютъ вкрестъ-на-крестъ топоромъ или ножомъ: это значитъ перерѣзать тѣ невидимыя пута, которыя до сихъ поръ связывали ноги ребенка.

Большого *золотухой* поятъ листомъ калины, собраннымъ во время ея цвѣта, а также листомъ смородиновымъ, отвареннымъ въ молокъ: или золотушныя болячки мажутъ козьимъ, а за неимѣніемъ его, коровьимъ масломъ; или же эту болѣзнь лѣчатъ три зори слѣдующимъ заговоромъ:

На морѣ Океанѣ,
На островѣ Буянѣ
Стоитъ Божья церковь;
А у этой церкви
Лежитъ камень
Сорока сажень;
А на этомъ камнѣ

Сидитъ дѣвица,
Придуваетъ золотуху:
Золотуха-красотуха!
Тебѣ тутъ не быть,
Тебѣ тутъ не жить,
Костей не ломать,
Суставъ не гноить!

Послѣ произнесенія этихъ словъ должно плюнуть и дунуть.

Отъ *коклюша* ребенку даютъ сосать леденецъ, принимать раза два въ день по чайной ложкѣ прованскаго масла съ сахаромъ и розовымъ масломъ или же въ такомъ же количествѣ деревяннаго масла съ сахарнымъ пескомъ.

Отъ *колотья въ бокахъ* прикалываютъ громовыми стрѣлами съ произнесеніемъ слѣдующихъ словъ:

Господи Іисусе Христе!
Спаси и помилуй
Отъ всякихъ недуговъ
Денныхъ и ночныхъ,

Полуденныхъ и полуночныхъ
Ангельскую душу
Младенца (имя рекъ).
(3-жды).

Если ребенокъ очень часто *кричитъ*, то съ нимъ выходягъ на улицу три зари и, обращаясь по вечерамъ на западъ а по утрамъ на востокъ, говорить:

Заря-зарница,
Красная дѣвица!
Возьми отъ младенца

(такого-то) крикъ,
А дай ему некрикъ.
(3-жды).

Въ этомъ случаѣ больного также выносятъ въ подолъ три раза по зарямъ подъ куриную нашесть и приговариваютъ:

Кури бѣлыя,
Кури сірыя,
Кури нестрыя,

Возьмите отъ младенца
(такого-то) крикъ,
А дайте ему угомонъ! (3-жды).

(Далѣе можно перечислять какихъ угодно куръ, не помня только черныхъ).

Чтобы избавить ребенка отъ *недуга* или, иначе, отъ младенческой болѣзни, извѣстной въ медицинѣ подъ именемъ *родимчика* (esclapria), при первомъ припадкѣ, когда заболѣвшій перестанетъ биться, у него рвутъ спереди рубашку отъ разрѣза до низу, или накрываютъ его полотенцемъ, которымъ была покрыта невѣста во время вѣнчанія, либо скатертью, которую стлали на свадебномъ обѣдѣ или при молебнѣ въ какой-нибудь праздникъ. Для той же цѣли больного моютъ водой, которую съ косы, употребляемой для кошенья травы и разнаго хлѣба, спускаютъ въ блюдо на положенныя въ него ложки.

Ребенка съ ненормально *большимъ животомъ* кормятъ ячменной кашей или поятъ, давая по столовой ложкѣ въ день, коноплянымъ масломъ.

Кто *мочится во время сна* подъ себя, того сѣкутъ на заслонкѣ сапожнымъ голенищемъ три утра ¹⁾).

Противъ *огонника* или *летучаго огня* (мокнущаго лица — *eczema faciei*), по мнѣнію народа, помогаютъ различныя средства. Можно лѣчить эту болѣзнь, трижды выбивая огниво предъ лицомъ больного такъ, чтобы искры летѣли на послѣдняго; или при затопѣ печи, до трехъ разъ, зажигая пучокъ изъ лучинокъ, брызгать на него изо рта водой, чтобы при этомъ дымъ отъ тухнущаго пучка летѣлъ въ лицо сидящаго на столѣ или на лавкѣ ребенка; или же прикладывать къ больному мѣсту обыкновенное, тряпичное или мочальное, помело, которымъ заматаютъ въ печи послѣ топки. Огонникъ лѣчатъ также заговоромъ: „Огонь, огонь! на тебѣ мокрый, дай мнѣ сухой!“ Слова эти произносятъ трижды, когда „припаливаютъ огонь“, махая на сидящаго ребенка ночевками или лоткомъ, въ который сѣютъ муку, или когда „отгаливаютъ огонь“ по тремъ зарямъ черезъ рѣву или прудъ, если только въ тотъ моментъ свѣтитса огонь въ двухъ или болѣе избахъ обѣихъ сторонъ деревни.

При *поносы* поятъ краснымъ виномъ или кормятъ сыворткой.

Если у ребенка *прѣтеть* подъ мышками, въ пахахъ или въ складкахъ кожи на шеѣ, то опрѣлости засыпаютъ крахмаломъ, чечевичной мукой, древесной червоточиной, порошникомъ, полученнымъ отъ скобленія ножомъ „чертова пальца“ или простого дубоваго обѣденнаго стола, печнымъ пескомъ и т. п.

Простудившагося кладутъ раздѣтымъ на распаренное сѣно, разложенное на жаркой печи, и поятъ мать-мачехой, клеверомъ, чернобыломъ, а также составомъ изъ какихъ-либо двѣнадцати различныхъ лѣкарственныхъ растений, собираемыхъ на Ивана Купалу (24 июня) между утреней и обѣдней.

Отъ *глазу* младенца умываютъ преимущественно на трехъ порогахъ свѣжей водой, спущенной съ находнаго либо принесеннаго изъ святыхъ мѣстъ креста, или съ ка-

¹⁾ Срв. Потебни. Объясненіе малор. в средн. нар. нѣс. I, стр. 9. Ред.

мешковъ изъ стараго Іерусалима, или съ иконъ, которыя употреблялись когда-нибудь на свадьбѣ для благословенія жениха съ невѣстой, или съ угловъ обѣденнаго стола, или съ громовыхъ стрѣлъ, или же, наконецъ, съ трехъ угольковъ.

Изъ средствъ противъ *сухой стѣны* (*atrophia infantium*) извѣстны слѣдующія: а) Беруть земли съ трехъ полей и девять кружекъ воды, почерпнутой на мѣстѣ сліянія двухъ рѣкъ, и притомъ три кружки по теченію одной рѣки, три противъ теченія другой и три противъ себя, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходятся струи водъ обѣихъ рѣкъ. Съ этой землей, водой и большимъ ребенкомъ ночью, чтобы никто изъ постороннихъ не видалъ, идутъ на рубежъ двухъ смежныхъ между собою земель разныхъ владѣльцевъ и принесенныи водою и землей, предварительно смѣшавъ ихъ вмѣстѣ, моютъ больного. Вымытаго перекатываютъ съ земли одного владѣльца на землю другого. Рубашку же, бывшую до этого на ребенкѣ, оставляютъ на рубежѣ. б) Ночью собираютъ три горсти земли изъ-подъ верей трехъ сараевъ и черпаютъ воды изъ трехъ колодцевъ. Воду нагрѣваютъ на загниткѣ, но не въ самой печи, и мѣшаютъ съ землей, а потомъ выливаютъ сквозь рѣшето на голову дитяти, посаженнаго въ избѣ подъ матицею. в) Раскалываютъ отъ корня четверти на три молодой растущій дубокъ и въ образовавшееся отверстие протаскиваютъ ребенка трижды въ одну и трижды въ другую сторону и вытаскиваютъ его оттуда голымъ, а надѣтую на немъ рубашку оставляютъ въ отверстіи дуба. г) Младенца кладутъ на постеленную шерстью вверхъ шубу и, отрѣзавши изъ нея по клочку шерсти у больного въ головахъ, ногахъ и подъ спиной, мѣряютъ суровой ниткой объ его руки, окружность головы, толщину и съ обѣихъ сторонъ длину туловища. Затѣмъ, ребенка моютъ чистою водою, съ положенными на нее тремя угольками. Нитку кладутъ въ печурку, а послѣ ихъ сравниваютъ между собой: если смѣрокъ одной руки оказывается равнымъ смѣрку другой и смѣрокъ правой стороны туловища смѣрку лѣвой, то ребенокъ будетъ живъ; если же смѣрки окажутся неравными, то онъ умретъ. Рубашка, бывшая до времени лѣченія на младенцѣ, снова можетъ годиться къ употребленію лишь

тогда, когда ее выволокают въ рѣкѣ трижды противъ теченія и трижды по теченію. д) Ставить ребенка на лавку около стѣны, растягиваютъ ему руки горизонтально и мѣряютъ его суровой ниткой. Затѣмъ, отмѣтивъ ножомъ на стѣнѣ величину его роста и длину рукъ, онуриваютъ больного, сжигая для этого съ ладономъ нитяные смѣрки.

Для лѣченія дитяти въ *собачьей старости* (такъ крестьяне называютъ то-же атрофическое состояніе дѣтей въ послѣднемъ періодѣ его развитія) либо парятъ его вмѣстѣ съ щенкомъ въ печи и, ударяя вѣнникомъ то одного, то другого, говорятъ: „щенокъ! возьми свою старость!“ (3-жды); либо катаютъ по тѣлу больного кусочекъ хлѣбнаго мякиша и отдаютъ съѣсть одношерстной собакѣ.

Всѣ изложенные способы лѣченія сухой стѣны и собачьей старости примѣняются лишь по средамъ в пятницу.

Когда ребенку въ какой-нибудь болѣзни не помогаетъ никакое лѣкарство, то его иногда „перераживаютъ“. Мать становится на мѣсто происходившихъ родовъ, беретъ ребенка и съ помощью призванной бабки до трехъ разъ протаскиваетъ его черезъ воротъ своей сорочки сверху внизъ.

Забавами для дѣтей служатъ то простое ознакомленіе съ наиболѣе интересующими ихъ предметами или легко доступными ихъ пониманію явленіями, то различные, специально назначенные для нихъ игры и стихи. Напримѣръ, стараются развлечь ребенка яркимъ цвѣтомъ огня, разубранной въ разноцвѣтные лоскутки куклой, постукиваньемъ желѣзной погремушкой, массой звуковъ, врывающихся вдругъ въ уши при закрываніи и открываніи послѣднихъ ладолями, и т. п. Далѣе, младенца подбрасываютъ вверхъ, щекочутъ, забавляютъ его „сорокой“, „ладушками“ и другими общеизвѣстными и описанными ¹⁾ уже играми. Что же касается упомянутыхъ стиховъ, то они, хотя иногда представляютъ собою бессмыслицу, но за то риемованы и нравятся дѣтямъ живостью и быстротою своего произношенія, а также

¹⁾ См. „Этн. Об.“ кн. VI: „Рожденіе и воспитаніе дѣтей въ Помехонскомъ уѣздѣ, Ярослав. губ.“, А. Балова.

тѣмъ, что въ вѣкоторыхъ изъ нихъ умѣло затрогивается личность ребенка: то ему пчелка уронила въ ротъ медку, то какая-то бабка, одѣляя ребятъ грибами, ему дала больше другихъ и т. п. Вотъ, на примѣръ, каковы эти стихи:

1.
Пчелка летѣла,
Уронила медокъ
Прямо дятаткѣ въ ротокъ.
Медъ подъ головами,
Сахаръ подъ ногами!

2.
Чушки-бушки
Не малыи,
Не скоблени.
Пора палить,
Пора скоблить!

3.
Бубень, бубань!
Сядь на бочку,
Продай свои дочку
За моего сына.
У моего сына сѣни восма,
Собаки борня.
Влоха подскочила,
Сѣни завалила!

4.
Кузьма-Кузютка!

Куда катилсь?
Отъ моря до моря.
Тамъ сидитъ сова,
Себѣ сына родила:
Ивашку—Стенашку,
Пона-коротышку,
Дурную лодыжку.
Сѣла баба на барана,
Поскакала по горамъ.

5.
Шла бабка съ заморья,
Несла кузовокъ.
Въ томъ кузовочкѣ
Лежатъ грибочки:
Кому—грибъ, кому—два,
А тебѣ, дятатко, весь кузовокъ!

6.
Галки-холодушки,
Толкачи-пророки
Шли по дорожкѣ,
Нашли кашку.
Въ этой кашкѣ воробей сидитъ,
Часы говорить.

Когда же никакія подобныя развлеченія не дѣйствуютъ на плачущее дитя, то матери и няньки прибѣгаютъ къ запугиванію его разными рассказами про стариковъ, поповъ, которые будто бы ходятъ съ сумой и собираютъ въ нее ребятъ, про волковъ съ огненными глазами и т. п., или же успокаиваютъ ребенка колыбельными пѣснями. И послѣднія являются чаще всего другого дѣйствительнымъ средствомъ не только успокоить, но и усыпить ребенка. Это вполнѣ успѣшно достигается, благодаря главнымъ образомъ тихому и однообразному напѣву колыбельныхъ пѣсенъ, который успокоительно дѣйствуетъ на утомленные новыми впечатлѣніями или разстроенные чѣмъ нибудь нервы дитяти и парализуетъ его мозговую дѣятельность. Но, обращая на себя вниманіе своимъ напѣвомъ, эти пѣсни представляютъ

гораздо большій интересъ со стороны педагогическихъ и поэтическихъ достоинствъ. Въ подтвержденіе справедливости высказанныхъ словъ приводимъ нѣсколько собранныхъ нами этихъ нѣсенъ.

1.

Котикъ—котекъ,
Сѣрый хвостокъ,
Шейка твоя
Бѣлогористая!
Приди, котикъ, почевать,
Мое дитятко качать,
Прибаюкивать,
Прилялюкивать!

Баюшки-баю,
Баю дѣточку мою!

Я тебѣ коту
За работу заплачу:
Дамъ конецъ пирога,
Да кувшинъ молока,
Еще рѣдкѣ хвостъ,
На великій постъ.

Баюшки—баю и проч.
Помешъ котникъ во гѣсокъ,
Принесъ котикъ поясокъ,
Привязалъ за люлечку
Покачалъ (има ребенка)

Баюшки—баю и проч.
Мои дитятка! спи,
А коту домой пусти.

Сѣрому коту
Ему дома недосугъ:
Коту сына женить,
Ему пиво варить.
Насъ до пьяна напоятъ!
Баюшки—баю и пр.

2.

У котика, у кота (или воркота)
Колыбелька хороша,
А у (има ребенка)
Еще лучше его.

Баю, баю, баю, бай!
Еще лучше его.

У котика, у кота
Подушечка высока,
А у милаго моего
Еще лучше его.

Баю, баю, баю, бай!
Еще лучше его.

У котика, у кота
Одѣлка хороша,
А у милаго моего
Еще лучше его.

Баю, баю, баю, бай!
Еще лучше его.

Такимъ образомъ перечисляютъ и другія принадлежности дѣтской постели.

3.

Котикъ бѣленькій,
Хвостикъ сѣренькій!
Ходитъ котикъ по сѣншамъ,
А дрема его спрашиваетъ:
— „Гдѣ (има ребенка) спишь,
Гдѣ дѣточка лежитъ?“

Баюшки-баю,
Баю дѣтку мою!
— Онъ и спитъ и лежитъ
На высокомъ столбу;
На высокомъ столбу,
На высокомъ столбу,

На точеномъ брусу,
На серебряномъ крому,
На шелковыхъ поводахъ;
Шиты браны полога,
Подушечка высока.

Баюшки-баю и пр.
Мамушки, кляюшки,
Сходитесь почевать,
Мое дитятко качать,
А вы, сѣнны дѣвушки,
Прибаюкивать.

Баюшки-баю и пр.

Выростешь большой (-ая),
Будешь счастливый, талантливый
(-ая),

Будешь въ золотѣ ходить,
Золоты кольца носить, (2)

Камку волочить,
А обносочки будешь дарить
Мамушкамъ, нянюшкамъ!

Бабушки-баю и пр.

Нянюшкамъ на ленточки,
Съннимъ дѣвчушкамъ на фартучки,
Молодымъ молодымъ на кокош-
нички,

Краснымъ дѣвкамъ на новоянички,
А старымъ старушкамъ на по-
вязочки.

Бабушки-баю и пр.

4.

Сонъ да дрема,
Приди къ (имя ребенка) въ голова!
Сонъ ходить по сѣнамъ,
Дрема-то по повамъ.

Сонъ дрему спрашиваетъ,
А дрема сказываетъ:

— Гдѣ (имя ребенка) спать,
Колыбелька гдѣ виситъ?

— Во високомъ терему,
Подъ краснымъ окномъ,
За шитымъ, бранымъ положкомъ,
За хрустальнымъ стекломъ;
Кольца серебряныя,
Пробойцы золоченныя,
Поддѣпочка шелковая,
Одѣльце мишуревское!
Сни, усни, угомонъ тебѣ возьми!
Сни по ночамъ,
Рости по часамъ;
Выростешь великъ,
Будешь въ золотѣ ходить,
Въ серебрѣ почивать!

5.

У котика, у кота.

Была маляха лиха;

Она была кота,

Приговаривала:

Не ходи, котъ, по дворамъ,
Не качай чужихъ ребятъ.

6.

Ужъ ты, дремушка-дрема,

Приди въ (имя ребенка) въ голова!

Дремушка-дрема

По врозлочку брела...

Далѣе убаюкивающая дитя, называя по именамъ домо-
хозяевъ своей деревни, надѣляетъ отъ лица ихъ дрему
платчишечкомъ, понойничкомъ, юбоченочкой, чулочками и
т. п., или же отказываетъ ей въ этомъ

Ужъ ты, дремушка дрема,
Зайди къ Семену на дворъ.

Семенова жена

Платчишечко дала.

— Ну спасибо тебѣ, Марьюшка!

— На здоровье тебѣ, дремушка!

Шла наша дрема,

Вдоль по улицѣ прошла;

Зашла наша дрема

Къ Ивану на дворъ.

Какъ Иванова жена

Ничего не дала.

— Ну, спасибо тебѣ, дремушка!

— На здоровье тебѣ, Авдотьюшка!

Шла наша дрема,

Вдоль по улицѣ прошла,

Зашла наша дрема

Къ Алексѣю на дворъ.

Алексѣева жена,

Она богатая была:

Она платище дала.

— Ну, спасибо тебѣ, Аннушка!

— На здоровье тебѣ дремушка!

7.

Качи, качи, качи!

Прилетѣли къ намъ грачи.

Посажались на нечи.
Ты, малютка, не плачь:
Исчемень тебѣ палачъ,
Натертий крутой,
Съ посеребренной дугой!

8.

Баушки-бау!
Живеть Федоръ на краю.
Онъ ни бѣденъ, ни богатъ,
Полна хата ребятъ.
Всѣ но лавочкамъ сидятъ,
Кашку съ масломъ ѣдятъ.

Или:

Всѣ на березкѣ висятъ.
Верезка-то скринь, скринь!
А ты (имя ребенка) спи, спи!

9.

Баушки-бау!
Не ложися на краю:
Тебя мышка съѣсть,
А корона ноль бочка,
Не дастъ молочка.

10.

Ну, бау-бау!
Бау дитятку мою!
Придетъ старий старичекъ,
Хворостяной посѣчетъ;
Онъ за то посѣчетъ,
Что ты мало ночью спишь,
По ночамъ всегда кричишь!

11.

Баушки-бау!
Колотушекъ надаю.
Вай да люди!
Хоть нишѣ умри.
У кашъ гречиха на току,
Я блиновъ напеку,
А тебя, дитятку,
На ногость по(о)локу.
Завтра морозъ,
А тебя на ногость.
Я соломи наоѣку,
Я блиновъ напеку.
Повду дитятку поминатъ,
Пому брюхо набивать.

12.

Баушки-бау!
Не ложися на краю,
Завтра морозъ,
А тебя на ногость!
Дѣдушка придетъ,
Гробокъ принесетъ;
Бабушка придетъ,
Холстинки аршнесетъ;
Магушка придетъ,
Голосочекъ проведетъ;
Батюшка придетъ,
На ногость отнесетъ.
Баушки-бау!
Колотушекъ надаю!

13.

Помель козелъ за лямки,
Помла коза за орѣхамъ.
Примель козелъ съ лямки,
Кози дома нѣтъ.
Нѣтъ кози съ орѣхамъ,
Нѣтъ кози съ каленями!

— Погоди же ты, коза:
Нануцу на тебя волковъ!
Нейдутъ волки кози асать.
Нѣтъ кози съ орѣхамъ,
Нѣтъ кози съ каленями.

— Погоди же ты, волки:
Нануцу на васъ людей!
Люди нейдутъ волковъ гонять,
Волки нейдутъ кози искать,
Нѣтъ кози съ орѣхамъ,
Нѣтъ кози съ каленями.

— Погоди же ты, люди:
Нашлю на васъ медвѣда!
Медвѣды нейдутъ людей ло-
мать.
Люди нейдутъ волковъ го-
нать и проч.

— Погоди же ты, медвѣды:
Нашлю на тебя огонь!
Огонь нейдеть медвѣда на-
лать,
Медвѣды нейдеть людей ло-
мать и проч.

— погоди же ты, огонь:
 Нашлю на тебя я воду!
 Вода нейдетъ огонь лить,
 Огонь нейдетъ медвѣда па-
 лить и проч.

— Добро же ты, вода:
 Нашлю на тебя бивков!
 Бивки неидутъ воду пить,
 Вода нейдетъ огонь лить,
 и проч.

— Добро же вы, бивки:
 Нашлю на васъ дубья!
 Дубья неидутъ бивковъ бить,
 Бивки неидутъ воду пить,
 и проч.

— Добро же вы, дубья:
 Нашлю на васъ топорь!
 Топорь неидетъ дубья ру-
 бить,
 Дубья неидутъ бивковъ бить
 и проч.

— погоди же ты, топорь:
 Нашлю на тебя камень!
 Камень неидетъ топорь зу-
 брить,
 Топорь неидетъ дубья ру-
 бить и проч.

— погоди же ты, камень:
 Нашлю на тебя гору!
 Гора неидетъ камень давить,
 Камень неидетъ топорь зу-
 брить и проч.

— погоди же ты, гора:
 Нашлю на тебя червей!
 Черви неидутъ гору точить,
 Гора неидетъ камень да-
 вить и проч.

— Добро же вы, черви:
 Нашлю на васъ гусей!
 Гуси неидутъ червей кле-
 вать,
 Черви неидутъ гору точить,
 и проч.

— Добро же вы, гуси:
 Нашлю на васъ орла!

Орелъ неидетъ гусей вер-
 тать,
 Гуси неидутъ червей кле-
 вать и проч.

— погоди же ты, орелъ:
 Нашлю на тебя сокола!
 Соколъ полетѣлъ орла щи-
 пать,
 Орелъ сталъ гусей вертать,
 Гуси стала червей клевать,
 Черви стали гору точить,
 Гора стала камень давить,
 Камень сталъ топорь зу-
 брить,
 Топорь сталъ дубья рубить,
 Дубья стали бивковъ бить,
 Бивки стали воду пить,
 Вода стала огонь лить,
 Огонь сталъ медвѣда палить,
 Медвѣзь сталъ людей ло-
 мать,
 Люди стали волковъ гонать,
 Волки стали козу волать.

Нашли козу съ орѣхами,
 Нашли козу съ каленными.
 — Вотъ тебѣ, козель, коза съ
 орѣхами,
 Вотъ тебѣ коза съ каленными!
 14.

— Бабушка Варварушка!
 Гдѣ ты была?
 — Коней стерегла.
 — И гдѣ жъ кони?
 — За ворота ушли.
 — Гдѣ же ворота?
 — Водой съсло.
 — Гдѣ же вода?
 — Бивки повили.
 — Гдѣ же бивки?
 — За бугры ушли.
 — Гдѣ же бугры?
 — Черви выточили.
 — Гдѣ же черви?
 — Гуси выклевали.
 — Гдѣ же гуси?

— Въ тростникъ ушли.	— Гдѣ же мужья?
— Гдѣ же тростникъ?	— На войну ушли.
— Дѣвки выломали.	— Гдѣ же война?
— Гдѣ же дѣвки?	— Посередѣ г...а.
— За мужья ушли.	

Разсматривая колыбельныя пѣсни, мы видимъ, что онѣ представляютъ собой небольшіе, но большею частію прекрасные рассказы, вполне приспособленные къ дѣтскому пониманію и довольно ярко выражающіе чувства женщины къ своему ребенку¹⁾.

Предметы, предлагаемые въ этихъ пѣсняхъ вниманію дитяти, взяты изъ области тѣхъ явленій, съ которыми ребенокъ знакомится ранѣе прочаго. Такъ, здѣсь мы встрѣтимъ и съ бѣлымъ хвостикомъ сѣраго кота, который почти всегда нравится дѣтямъ; и старика съ волкомъ, которыми ихъ такъ пугаютъ няньки, и дрему въ образѣ попрошайки, напоминающей собою нищихъ, которыхъ приходится имъ видѣть чуть не каждый день, и т. д. Къ тому же, всѣ эти предметы народная фантазія заставляеть жить лишь тою жизнью, которая близка ребенку и можетъ его заинтересовать. Котъ, напримеръ, ходитъ и качаетъ ребятъ: дрема бродитъ по дворамъ, собираетъ себѣ нарядъ да спрашиваетъ, гдѣ кто изъ дѣтей спитъ; старикъ наказываетъ балованныхъ и капризныхъ ребятъ, и т. п. Съ этой стороны колыбельныя пѣсни представляютъ собой плодъ многовѣковой народной дѣятельности по воспитанію дѣтей, и, въ отношеніи выбора содержанія и умѣнья изложить его въ стихотворной формѣ весьма просто, наглядно и картинно, онѣ являются прекраснымъ созданіемъ педагогическаго народнаго гения.

Далѣе, ребенокъ, какъ извѣстно, возбуждаетъ въ душѣ женщины различныя чувства: то онъ составляетъ для нея отраду въ настоящемъ и надежду въ будущемъ, то представляетъ собой не что иное, какъ обузу. Сообразно съ этимъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ мы видимъ то образъ нѣжной и любящей свое дитя матери, то грубой ненавидящей своего ребенка женщины. Страстная любовь первой

1) См. объ этомъ статья А. Ветухова „Этногр. Обзор.“ XIII—XV. Ред.

заставляетъ ее изъ своего репертуара выбирать только самыя пріятныя для ребенка пѣсни, напримѣръ, про безобидную дрему, про ласковаго котика и т. п., рисовать предъ нимъ въ привлекательныхъ чертахъ неизвѣстное будущее и даже прикрашивать часто неприглядное настоящее. Нелюбовь же второй заставляетъ ее тяготиться своимъ ребенкомъ и въ его смерти видѣть для себя одинъ только выходъ изъ своего непріятнаго положенія, единственную возможность освободиться отъ многочисленныхъ обременительныхъ хлопотъ. Вотъ повтому-то мы въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ нами пѣсенъ видимъ, что смерть ребенка представляетъ собою нѣчто желаемое, вотъ почему она описывается здѣсь съ такимъ удивительнымъ безсердечіемъ, со всею реальностью и съ такою возмутительною грубостью!..

Обстановка съ вышеописанными суетвѣрїями, забавами, колыбельными пѣснями окружаетъ ребенка лишь въ пору его младенчества, но она измѣняется, когда дитя выходитъ изъ-подъ надзора няньки и начинаетъ жить болѣе или менѣе самостоятельно. Описание этого періода дѣтской жизни можетъ составить особый этнографическій очеркъ.

Д. Ив. Успенскій.

ИЗЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Новый взглядъ на исторію происхожденія семьи.

(Dr. Joh. Richard Mucke: *Horde und Familie in ihrer urgeschichtlichen Entwicklung*. Eine neue Theorie auf statistischer Grundlage. (Stuttgart. 1896, 8°, стр. XIX+308).

На страницахъ „Этнографическаго Обзорія“ намъ приходилось не разъ касаться новыхъ взглядовъ на вопросы о происхожденіи семьи, развитія брака и родства. Появленіе въ литературѣ за послѣднее время сравнительно очень значительнаго количества трудовъ, посвященныхъ разработкѣ упомянутыхъ вопросовъ, не можетъ не считаться характернымъ въ исторіи этнографіи: едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что причиной этого явленія слѣдуетъ считать прежде всего нѣкоторую неудовлетворенность современныхъ ученыхъ положеніями, выставленными господствующей теоріей; несомнѣнно, что за періодъ, истекшій отъ начала постановки этихъ, наиболее интересныхъ и пожалуй и наиболее сложныхъ вопросовъ нашей науки, на серьезную, научную почву — до настоящаго времени запасъ этнографическихъ свѣдѣній значительно возросъ, что вмѣстѣ съ ростомъ его, рѣшеніе вопроса о происхожденіи семьи не только не упростилось, но скорѣе, наоборотъ, вошло въ болѣе сложную стадію. Внести исправленія въ господствующую теорію на основаніи имѣющагося научнаго матеріала, освѣтить ее или даже видоизмѣнить на основаніи послѣдняго—является стремленіемъ разныхъ авторовъ, посвящающихъ новыя монографіи исторіи развитія семейнаго и общественнаго быта у некультурныхъ народностей. Часть авторовъ приняла, на нашъ взглядъ совершенно правильный методъ: признавая неудовлетворительность матеріала для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ, эти авторы стараются прежде всего критически освѣтить имѣющійся уже матеріалъ, затѣмъ дополнить его изученіемъ быта некультурныхъ народностей, свѣдѣнія объ

общественномъ и семейномъ строеъ которыхъ служили преимущественно основаниями для подтвержденія или опроверженія той или иной научной теоріи. Этимъ путемъ шель между прочимъ и Куновъ, и насколько интересные и важные результаты можно добыть, пользуясь этимъ методомъ, для исторіи развитія семьи вообще, мы старались показать въ замѣткѣ, посвященной цѣнной работѣ Кунова объ австралійцахъ (см. „Этнографическое Обзорѣніе“, кн. XXVII). Другіе авторы предпочитаютъ избирать несомнѣнно болѣе легкій путь толкованія и освѣщенія существующаго матеріала, причемъ въ зависимости отъ основной точки зрѣнія, на которую становится данный авторъ, тотъ-же матеріалъ служитъ для освѣщенія быта некультурныхъ племенъ то со стороны экономической, то съ общественно-правовой. Мы не хотимъ сказать, что этимъ путемъ достигаются для науки исключительно лишь отрицательные результаты, что комбинируемый то тѣмъ то инымъ путемъ матеріалъ не вноситъ частныхъ дополненій въ господствующіе взгляды, не открывалъ для науки подчасъ новыхъ перспективъ; но современные ученые, шедшіе этимъ путемъ, какъ мы старались указать въ предшествующихъ очеркахъ, не были въ состояніи, до настоящаго времени по крайней мѣрѣ, пошатнуть выработанныхъ предшествующими трудами основныхъ положеній науки по указаннымъ вопросамъ, вслѣдствіе чего и само появленіе подобныхъ работъ въ исторіи науки знаменуетъ скорѣе стремленіе отыскать истину, чѣмъ фактъ открытія ея.

Къ числу авторовъ послѣдней категоріи слѣдуетъ причислить и профессора статистики при Юрьевскомъ университетѣ г. Муке, несомнѣнно не мало потрудившагося надъ выработкой своей новой теоріи.

Въ предисловіи г. Муке заявляетъ, что онъ озаглавилъ свой трудъ теоріей, построенной на основаніи статистики оттого, что результаты его труда основаны не на апріорныхъ взглядахъ, но возведены въ систему на основаніи анализа и синтеза, что вообще лица, занимающіяся этнографическими изысканіями, поступили бы хорошо, если-бы больше ознакомились съ методологической наукой объ явленіяхъ. Упрекъ, что этнографы въ построеніи своихъ положеній пользуются фактами, выхваченными т. ск. изъ быта народностей безъ обращенія вниманія на общую культуру этихъ послѣднихъ,—слышится за послѣднее время не въ первый разъ, и нельзя не сознаться, что онъ является до извѣстной степени обоснованнымъ, хотя съ одной стороны онъ далеко не можетъ быть сдѣланъ большинству ученыхъ, направляющихъ свои силы на изысканія основныхъ законовъ развитія человѣчества, а

съ другой—этотъ упрекъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ справедливъ, указываетъ скорѣе на неправильность увлеченія принятымъ въ этнографіи методомъ, чѣмъ на неправильность самаго метода по существу. Какимъ-же методомъ пользуется г. Муке для построения своей теоріи о происхожденіи семьи? „Если мы хотимъ приступить къ изслѣдованію безъ предвзятыхъ взглядовъ, пишетъ г. Муке, мы должны принять, что понятія о группѣ, семьѣ, бракѣ и т. п. намъ неизвѣстны; естественно явится вопросъ, продолжаетъ онъ, что же въ сущности вамъ извѣстно, такъ какъ намъ необходимо имѣть исходную точку. Въ виду того, что изслѣдованіе касается жизни первобытнаго человѣчества, то исходной точкой могутъ служить проявленія этой жизни; эти послѣднія сказываются во взаимодействіи физическаго организма и внѣшняго міра, и поскольку это взаимодействіе мы именуемъ душою, — наше изслѣдованіе возьметъ за исходную точку человѣческую душу“. Проявленія человѣческой души должны дать автору возможность возстановить картину первобытнаго состоянія человѣчества, тѣмъ болѣе, что нѣтъ основанія предполагать, замѣчаетъ г. Муке, что психическій міръ всего человѣчества долженъ былъ проходить другія стадіи развитія, чѣмъ психическій міръ отдѣльнаго лица. Психологическій анализъ явленій жизни дикарей и составляетъ содержаніе книги автора. Мы не можемъ не указать, что авторъ избралъ крайне рискованный, хотя и далеко не новый, методъ объясненія явленій жизни, встрѣчаемыхъ у мало культурныхъ народностей: въ самомъ дѣлѣ, гдѣ гарантія, что изслѣдователь, пользующійся имъ, предполагая отыскать мотивы, вызвавшіе къ жизни тотъ или иной институтъ у дикарей, не навяжетъ имъ собственныхъ взглядовъ культурнаго человѣка. Если психическій міръ ребенка съ большимъ трудомъ поддается анализу, то относительно „души“ дикаря можно съ особеннымъ основаніемъ сказать, что „чужая душа потемки“; заключать-же по проявленіямъ психическаго міра ребенка къ дикарю, какъ это склоненъ дѣлать г. Муке, болѣе чѣмъ опасно, потому что, не смотря на сходство въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ ребенка и дикаря, разница между ними настолько значительна, что о тождествѣ едва-ли можетъ быть рѣчь.

Во всякомъ случаѣ г. Муке правъ, считая, что первобытный человѣкъ жилъ группами, и что эти группы объединялись не понятіемъ о родствѣ, а общностью территоріи. — Справедливѣе, что само понятіе о родствѣ, о взаимной близости зиждилось первоначально не на представленіи о кровныхъ узлахъ, соединяющихъ группу индивидовъ, а на общ-

ности пользованія территоріей. Впрочемъ, въ этомъ отноше-
ніи г. Муке не вносить еще ничего новаго, такъ какъ это
было уже извѣстно на основаніи новѣйшаго изученія быта
народностей, наиболѣе низко стоящихъ въ культурномъ от-
ношеніи. Группѣ индивидовъ, объединенныхъ территоріей
авторъ даетъ нѣсколько неправильное наименованіе орда,
которая такимъ образомъ представляеть собой группу рав-
ныхъ лицъ, преслѣдующихъ подъ руководствомъ одного или
нѣсколькихъ вожаковъ одинаковыя цѣли.

Члены этихъ группъ имѣютъ лишь крайне ограниченныя
представленія; единственное доступное ихъ пониманію—это
представленіе о пространствѣ, такъ какъ ничего отвлеченнаго
имъ еще недоступно: ничего не могло быть доступнымъ
душѣ человѣческой, чего не существовало-бы во внѣшнемъ
мирѣ. Даже представленія о возрастѣ лицъ и вытекающія изъ
нихъ наименованія членовъ группы по возрасту являются
болѣе поздними. Первоначально эти наименованія имѣли зна-
ченіе указанія мѣста, гдѣ находится данное лицо по отно-
шенію къ говорящему: если представить себѣ жилище, слу-
жащее убѣжищемъ для подобной группы, то вслѣдствіе стрем-
ленія лицъ одинаковыхъ по возрасту и полу группироваться
вмѣстѣ, напр. стариковъ къ старикамъ, дѣтей съ дѣтьми и
пр., то все населеніе подобнаго жилища распадется на слѣ-
дующія группы: одна половина будетъ занята женщинами,
другая мужчинами. Предполагая, что центральное мѣсто
занимаетъ лицо говорящее, находящееся въ группѣ лицъ,
которыя по отношенію къ нему будутъ считаться братьями,
(или сестрами, если говорящее лицо женщина) не въ зна-
ченіи кровныхъ родственниковъ, а лишь въ смыслѣ ближай-
шихъ сосѣдей, сочленовъ,—то по одну сторону отъ говоря-
щаго расположится группа, въ которой находится его отецъ,
мать, далѣе группа отцовъ членовъ этой послѣдней (дѣды,
бабки), по другую сторону расположится группа, гдѣ нахо-
дятся его дѣти, и наконецъ та, гдѣ находятся его внуки.
Такова идеальная картина размѣщенія членовъ орды: отсюда
проистекаютъ наименованія членовъ отдѣльныхъ подгруппъ,
сообразно съ тѣмъ, гдѣ они находятся по отношенію къ го-
ворящему. Такимъ образомъ г. Муке приходится къ выводу
Моргана и Кунова, что первоначальнымъ дѣленіемъ группы
слѣдуетъ считать то дѣленіе, когда различается лишь группи-
ровка восходящихъ и нисходящихъ, а не отдѣльныя лица, т. е.
систему „гавайскую“; но онъ отличается отъ обоихъ авто-
ровъ тѣмъ, что въ то время, какъ Морганъ ошибочно выво-
дитъ это дѣленіе группы изъ возникающихъ представлений
о кровномъ родствѣ, а Куновъ совершенно основательно изъ

понятія о возрастѣ лицъ. — г. Муке безъ всякихъ фактическихъ доказательствъ, только на основаніи предположенія, что первобытному человѣку понятны лишь представленія о пространствѣ, объясняетъ ихъ обычнымъ расположеніемъ членовъ территоріальной группы подъ одной кровлей; принимая, что первобытный домъ имѣлъ видъ ладьи по своему контуру, авторъ даже снабжаетъ свои доказательства схематическимъ рисункомъ, очевидно, упуская при этомъ изъ виду, что на той стадіи развитія, которую онъ обрисовываетъ, едвали можетъ быть рѣчь о прочныхъ жилищахъ, не говоря уже о сравнительно большихъ, въ которыхъ находятъ себѣ мѣсто нѣсколько десятковъ человѣкъ — количество индивидовъ, составляющихъ территоріальную группу. Впрочемъ этому послѣднему вопросу посвящена отдѣльная глава.

Возражая противъ существованія когда-либо стадіи безпорядочнаго сожителства, г. Муке старается доказать, что первобытный человѣкъ долженъ былъ уже имѣть представленія о бракѣ, что брачныя отношенія должны были имѣть большую продолжительность. Мы не будемъ останавливаться на этой части труда автора, такъ какъ выводы его находятъ въ прямомъ противорѣчій съ фактами, наблюдаемыми среди некультурныхъ народностей, у которыхъ, по крайней мѣрѣ среди низшихъ въ культурномъ отношеніи, союзы, какъ это было уже указано давно разными изслѣдователями, имѣютъ извѣстную продолжительность, но, во всякомъ случаѣ, часто и легко нарушаются, и не имѣютъ характера постояннаго, вслѣдствіе чего этой стадіи развитія и придано характерное названіе „безпорядочнаго сожителства“. Замѣчаніе автора, что въ настоящее время мы уже не имѣемъ передъ собой вполнѣ первобытныхъ людей, и что даже наиболѣе первобытныя народности, вслѣдствіе сближенія съ европейцами, потерпѣли нарушение въ естественномъ ходѣ своего развитія, недостаточно, чтобы устранить возраженія, которыя можно сдѣлать на основаніи фактическихъ данныхъ противъ взглядовъ г. Муке, и это тѣмъ болѣе, что онъ въ стремленіи обрисовать первобытное состояніе человѣка не находитъ нужнымъ считаться со взглядами дикарей на явленія ихъ собственнаго быта: тотъ былъ-бы плохимъ психологомъ, замѣчаетъ г. Муке, кто для объясненія соотношенія явленій пожелалъ бы найти указанія у первобытнаго человѣка; этогъ послѣдній скорѣе запутааетъ, чѣмъ освѣтитъ его мыслъ; среди первобытныхъ людей долженъ лишь собирать матеріалъ, а группировать его слѣдуетъ безъ ихъ помощи. Но авторъ, вслѣдствіе недостаточнаго вниманія къ фактамъ дѣйствительности, невольно впадаетъ въ противоположную крайность и, пред-

полагая, что онъ открываетъ передъ читателемъ картину психическаго міра дикаря, то лишаетъ послѣдняго самыхъ элементарныхъ понятій, то, наоборотъ, приписываетъ ему противъ собственнаго желанія взгляды, свойственные лишь значительно болѣе высокому культурному уровню.

Впрочемъ, въ періодъ господства указанной стадіи развитія, гдѣ всѣ члены равны между собой, гдѣ женщина не оказывается еще поработанной мужчиною,—семья, по мнѣнію автора, еще не существуетъ, такъ какъ дѣти являются принадлежностью группы. Семья возникаетъ впоследствии, и причинами, вызвавшими ее къ жизни, слѣдуетъ считать экономическія соображенія первобытнаго человѣка. Вслѣдствіе раздѣленія труда, существующаго въ первобытной группѣ, гдѣ дѣятельность мужчинъ направлена во внѣ, а дѣятельность женщинъ касается внутреннего распорядка,—при чемъ объ группы направляли свои силы на изысканіе средствъ къ поддержанію своего существованія,—случалось, что мужчинамъ не доставало женскихъ рукъ, а женщинамъ—мужскихъ. Послѣдствіемъ этого является похищеніе себѣ рабочихъ силъ изъ сосѣднихъ группъ. Похищеніе отнюдь не имѣло цѣлю удовлетвореніе половыхъ стремленій, такъ какъ этому стремленію, по мнѣнію автора, должно было бы предшествовать уже знакомство похитителя съ объектомъ похищенія; цѣль похищенія была исключительно хозяйственная—подчинить для служенія себѣ другое лицо. Этимъ путемъ возникаетъ отношеніе между двумя неравноправными лицами, изъ которыхъ одно является господиномъ, другое—слугою (*famel*); это отношеніе авторъ вазываетъ первоначальной семьей (*familie*); необходимость раздѣленія труда приводитъ къ тому, что это отношеніе должно возникнуть между лицами разнаго пола. Такъ какъ рабочая сила могла оказаться нужной какъ группѣ мужчинъ, такъ и группѣ женщинъ, которыя, какъ было уже указано, являлись, по мнѣнію г. Муке, въ первобытномъ періодѣ равноправными, свободными товарищами мужчинъ въ общемъ хозяйствѣ, равно и обязательно женами ихъ,—то уже съ самыхъ первыхъ ступеней развитія мы находимъ, по словамъ автора, двоякую форму семейныхъ отношеній: съ главенствомъ мужчины, когда похитителемъ былъ мужчина, и съ главенствомъ женщины, когда мужчина являлся объектомъ похищенія. Первая форма возникала благодаря простому похищенію женщины, которая однако не являлась вначалѣ да и не могла являться одновременно и слугою и женой: объектъ похищенія—чужая, назначаемая лишь для (хозяйственныхъ) услугъ, женщина, пишетъ г. Муке, не могла вызвать въ повелителѣ своемъ желанія имѣть ее супругой;

для этого мысль дикаря еще не созрѣла, такъ какъ съ этимъ желаніемъ соединено ощущение равенства, которое не можетъ возникнуть между двумя первоначально неравными другъ другу индивидами путемъ абстрактнымъ, когда выше стоящій подавляетъ свое чувство превосходства: я не считаю первобытнаго человѣка способнымъ къ этому размышленію. Женщина въ этомъ случаѣ можетъ служить женой другимъ, но не владѣльцу ея. Это разсужденіе иллюстрируетъ способъ доказательства авторомъ своихъ положеній, такъ какъ послѣ этихъ словъ онъ приводитъ примѣры равнодушія мужей къ невѣрности ихъ женъ, гостепріимному гетеризму и пр., освѣщая, но не доказывая этимъ высказанное положеніе.

Попытка къ похищенію женщины могла, конечно, окончиться неудачей; мужчина-похититель могъ быть настигнутъ и приведенъ въ качествѣ плѣнника въ чужую группу. Въ такомъ случаѣ онъ дѣлается рабомъ женщины, которую онъ былъ намѣренъ похитить (почему не цѣлой группы?), и такимъ образомъ возникаетъ зародышъ другого рода семьи, гдѣ главенство находилось въ рукахъ женщины: будучи плѣнникомъ, рабомъ, чужимъ въ захватившей его группѣ, онъ могъ только тайкомъ посѣщать женщину, не считаясь ея супругомъ, и не могъ называться отцомъ своихъ дѣтей, такъ какъ его госпожа была обязательно супругой своего „брата“ по группѣ, который и считался отцомъ. Этимъ г. Муке стараются объяснить выдающееся значеніе, которое имѣетъ дядя по матери въ матриархальной семьѣ.

Такимъ образомъ, одновременно возникаютъ двѣ формы семьи: андрократическая и гинеократическая. Въ послѣдней главой семьи является женщина, но власть ея распространяется не на всѣхъ мужчинъ вообще, а лишь на чужого, плѣннаго мужчину; она становится въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ двумъ мужчинамъ: къ своему, такъ сказать, законному мужу-брату и къ незаконному, находящемуся въ ея власти плѣннику. Въ этомъ фактѣ заключается, по мнѣнію автора, основа происхожденія полиандріи. По аналогіи съ этимъ образуется и полигамическая семья: въ послѣдней мужчина, имѣя законную жену—сестру, владѣль нѣсколькими женщинами—служанками, добытыми похищеніемъ, брачными узы съ которыми вначалѣ были недозволены, а впоследствии, хотя и были терпимы, но не считались законными.

Изъ этихъ двухъ видовъ семьи возникаютъ и различные способы счета родства. Въ андрократической семьѣ похищенная женщина продолжала считаться чужой и, какъ таковая, не имѣла мѣста среди членовъ группы и должна была помѣщаться отдѣльно отъ нихъ. Дѣти ея считались такими-

же чужими и, какъ таковыя, не могли войти въ составъ группы, слѣдовательно должны были оставаться при своей матери. Такъ какъ дѣятельность группы направлена на добычаніе себѣ пищи, и группа, слѣдовательно, не заботилась о чужихъ, то забота о похищенной женщинѣ, равно и о пропитаніи ея дѣтей, естественно должна была падать на ея повелителя — мужчину, похитившаго ее; такимъ образомъ возникаетъ патриархальная семья. Иначе дѣло обстоитъ въ гинекократической семьѣ. Здѣсь женщина являлась госпожей одного или нѣсколькихъ мужчинъ, которые, будучи чужими въ группѣ, должны были помѣщаться внѣ ея, въ то время, какъ ихъ госпожа оставалась въ своемъ прежнемъ помѣщеніи въ качествѣ равноправнаго члена группы. Дѣти, рожденныя ею отъ одного или нѣсколькихъ подначальныхъ мужчинъ, считались оффициально дѣтьми, рожденными отъ ея законнаго мужа — брата, который (т. е. дядя по матери) и признавался ихъ отцомъ. Вслѣдствіе того, что фактическіе отцы не были признаваемы, дѣти считались членами группы, и такъ какъ по мѣсту нахождения въ общемъ помѣщеніи они стояли ближе всего къ матери, то счетъ родства долженъ былъ вестись по материнской линіи. Естественно, что на первыхъ-же ступеняхъ развитія появляются одновременно обѣ формы семьи, причѣмъ однако авторъ полагаетъ что отцовское право скорѣе предшествовало материнскому, такъ какъ случаи похищенія женщины мужчиной должны были предшествовать порабощенію женщины женщиной.

Эта часть теоріи г. Муке представляетъ наибольшій интересъ своей оригинальностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ именно она и является наименѣе убѣдительною. Остается совершенно неяснымъ, почему въ андрократической семьѣ мужчина, остававшійся членомъ группы, долженъ былъ заботиться о пропитаніи похищенной имъ женщины и ея дѣтей. Дѣйствительно, г. Муке отмѣчаетъ, что дѣти являлись лишь помѣхой для мужчины утилизировать порабощенную женщину въ качествѣ рабочей силы, пока заботы ея естественно должны были направляться на кормленіе дѣтей, и что вслѣдствіе желанія устранить это препятствіе возникъ обычай дѣтоубійства, который, по мнѣнію автора, впрочемъ, совершенно голословному, примѣнялся исключительно къ такимъ незаконнымъ дѣтямъ. Но представимъ себѣ, что мужчина былъ обязанъ заботиться о продовольствіи своей незаконной семьи, все же дѣти его, согласно представленію автора, не получали мѣста среди остальныхъ дѣтей группы, оставались чужими въ отношеніи къ ней, слѣдовательно ближе всего находились къ матери, даже ближе, чѣмъ въ гинекократической семьѣ, такъ

какъ въ послѣдней оффиціальнымъ по крайней мѣрѣ отцомъ признавался дядя по матери, тогда какъ въ андрократической семьѣ дѣти юридически считались не имѣющимъ отца, почему при такихъ условіяхъ, при близости къ матери, съ которой незаконныя дѣти живутъ вмѣстѣ, отдѣленные отъ прочихъ членовъ группы, не развивается въ отношеніи къ нимъ счетъ родства по женской линіи? Далѣе г. Муке отмѣчаетъ, что есть народности, стоящія очень низко въ культурномъ отношеніи, которыя не знаютъ материнскаго права, а признаютъ лишь отцовское, и объясняютъ это тѣмъ, „что всюду, гдѣ не было возможности поработить мужчину, не существовало и материнскаго права, такъ какъ не доставало формы семьи, въ которой женщина была-бы госпожей“. Повидимому, автору представляется, что одно племя совершало удачныя или неудачныя набѣги на другое, а послѣднее или только терпѣло отъ этихъ нападений, или ограничивалось захватомъ и порабощеніемъ похитителя: при такихъ условіяхъ естественно, слѣдуя теоріи г. Муке, должнъ произойти, что первое племя выработывало патріархальную, второе матриархальную семью. Но въ дѣйствительности едва-ли можетъ быть достаточно основаній предполагать, чтобы взаимныя отношенія двухъ сосѣднихъ племенъ слѣдовали правиламъ, начертаннымъ г. Муке. Въ средѣ одного и того-же племени, при взаимныхъ набѣгахъ, должны были одновременно оказаться и порабощенныя женщины и порабощенные мужчины; слѣдовательно въ той-же группѣ одновременно должны были образовываться и обѣ формы семьи. Какіе результаты должны получиться для группы вслѣдствіе одновременнаго существованія обѣихъ типовъ? Какая изъ двухъ должна явиться господствующей и при какихъ условіяхъ, и почему одни племена выработываютъ матриархатъ, а другія — патріархатъ? Отвѣтовъ на эти вопросы мы не найдемъ въ трудѣ г. Муке; онъ вообще считаетъ выраженія „отцовское и материнское право“ неподходящими, такъ какъ въ настоящее время мы соединяемъ съ словами „отецъ“ и „мать“ значеніе о кровномъ родствѣ. Въ то время, продолжаетъ авторъ, когда такъ наз. отцовское и материнское право имѣло практическое значеніе, „отецъ“ и „мать“ были групповыми понятіями; вслѣдствіе этого онъ предлагаетъ замѣнить выраженія „отцовское и материнское право“ — андро-и гинекократической семьей. Но очевидно авторъ упускаетъ изъ виду, что господство мужчины надъ женщиной проявляется даже въ тѣхъ случаяхъ, когда счетъ родства ведется по женской линіи, такъ что выраженіе „андрократическая семья“ не можетъ считаться удачнымъ. Далѣе авторъ не можетъ отрицать, что

рядъ народностей и до настоящаго времени продолжаютъ сохранять счетъ родства по женской линіи и другіе признаки, характерные для матриархата, хотя уже давно не представляютъ изъ себя группъ, объединенныхъ исключительно одной территоріей. Г. Муке не объясняетъ намъ, какъ могли развиться и поддерживаться эти институты среди племенъ, культура которыхъ далеко не можетъ быть названа первобытной, въ томъ смыслѣ, который авторъ придаетъ этому слову. Цѣлый рядъ явленій общественной жизни остаются авторомъ не выясненными, и если онъ и приводитъ примѣры изъ жизни народностей, то дѣлаетъ это исключительно для иллюстраціи своихъ совершенно теоретическихъ разсужденій; сами примѣры заимствуются не изъ быта наименѣе культурныхъ народностей, а безъ отношенія къ стадіи развитія ихъ, если только та или иная черта ихъ быта кажется автору подходящей для выясненія его положенія, добытаго не анализомъ и синтезомъ, а основаннаго лишь на утвержденіи, что мысль дикаря способна или неспособна усвоить себѣ то или иное представленіе. Намъ совершенно неясно, почему г. Муке считаетъ, что актъ рожденія не въ состояніи вызвать въ мысли дикаря представленія объ естественной связи, существующей между матерью и ребенкомъ, и одновременно полагаетъ, что дикарю болѣе понятна идея о фиктивномъ отцѣ-братахъ по группѣ въ гинеократической семьѣ, требующая несомнѣнно болѣе сложнаго процесса мышленія, чѣмъ первая мысль; подобное приписываніе дикарю способности толковать то или иное явленіе мы постоянно встрѣчаемъ у г. Муке.

Дальнѣйшее изложеніе въ трудѣ г. Муке посвящено объясненію съ принятой имъ точки зрѣнія нѣкоторыхъ обычаевъ и обрядовъ некультурныхъ народностей (кувады, левирата, нійоги и пр.) и описанію тѣхъ видоизмѣненій, которыя происходятъ въ строеніи группы, благодаря возникновенію въ ихъ средѣ семьи. Мы не будемъ слѣдовать за развитіемъ мысли автора, такъ какъ предпринятая съ предвзятой точки зрѣнія и мало обоснованная фактическимъ матеріаломъ объясненія его не представляютъ научнаго интереса.

Выше нами было указано, что авторъ предполагаетъ, что группа первоначально жила въ домахъ, представляющихъ по своему контуру сходство съ ладьей: жилищу первобытнаго челоуѣка г. Муке посвящаетъ отдѣльную главу, такъ какъ очевидно, что, если жилище первобытнаго челоуѣка не соответствовало-бы той формѣ, которую предполагаетъ г. Муке,—члены группы должны были-бы располагаться иначе, а слѣдовательно и понятія о родствѣ неизбежно получили-бы другой характеръ. Исходя изъ положенія,

ичѣмъ впрочемъ серьезно не подкрѣпляемого, что первобытный человѣкъ долженъ былъ жить въ тепломъ климатѣ, гдѣ природа доставляла ему готовую пищу, и непремѣнно на одномъ мѣстѣ, — авторъ отвергаетъ мысль, что пещеры, незначительныя своими размѣрами, служили когда-нибудь жилищемъ первобытному человѣку: онѣ являются лишь временнымъ убѣжищемъ его, и ими начинаютъ пользоваться уже по возникновеніи семьи, когда группа теряетъ свое единство. Большія пещеры служили жилищами только на болѣе высокихъ стадіяхъ развитія. „Разъ первые люди жили въ тропическомъ климатѣ, они первоначально довольствовались природой, и, подобно тому какъ это возможно среди міра животныхъ устраивать себѣ логовища въ землѣ безъ особаго труда, такъ и люди могли соединенными усиліями устраивать себѣ подобныя ямы. Но группа представляла собой цѣлое, расчлененное на подгруппы, и каждая изъ послѣднихъ работала для себя. Если она вырывала себѣ ямы, то это должно было произойти такъ, что каждая подгруппа устраивала углубленіе для себя, такъ что вся группа не пользовалась одной общей ямой, но получалось известное количество углубленій, составляющихъ одно цѣлое“. Яма каждой подгруппы отдѣлялась отъ другой стѣнкою (валомъ). Таково было жилище первобытнаго человѣка, которое, устраиваемое правильно, должно было дать лодкообразный контуръ. Мы не считаемъ нужнымъ возвращать г. Муке по вопросу о первобытномъ жилищѣ человѣка, такъ какъ мнѣніе его стоитъ въ такомъ рѣзкомъ противорѣчій съ фактами, находящимися въ распоряженіи науки, что несостоятельность его слишкомъ очевидна. Мы привели взгляды г. Муке по указанному вопросу исключительно въ качествѣ примѣра, насколько методъ строгаго анализа и синтеза, который авторъ считаетъ необходимымъ для этнографическихъ изслѣдованій и въ отсутствіи котораго онъ упрекаетъ своихъ предшественниковъ, отсутствуетъ въ собственномъ трудѣ г. Муке.

„Въ этомъ трудѣ пишетъ авторъ въ своемъ „заключеніи“, я имѣлъ въ виду дать новое основаніе исторіи первобытной культуры, поскольку она касается моей спеціальной сферы знанія... Результаты, добытые нами для опредѣленія понятій группа и семья, касаются только первобытной группы и первоначальной семьи. Изученіе того, что произошло изъ развитія обѣихъ формъ, требуетъ новой статистической работы, которая хотя и подготовлена, но еще не доведена до конца. Слѣдуетъ ожидать, что тогда падетъ не одинъ лучъ свѣта на первобытныя отношенія, и многое освѣтитъ ярче,

чѣмъ это сдѣлано въ этомъ трудѣ. Но самый завзятый пессимистъ, которому темная первобытная культура чело-вѣческаго рода представлялась въ видѣ хаоса изъ промискуитета, групповаго брака и гетеризма, однимъ словомъ періодомъ отсутствія порядка — если мнѣ и не удастся его убѣдить—по крайней мѣрѣ ставеть въ тупикъ“. Последней цѣли авторъ вполне достигъ уже изданіемъ первой части своего труда, такъ какъ совершенно непонятно, какъ могъ ученый, хотя-бы и бѣло знакомый съ данными этнографіи, взять на себя рѣшеніе сложныхъ вопросовъ о происхожденіи семьи и первобытномъ состояніи челоуѣка, рассматривая послѣдняго внѣ времени и мѣста, совершенно изолированно, не принимая во вниманіе вліянія различныхъ другихъ факторовъ, которые, какъ напр. религіозные, не говоря уже о другихъ, оказали столь большое вліяніе на образованіе и институтовъ семейнаго и общественнаго быта

Н. Харузинъ.

С М Ъ С Ъ

ЗАМѢТКИ

о разныхъ методахъ изученія народныхъ малорусскихъ думъ.

До недавняго времени существовалъ одинъ только методъ изученія народныхъ малорусскихъ думъ. Я разумѣю методъ историческій. Какъ въ лучшихъ изданіяхъ думъ—Максимовича, Антоновича и Драгоманова, такъ и въ лучшихъ изслѣдованіяхъ и думахъ—Костомарова и Драгоманова, мы имѣемъ только историческій комментарий къ думамъ. Думы семейнаго содержанія, которыхъ нельзя приурочить къ тѣмъ или инымъ историческимъ событіямъ, не привлекали вниманія ученыхъ историковъ. А между тѣмъ это единство формы при разности содержанія есть явленіе въ историко-литературномъ отношеніи очень важное. Оно должно было бы предохранить думы отъ смѣшенія ихъ съ пѣснями историческаго содержанія, чего не видимъ мы въ изслѣдованіяхъ историковъ, которые очень часто называютъ пѣсни думами. Чтобы устранить эту путаницу въ понятіи о думахъ, я рѣшился заняться изслѣдованіемъ поэтической формы думъ, точнѣе говоря, изслѣдованіемъ происхожденія этой формы въ связи съ бытовыми и культурными условіями народной жизни. Соображенія свои объ этомъ предметѣ я изложилъ въ книгѣ своей подъ заглавіемъ: „Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ“. По поводу этой книги въ XXIV книгѣ „Этнографическаго Обзорнія“ г. Сумцова напечаталъ „Замѣтки о малорусскихъ думахъ и духовныхъ виршахъ“. Эти „Замѣтки“, въ свою очередь, даютъ мнѣ поводъ сказать нѣсколько словъ о разныхъ методахъ изученія народныхъ малорусскихъ думъ¹⁾.

Начну съ замѣчанія г. Сумцова о томъ, будто у меня „нѣтъ научнаго изслѣдованія отдѣльныхъ думъ“ (102). Снѣю увѣритъ

¹⁾ Хотя Этнографическимъ Отдѣломъ въ принципѣ рѣшено, за недостаткомъ мѣста, не печатать возраженій на помѣщаемыя въ журналѣ статьи, однако настоящимъ „Замѣткамъ“, не въ примѣръ другимъ авторамъ, по постановленію Отдѣла, дается мѣсто въ виду того, что онѣ даютъ нѣкоторые существенныя дополненія и разъясненія по затронутому, весьма важному, вопросу. *Ред.*

моего рецензента, что въ моей книгѣ есть изслѣдованія *отдѣльных* думъ, и искать ихъ нужно въ VI главѣ, гдѣ напечатаны тринадцать думъ по рукописи начала настоящаго вѣка. Общiе вопросы, касающiеся *всѣхъ* думъ, разъяснены мною въ первыхъ пяти главахъ, спеціальныя же особенности *каждой* изъ этихъ тринадцати думъ, помѣщенныхъ въ рукописи, отнесены къ послѣдней, т. е. къ VI главѣ. Обзору этихъ особенностей я предпослалъ нѣсколько замѣчанiй, касающихся самой рукописи и правописанiя ея, для оцѣнки котораго сдѣланы историческiя справки о влiянii грамматики Ломоносова на старинное малорусское правописание въ XVIII в. при митрополитахъ Гаврилѣ Кременецкомъ и Самуилѣ Миславскомъ, а также приведены выдержки изъ старинныхъ грамматикъ конца XVIII в., предназначенныхъ для устраненiя малорусскаго выговора изъ правописанiя. Всѣ эти замѣчанiя направлены къ тому, чтобы выяснитъ внутреннюю цѣнность рукописи, положенной мною въ основу для сравнительнаго обзора вариантовъ къ думамъ. И вотъ объ этой довольно кропотливой работѣ я нахожу въ „Замѣткахъ“ такой отзывъ: „вступительныя къ думамъ замѣтки по краткости и общему характеру не имѣютъ научнаго значенiя“ (107). Такъ ли это? Мнѣ казалось, что на восьми страницахъ съ лишнимъ я съ достаточною полнотою высказалъ все необходимое, а подробности, касающiеся орфографiи рукописи вовсе не указываютъ на общiй характеръ моихъ замѣтокъ. Что касается научнаго значенiя ихъ, то неужели я долженъ разъяснять, что въ филологической наукѣ критическая оцѣнка рукописи, въ которой заключается изучаемое произведенiе, есть дѣло очень важное, безъ котораго само это произведенiе теряетъ значенiе достовернаго факта, имѣющаго право на вниманiе науки? Въ данномъ случаѣ для меня лично эта оцѣнка была безусловно необходима и обязательна, такъ какъ я имѣлъ въ виду воспользоваться старинной записью думъ для изслѣдованiя текста ихъ по разнымъ вариантамъ. Въ самомъ изслѣдованiи я старался приблизительно опредѣлитъ первооснову каждой думы, выдвигая тотъ или другой вариантъ ея, какъ наиболѣе близкiй къ первоосновѣ, которая по свойству устнаго поэтическаго творчества никогда не можетъ быть открыта въ ея неприкосновенности. Руководился я при этомъ разными соображенiями, которые сформулированы мною въ видѣ девяти положенiй, приложенныхъ въ концѣ книги. Работа эта—невидная и для зауряднаго читателя скучная, но отъ людей науки я ожидалъ нѣкотораго вниманiя къ ней. Мнѣ самому любопытно было знать, правильно ли я установилъ критическiй методъ для изученiя текста думъ, не сдѣлалъ ли я какой-нибудь по-

грѣшности въ примѣненіи этого метода. Къ сожалѣнію, въ „Замѣтках“ г. Сумцова я не нашелъ ничего, кромѣ общихъ фразъ: „Въ началѣ думъ (слѣдовало бы сказать: *каждой думы*) г. Житецкій, говоритъ онъ, помѣстилъ небольшія замѣтки, заключающія или краткій пересказъ содержанія, или краткое сравненіе вариантовъ, а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ помѣстилъ указанія на печатные варианты“ (107). Вотъ и все. Но все ли то, что должно быть?...

Затѣмъ, не совсѣмъ точно, хотя и близко къ истинѣ, г. Сумцовъ говоритъ, что основное положеніе моего сочиненія— „о вліяніи письменности на пѣснотворчество народное“ (80). Я бы сказалъ— *не одной письменности*, но и школы въ бытовыхъ ея проявленіяхъ, *не на все пѣснотворчество народное*, а на думы. Какъ бы то ни было, задавшись такою мыслью, я остановился въ первой главѣ моего сочиненія на синтаксическихъ особенностяхъ рѣчи въ думахъ, полагая не безъ основанія, что здѣсь главнымъ образомъ и нужно искать школьныхъ вліяній. Затѣмъ уже на этомъ прочномъ грунтѣ я выдвинулъ особенность повѣстическаго стиля думъ, и рѣчь веду о синонимахъ, эпитетахъ, сравненіяхъ и т. п. лишь настолько, насколько все это характеризуетъ психическое настроеніе пѣвца думъ, разумѣя подъ этимъ пѣвцомъ творческую силу народа, обнаруживающуюся въ думахъ. Разумѣется, для этого я долженъ былъ приводить отрывки изъ думъ, въ которыхъ выражаются лирическія изліянія чувствъ, то элегическое, то сатирическое настроеніе пѣвца, указывающее на тотъ методъ мысли и чувства, который вырабатывается обыкновенно подъ вліяніемъ культурной привычки къ самонаблюденію, къ анализу пережитаго и передуманнаго. Къ этимъ внутреннимъ признакамъ школьныхъ вліяній на повѣстическій стиль думъ въ концѣ главы я присоединилъ указанія на виѣшніе признаки—церковнославянскіе архаизмы, мѣсто глагольнаго сказуемаго въ предложеніи и т. п. Послѣ всего этого мнѣ страннымъ кажется заявленіе моего рецензента, что „сочиненіе мое ничего не потеряло бы, если бы первая глава совсѣмъ отсутствовала“ (80). Перелистывая снова „Замѣтки“ г. Сумцова, я случайно остановился на одной фразѣ, которая разрѣшила мое недоумѣніе. Вотъ она: „и въ предѣлахъ 38 страницъ авторъ (т. е. я) не стоитъ твердо на формальной сторонѣ думъ, и съ 25 страницы переходитъ въ сферу фактическаго содержанія“ (80). Тогда стало для меня ясно, что г. Сумцовъ неправильно понялъ вторую половину отрицаемой имъ первой главы, и притомъ не съ 25, а съ 10 страницы, откуда начинается характеристика повѣстическаго стиля думъ съ соотвѣтствующими примѣрами, каковыя онъ

принялъ за передачу фактическаго содержанія думъ. Это показалось мнѣ тѣмъ болѣе страннымъ, что ко всѣмъ главамъ своего сочиненія я приложилъ подробный конспектъ, изъ котораго видно, какъ содержаніе каждой главы, такъ и логическое соотношеніе первой главы ко всѣмъ остальнымъ. Недовольный этой главой мой рецензентъ замѣчаетъ: „Авторъ, говоритъ онъ обо мнѣ, специалистъ-филологъ, и отъ него мы могли ожидать обширнаго и цѣннаго изслѣдованія о языкѣ думъ“. При этомъ онъ указываетъ на сочиненія Миклошича, Потемни и Зимы, какъ на пособія по этому вопросу, предполагая, что они мнѣ „вполнѣ не извѣстны“ (80). Но изъ заглавія этой главы: „строй рѣчи и поэтической стили въ народныхъ малорусскихъ думахъ“, вовсе не видно, что я обѣщаль дать обширное и цѣнное изслѣдованіе о языкѣ думъ, и названными сочиненіями я не могъ воспользоваться просто потому, что это не соответствовало моей цели—указать въ строѣ рѣчи и въ поэтическомъ стилѣ малорусскихъ думъ школьныя вліянія; поэтому я сдѣлалъ только то, что казалось мнѣ необходимымъ для моей цѣли.

Но допустимъ, что я (слѣдуя указаніямъ г. Сумцова), занялся бы всестороннимъ изслѣдованіемъ языка думъ. Не знаю, что вышло бы изъ этого, но предполагаю, что вышло бы не одно, а два сочиненія. Думаю также, что обширное сочиненіе, посвященное языку думъ, было бы неудачно—можетъ быть, по слабости моихъ силъ, можетъ быть, по свойству программы, предлагаемой рецензентомъ. Онъ желалъ бы, чтобы въ языкѣ думъ я указалъ не одни только церковнославянскіе архаизмы, чтобы я сблизилъ этотъ языкъ съ языкомъ Слова о полку Игоревѣ и другихъ древнѣйшихъ памятниковъ, чтобы я сравнилъ поэтическую технику думъ (эпитеты, сравненія и пр.) съ эпическими приемами творчества другихъ славянскихъ народовъ. Могу сказать на это, что „пути эти мнѣ вѣдомы“, но и „яругы знаемы“. Ходилъ и я когда-то этими путями, сблизалъ, напр., языкъ думъ съ языкомъ Слова о полку Игоревѣ и древнѣйшихъ лѣтописей (въ лекціяхъ, читанныхъ въ Петербургскомъ университетѣ, и въ Archivъ für slavische Philologie Ягича), но никакъ не могъ провести ясныхъ геветическихъ нитей между концомъ XII и концомъ XVI вѣка. И не только я не могъ ничѣмъ заполнить этой четырехвѣковой „яруги“, но и другіе люди, болѣе меня сильные въ наукѣ, ничего не могли выдумать, кромѣ предположеній и гаданій. Я вовсе не отрицаю возможности проникнуть въ заманчивую даль докозацной старины, но для этого нужно прежде всего установить твердую почву въ самой этой старинѣ, поэтому, не

желая „странствовать по туманнымъ областямъ мечтанія“, я ограничился изслѣдованіемъ ближайшей литературной обстановки, среди которой появились думы. Утѣшая себя мыслью, что это не бесполезно и для тѣхъ ученыхъ, которые захотѣли бы пойти дальше меня въ изученіи языка думъ. Но считаю необходимымъ предупредить ихъ отъ увлеченій, приводящихъ къ сомнительнымъ выводамъ и заключеніямъ. Такъ, въ „Замѣткахъ“ своихъ, занявшись подборомъ эпитетовъ, встречающихся въ думахъ, г. Сумцовъ по поводу эпитета „желта коса“, употребляемаго въ галицкихъ пѣсняхъ для обозначенія красавицы, предпринялъ экскурсію въ Западную Европу и, опираясь на мнѣнія авторитетныхъ ученыхъ, сдѣлалъ выводъ „о родствѣ психіи малоруссовъ съ западно-европейскими народами“ (86). Оно, можетъ быть, и такъ, но при чемъ же тутъ думы, тѣмъ болѣе, что эпитетъ взятъ не изъ думъ, а изъ пѣсенъ? Впрочемъ, самъ г. Сумцовъ, по видимому, не различаетъ думъ отъ пѣсенъ. Закрываю объ этомъ изъ того, что онъ сваливаетъ въ одну кучу примѣры изъ тѣхъ и другихъ. Мало того: даже въ Галиціи онъ нашелъ думы, называя пѣсенные пересказы думъ вариантами ихъ (88), а извѣстную пѣсню о Байдѣ считаетъ тоже думой (39), не обращая никакого вниманія на то, что она не имѣетъ стихотворнаго размѣра думъ, который, какъ я объяснилъ это въ первой главѣ, составляетъ не случайную принадлежность ихъ. Обращаюсь затѣмъ къ „Замѣткамъ“ г. Сумцова по поводу виршъ, которымъ посвящены въ книгѣ моей двѣ главы—вторая и третья.

Я могъ бы безъ особеннаго труда, пользуясь разработаннымъ матеріаломъ о латинской средневѣковой повѣзи, сообщить въ своей книгѣ свѣдѣнія о тѣхъ родахъ ея, которые были созданы странствующими школьниками, такъ называемыми, вагантами и голиардами. Не составляетъ секрета въ наукѣ, что съ этими вагантами и голиардами много сходства представляютъ наши „мандрованные дяки“ и „пиво-рѣзы“, которые сочиняли и распространяли въ народѣ вирши нравоучительнаго, нравоописательнаго и историческаго содержанія. Безъ сомнѣнія, многія изъ этихъ виршъ сложились подъ западно-европейскими влияніями, которыя разными путями проникали въ Южную Русь. Любопытно было бы отмѣтить эти пути со всѣми передаточными пунктами, съ документальными слѣдами существованія этихъ пунктовъ, но это не входило въ планъ моего сочиненія, тѣмъ болѣе, что не все въ виршахъ можно объяснить теоріей заимствованія, помимо бытовыхъ условій жизни, которыя служили поводомъ къ самымъ заимствованіямъ. Не потому люди такъ

или иначе думали и чувствовали, что увлекались литературными заимствованиями, но потому заимствовали тѣ или инныя литературныя формы, что онѣ хорошо выражали ихъ мысли и чувства. Вотъ почему, мнѣ кажется, нужно искать прежде всего зарожденія ихъ мыслей и чувствъ въ реальномъ содержаніи ихъ жизни, и потомъ уже слѣдить за словесной формой ихъ выраженія въ произведеніяхъ поэзій, за историко-литературными вліяніями на эти произведенія мѣстными и иноземными. Отступленіе отъ этой послѣдовательности неминуемо влечетъ за собою сбивчивыя представленія объ отношеніи поэзій къ жизни, о самой сущности поэзій. Для выясненія мысли моея беру примѣръ у г. Сумцова, который, повидимому, не даетъ особенной цѣны бытовымъ условіямъ жизни, отъ которыхъ идетъ первый толчекъ къ созданію поэтическихъ произведеній. Онъ думаетъ, что пѣсни о волокитствѣ дьяка за женщиной могли быть заимствованы съ Запада. И я допускаю это. Онъ утверждаетъ, что типъ влюбиваго дьяка изъ народной словесности перешелъ въ сочиненія Квитки и Котляревскаго и донныя воспроизводятся малорусскими драматургами. И я не противъ этого. Но изъ всего предыдущаго онъ дѣлаетъ выводъ: „сужденіе, говоритъ онъ, о нравахъ современныхъ дьячковъ по виршамъ XVIII в. или по персонажамъ въ комедіяхъ Кропивницкаго было бы неосновательно“ (98). Этого я не понимаю. Неужели составители виршъ XVIII в. не имѣли предъ собою живыхъ современныхъ имъ дьячковъ? И развѣ Кропивницкій повторяетъ одно и то-же, изображая только ветхозавѣтныхъ дьячковъ? Зачѣмъ, наконецъ, исключать отсюда сочиненія Квитки и Котляревскаго, а также народныя пѣсни о влюбивыхъ дьячкахъ? Логически необходимо допустить, что и въ западно-европейскихъ пѣсняхъ того же рода, въ фабліо, новеллахъ и т. п.—то же невѣрное изображеніе жизни, та-же неправда? Значитъ—поэзія есть звукъ пустой, есть сказка, не имѣющая серьезнаго отношенія къ жизни. Я не думаю, чтобы съ этимъ выводомъ согласился самъ г. Сумцовъ и всѣ охотники литературныхъ сближеній, которыя имѣютъ важное значеніе только тогда, когда вводятся съ надлежащею научною осмотрительностью. Странствуютъ по лицу земному готовыя поэтическія темы, готовые типы, какъ „тучки небесныя, вѣчно холодныя, вѣчно безплодныя“. Можетъ быть, онѣ такъ и остались бы безплодными, если бы къ нимъ равнодушенъ былъ поэтъ. Но онъ сближаетъ съ ними внутрѣнный міръ свой, онъ наполняетъ ихъ жизнью души своей. Не безплодны онѣ и тогда, когда падаютъ на народную ниву, хотя, конечно, многое

зависятъ отъ свойства самой почвы. Въ одномъ мѣстѣ онѣ рождаютъ дивныя произведенія Шекспира, въ другомъ—убогія вирши пиворѣзовъ, которыя въ свою очередь вызываютъ изъ души народной болѣе глубокіе тоны, явственно звучащіе въ думахъ. Являются такимъ образомъ новыя поэтическія формы для выраженія бродячихъ темъ. И вотъ задача историка литературы заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, чтобы слѣдить за переливами жизни въ поэтическомъ творчествѣ, и если онъ ограничится общими литературными темами, не обращая вниманія на то, какъ и почему видоизмѣнялись онѣ подъ вліяніемъ жизни, то осудить самъ себя на бесплодную погоню за вѣтромъ въ полѣ, и ничего не пойметъ онъ въ народной повѣи, въ индивидуальных особенностяхъ народнаго пѣснотворчества. Особенно опасно это самоограниченіе при изученіи думъ, самой оригинальной формы народнаго малорусскаго творчества, которая, сколько мнѣ извѣстно, ни откуда не заимствована. Выходя изъ того положенія, что онѣ созданы по поводу реальныхъ явленій жизни, я различаю между этими явленіями общечеловѣческія отъ мѣстныхъ, историческихъ, и между этими послѣдними—культурно-бытовыя отъ политическихъ. Конечно, со всѣми этими явленіями въ большей или меньшей степени совпадаютъ заносныя темы, и я слѣжу за тѣмъ, какъ кристаллизируются онѣ на почвѣ мѣстной народной жизни, а чтобы не уклоняться отъ своей задачи, не вхожу въ самый генезисъ этихъ темъ. „Я не перехожу, сказано въ моей книгѣ, за черту тѣхъ данныхъ, которыя даетъ намъ ближайшая, собственно козацкая старина, предоставляя другимъ, болѣе компетентнымъ силамъ, искать въ думахъ отзвуковъ старины отдаленной“.

Теперь посмотримъ, какъ отнесся къ методу моего изслѣдованія г. Сумцовъ. Извѣстно, что оскорбленіе отца и матери считается въ народной малорусской повѣи величайшимъ преступленіемъ. Особенно высоко поставлена въ ней мать, какъ символъ всего святаго на землѣ. Безъ сомнѣнія, любовь къ матери есть мотивъ, развитый въ повѣи всѣхъ христіанскихъ народовъ, и если бы онъ встрѣчался намъ въ однихъ только малорусскихъ виршахъ, то можно было бы подумать, что это явленіе подражательное. Но онъ съ особенной настойчивостью повторяется и въ пѣсняхъ и въ думахъ. Замѣчательно при этомъ, что въ думахъ постоянно изображается страдающая мать. И это не только въ думахъ семейнаго содержанія, но и въ нѣкоторыхъ думахъ, изображающихъ боевую жизнь козаковъ. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, рѣчь идетъ обыкновенно

о *матери-вдовѣ*, которая сокрушается о своихъ дѣтяхъ, но не о *дочеряхъ*, а о *сыновьяхъ*. Очевидно, это слѣдъ той эпохи, когда „зъ день годины, какъ говорить дума, зчынались велики войны на Украинѣ“, когда женщины въ этихъ войнахъ часто теряли мужей и сыновей. Дума стоитъ на сторонѣ незащитной матери-вдовы и расточаетъ горькія укоризны непослушнымъ сыновьямъ. То-же дѣлаетъ и вирша, и духовный стихъ, называющій мать *правдою вирною*, а правду—*матерью ридною*. Слова эти, взятые изъ духовнаго стиха о правдѣ и кривдѣ, безъ сомнѣнія, отражаютъ дѣйствительность, если мы будемъ разумѣть подъ дѣйствительностью благоговѣйное уваженіе къ матери, разившееся подъ вліяніемъ историческаго момента и воспроизведенное въ повѣстической формѣ. Г. Сумцовъ находитъ, что въ вопросѣ о матери, о ея повѣстическомъ образѣ, я сошелъ „съ историко-литературной почвы на историко-бытовую безъ достаточнаго фактическаго основанія“. Пѣсни о правдѣ и кривдѣ, говоритъ онъ, имѣютъ длинную исторію; онѣ восходятъ къ древнѣйшей апокрифической литературѣ, о чемъ подробности см. въ диссертациі г. Мочульскаго о Голубиной книгѣ. О какомъ-либо отношеніи дѣтей къ отцамъ на малорусской почвѣ нельзя судить по стихотвореніямъ о правдѣ и кривдѣ“ (101). Я нахожу, что неудобно вырвать то или другое положеніе изъ цѣлаго ряда фактическихъ данныхъ, съ которыми оно связано, и заявить о недостаточности фактическихъ данныхъ, а затѣмъ сдѣлать ссылки на ученый историко-литературный аппаратъ, въ которомъ сгруппированы данныя, предшествующія по времени изучаемому матеріалу... Что же? Изъ апокрифической литературы и духовнаго стиха о Голубиной книгѣ ясиѣ сдѣлаются „отношенія дѣтей къ отцамъ на малорусской почвѣ?“ И можно ли понять безъ этой почвы то, что выросло на ней, хотя бы и подъ чужими вліяніями? И неужели историко-литературный методъ въ томъ только заключается, чтобы вдвинуть изучаемое произведевіе въ готовые рамки, о которыхъ самъ же г. Сумцовъ говоритъ, что онѣ „совершенно безплодны въ научномъ отношеніи“ (102). Далѣе, если рецензентъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что я, „недоволюсь ролью историка литературы, вторгаюсь въ исторію быта“ (104), а двумя страницами выше ставитъ мнѣ на видъ, что я допускаю „обобщенія по внѣшнимъ, случайнымъ признакамъ“ (102), при чемъ разумѣетъ онъ подъ обобщеніями то, что я „для объединенія пѣсенъ беру слишкомъ общія рамки“ (102), — то въ отвѣтъ на эти замѣчанія я долженъ сказать, что г. Сумцовъ дѣйствительно нашелъ въ построеніи моихъ мыслей то, что

есть и должно быть во всякомъ научномъ изслѣдованіи—частныя положенія и общіе выводы, но только онъ не обратилъ вниманія на то, гдѣ стоятъ первыя и гдѣ послѣдніе. Обыкновенно я иду индуктивнымъ путемъ отъ частнаго къ общему, или же отъ частей къ цѣлому, и думаю, что въ историко-литературномъ сочиненіи чисто дедуктивный путь пока еще невозможенъ или, по меньшей мѣрѣ, ненадеженъ.

Для окончательнаго выясненія недоразумѣній по поводу методовъ я остановлюсь на IV и V главахъ моего сочиненія.

Въ IV главѣ я развиваю мысль, что многія думы болѣе ранняго сложенія представляютъ дальнѣйшее развитіе пѣсенныхъ мотивовъ. Я начинаю съ указанія на бытовыя условія, которыя поддерживали въ народѣ интересъ къ содержанию пѣсенъ о плѣнницахъ, попавшихъ въ турецкую неволю, о тяжелыхъ послѣдствіяхъ разореній и погромовъ татарскихъ. Затѣмъ перехожу къ самымъ пѣснямъ о плѣнницахъ и подробно останавливаюсь на томъ типѣ плѣнницъ, которыя добровольно, отказываются отъ своего рода-племени. Сперва идутъ пѣсни, только намекающія на причину этого отказа, потомъ тѣ пѣсни, въ которыхъ причина эта выступаетъ яснѣе и отчетливѣе. Только послѣ этихъ бытовыхъ и пѣсенныхъ частныхъ я считаю возможнымъ говорить объ извѣстной думѣ про Марусю—попивну Богуславу. Есть нѣкоторые варианты пѣсенъ, въ которыхъ плѣнница тоже называется поповною изъ Богуслава, но меня не удовлетворяютъ эти внѣшнія черты сходства ея съ Марусею, воспѣтою въ думахъ. Я считаю гораздо болѣе важнымъ то обстоятельство, что въ думѣ и глубже, и шире развивается тотъ самый драматическій мотивъ, который отмѣченъ въ пѣсняхъ, а главное—дума переноситъ этотъ мотивъ съ семейной почвы на общественную. Отсюда я дѣлаю заключеніе, что дума о Марусѣ Богуславкѣ представляетъ ничто иное, какъ поэтическую композицію болѣе сложную, чѣмъ пѣсни, которыя дали матеріалъ для этой композиціи; а такъ какъ матеріалъ долженъ существовать раньше композиціи, то мнѣ кажется весьма возможнымъ, что творцы нѣкоторыхъ думъ пользовались готовымъ уже пѣсеннымъ матеріаломъ для своихъ произведеній. Такъ же точно я беру цѣлый рядъ пѣсенныхъ мотивовъ, связанныхъ со смертью козака въ степи, вдали отъ родныхъ и родины, и постепенно восхожу отъ частей къ цѣлому—сперва къ тѣмъ думамъ, которыя не выходятъ изъ сферы семейныхъ отношеній, потомъ къ думамъ о Федорѣ Безродномъ и Ивасѣ Коновченкѣ, изображающимъ болѣе сложныя отношенія козацкой жизни, гдѣ отдѣльные пѣсенные мотивы переработаны въ одно стройное цѣлое. Таковы

обобщенія, сдѣланныя мною на основаніи *документальнаго* анализа пѣсенъ и сопоставленія ихъ съ думами соотвѣтствующаго содержанія.

Г. Сумцовъ находитъ прежде всего „страннымъ“ заглавіе IV главы: „отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ“, хотя въ немъ нѣтъ ничего страннаго. Далѣе онъ говоритъ, что „однѣ лишь колядки разобраны покойнымъ Потебнѣю по мотивамъ“, и что „врядъ ли можно судить о пѣсенныхъ мотивахъ, какъ о чемъ-либо достаточно извѣстномъ и опредѣленномъ“ (105). Но вѣдь, мотивы-то, на которые указываю я въ пѣсняхъ, тѣ самыя, на которые Потебня указалъ въ колядкахъ: это—*положняк* (см. Потебня, стр. 288), *смерть молодца*, *горе матери* (*ibid* стр. 724 и слѣд.). Тѣмъ болѣе странно замѣчаніе: „мы не находимъ въ этой (IV) главѣ никакихъ мотивовъ, если понимать мотивъ такъ, какъ понималъ его Потебня“ (105). Неужели *никакихъ*, если это тѣ самыя мотивы, что и у Потебни, т. е. простѣйшіе элементы пѣсви, изъ которыхъ слагается болѣе или менѣе пѣльный поэтический образъ? Далѣе рецензентъ говоритъ, что я „ограничиваюсь пересказомъ нѣсколькихъ думъ“, и при этомъ замѣчаетъ, что для доказательства соподчиненнаго отношенія пѣсенъ и думъ (вѣроятно, пѣсенъ въ думамъ) я долженъ былъ привести выдержки изъ тѣхъ и другихъ, но „такихъ выдержекъ, продолжаетъ онъ, въ книгѣ Житцагаго *итѣ и бытъ не можетъ*, что признаетъ самъ авторъ, замѣчающій, что для этихъ думъ (о Самойлѣ Кошкѣ, объ Ив. Богуславцѣ) почти невозможно подобрать параллелей въ пѣсняхъ“ (105). Во-первыхъ, могъ ли я говорить о пѣсенныхъ мотивахъ, не приводя выдержекъ изъ пѣсенъ (см. стр. 139—144)? Во-вторыхъ, я говорю, что есть думы, къ которымъ нельзя подобрать пѣсенныхъ мотивовъ, и называю эти думы. Это мнѣніе мое г. Сумцовъ переноситъ къ думамъ, въ которыхъ я указалъ пѣсенные мотивы, и затѣмъ приписываетъ мнѣ мнѣніе, что къ думамъ нельзя указать пѣсенныхъ мотивовъ. Въ-третьихъ, выдержекъ изъ думъ, подлежащихъ сравненію съ пѣснями, по его словамъ, нѣтъ и быть не можетъ въ моей книгѣ; на самомъ же дѣлѣ ихъ очень много (см. стр. 145—150),—да и самъ г. Сумцовъ нѣсколькими строками выше заявилъ, что я ограничился пересказомъ нѣсколькихъ думъ, а же прибавлю отъ себя: пересказомъ, который сопровождается выдержками изъ думъ. Наконецъ, г. Сумцовъ удивляется, какъ можно говорить объ отраженіи пѣсенныхъ мотивовъ въ думахъ, когда пѣсенный репертуаръ малоруссовъ стараго времени совсѣмъ неизвѣстенъ (105). Послѣ этого заявленія остается допустить одно изъ двухъ,

что или пѣсни о цѣлѣницахъ, о рубаныхъ козакахъ, погибшихъ въ борьбѣ съ турками и татарами, образовались изъ думъ, или же что онѣ созданы въ наше время, послѣ того, какъ самая борьба эта сдѣлалась преданіемъ старины глубокой. Приходится припомнить то, что сказалъ Потебня въ своей книгѣ: „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ нар. пѣсень“: „Думаю, говорить Потебня, что такого рода пѣсви (о рубаныхъ козакахъ) *предполагаются* думами „о смерти трехъ братьевъ“ и „о смерти Федора Безроднаго“, которому родъ замѣняетъ джура и сѣчевое товариство“ (II, стр. 734). Въ виду всего сказаннаго не считаю возможнымъ думать, что обобщенія, сдѣланныя мною, неправильны.

Не отказывается, впрочемъ, отъ обобщеній и самъ г. Сумцовъ, хотя эти обобщенія не всегда удачны, какъ это мы отчасти видѣли, отчасти увидимъ изъ мнѣнія его о томъ, кто были творцы думъ, высказаннаго имъ по поводу V главы моего сочиненія.

Считаю необходимымъ напомнить читателю, что послѣ обзорѣнія виршевыхъ и пѣсенныхъ мотивовъ, развивающихся въ думахъ, въ V главѣ я ставлю вопросъ: кто были творцы и пѣвцы думъ? Путемъ сближенія псалмъ съ думами со стороны стихотворнаго построенія тѣхъ и другихъ я прихожу къ выводу, что стихотворная форма думъ возникла на почвѣ псалмъ виршевого происхожденія. Для меня неубѣдительнымъ кажется замѣчаніе г. Сумцова, что думы, *сколько извѣстно*, существовали уже въ концѣ XVI вѣка, а наиболѣе старинные образцы виршъ привожу я, по его мнѣнію, изъ памятниковъ половины XVII в. (92). Во первыхъ, я знаю, что это далеко неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ самъ г. Сумцовъ не такъ рѣшительно выражается объ этомъ предметѣ (см. стр. 98). Во вторыхъ, изъ какой половины XVII вѣка—первой или второй? Первая вирша, отрывокъ изъ которой приведенъ у меня, относится къ 1616 году, о чемъ и слѣдовало бы сказать рецензенту, и что прошло мимо его вниманія. Тогда стало бы ясно, что хронологическая разниа между появленіемъ думъ и виршъ, если даже допустить появленіе первой вирши въ 1616 году, не такъ велика, какъ это ему желательно. Да притомъ, говоря о школьныхъ впливіяхъ на думы, нужно имѣть въ виду, что до насъ дошли думы въ позднѣйшихъ устныхъ редакціяхъ, когда виршевая литература широко раскинулась по народнымъ школамъ. Но дѣло не въ этомъ. Въ вопросѣ о творцахъ и пѣвцахъ думъ для меня важно то обстоятельство, что они дѣйствительно могли появиться во второй половинѣ XVI вѣка. Главное доказательство заключается не

въ томъ, что въ думѣ объ Алексѣѣ Поповичѣ упоминаются лица, жившія во второй половинѣ XVI вѣка, а въ томъ, что въ это время существовала уже обстановка, имѣвшая безспорное вліяніе на творчество думъ. Характерныя особенности этой обстановки сохранили намъ письменные документы. Въ книгѣ моей отмѣченъ одинъ изъ этихъ документовъ, изъ котораго явствуетъ, что во второй половинѣ XVI вѣка существовалъ обычай устраивать при церквяхъ не только школы, но и шпитали, а къ самымъ первымъ годамъ XVII вѣка относятся документальныя указавія на шпитали „для людей рыцерскихъ отъ непріятелей въ разныхъ битвахъ покарѣченныхъ“. Матеріалъ для думъ давала самая жизнь этихъ „рыцерскихъ людей“, исполненная опасностей и приключеній, а поэтическая форма думъ вырабатывалась подъ вліяніемъ школы, которая, какъ показано во многихъ мѣстахъ моей книги, совмѣщала въ себѣ самые разнообразныя словесныя элементы думъ—книжныя и народныя. Чтобы облечь бывшее въ думу, творцы думъ отовсюду брали краски—то изъ народныхъ пѣсенъ, то изъ виршъ разнаго содержания, то изъ старинныхъ народныхъ величаній, подправленныхъ школьными кантами. Судя по преобладанію христіанской морали въ древнѣйшихъ думахъ, это были *старши*, жившіе въ шпиталяхъ, очень часто люди бывалые, „отъ непріятелей въ разныхъ баталіяхъ покарѣченные“. Но я вовсе не отрицаю, что изъ среды „шпитальныхъ старцивъ“ могли выдвинуться войсковые кобзари, которые, пользуясь выработанною формою думъ, стояли болѣе независимо, какъ отъ пѣсеннаго, такъ и отъ виршеваго матеріала, чѣмъ первоначальныя творцы думъ. Эту послѣднюю мысль я выразилъ и въ заключительныхъ строкахъ моего изслѣдованія. Тамъ сказано, что, судя по извѣстію отъ 1711 года, на Запорожьи слѣпыхъ музыкантовъ принимали въ полковую службу и выдавали имъ жалованье наравнѣ съ зрячими. Въ составъ этой полковой музыки могли попадать люди, одаренные искрой поэтическаго огня и въ то-же время совмѣщавшіе въ себѣ книжное настроеніе съ народнымъ: потому неудивительно, если тамъ-же, въ Запорожской Сѣчи, съ самаго основанія ея возникали мотивы многихъ думъ, изобиловавшіе реальнымъ содержаніемъ и, можетъ быть даже, воспроизведенныя въ поэтической формѣ думъ, которыя разносились потомъ по всей Украинѣ, получая дальнѣйшую обработку въ полународной, полукнижной средѣ, постоянно поддерживаемой шпиталями и народными школами.

Что же думаетъ объ этомъ предметѣ г. Сумцовъ? Онъ посвящаетъ V главѣ моего изслѣдованія всего нѣсколько

строжъ и, оставляя въ сторонѣ цѣлый рядъ посылокъ, предшествующихъ моему выводу, ограничивается заявленіемъ, что старцы, „какъ люди физически немощные, калѣки и престарѣлые, какъ люди „убогаго чина“, не могли создать такіа сильныя художественныя произведенія, какъ думы“ (106). Не думаю я, чтобы „убогій чинъ“ несомнѣстимъ былъ съ повѣтическимъ дарованіемъ, которое, какъ извѣстно, не гаснетъ и въ немощахъ старческаго возраста. Взаимнъ моего обобщенія г. Сумцовъ предлагаетъ свое: „Возможно, говорить онъ, что и „старцы“ были творцами думъ, но не такіе убогіе, а *предположительно* такіе, какъ богатыри великорусской быliny о сорока каликахъ съ каликою. *Можетъ быть*, дѣйствительная жизнь старой Руси давала такихъ богатырей, старцевъ-пѣснотворцевъ; это могло быть при существованіи въ древней Руси нищенскихъ товариществъ и братствъ. Изъ древнихъ лѣтописей и поученій видно, что паломники ходили толпами, что предполагаетъ прочную организацію“ (106). Въ Киевѣ ежегодно можно видѣть толпы богомольцевъ, которыхъ однако же никто не считаетъ богатырями-пѣснотворцами, составляющими „прочную организацію“. И если старцы-пѣснотворцы возможны были въ древней Руси, потому что въ ней существовали нищенскія товарищества и братства, то, конечно, они возможны были и въ южной Руси, гдѣ, какъ подробно разсказано въ моей книгѣ, шпитали входили въ составъ такъ называемыхъ „старечихъ братствъ“, гдѣ школы и шпитали были учрежденіями церковныхъ братствъ. Только эти старцы-пѣснотворцы въ южной Русѣ имѣли болѣе простой видъ, чѣмъ величавые богатыри-пѣснотворцы, похожіе на сорокъ каликъ съ каликою. По моему мнѣнію, нѣтъ надобности прибѣгать къ предположеніямъ, когда изучаемое нами явленіе объясняется наличными и вполне достоверными фактами. Сумцовъ заканчиваетъ свои догадки о творцахъ думъ слѣдующими словами: „среди такихъ старцевъ могли быть богатыри-пѣснотворцы, наслѣдники древнихъ Баяновъ, пріатели западныхъ вагантовъ и голіардовъ“ (106). Я не могу слѣдовать по этому скользкому пути въ открытіи подлинныхъ творцовъ народныхъ малорусскихъ думъ въ области широкихъ фольклорныхъ обобщеній. Что и говорить? Это сильный и плодотворный методъ, но только въ рукахъ осторожнаго и опытнаго изслѣдователя, обладающаго чувствомъ мѣры и провѣряющаго методъ сходства методомъ различія. Теперь же я ясно вижу одно, что для меня обобщеніе есть нѣчто искомое, а для моего рецензента—нѣчто готовое. Для такихъ обобщеній можно нанизать цѣлый рядъ параллелей и сближеній, висящихъ на воздухѣ, но такое

построеніе будетъ имѣть всѣ признаки эрудиціи, а не науки.

Заканчивая свои замѣтки, не могу не выразить благодарности г. Сумцову за то, что онъ далъ мнѣ поводъ къ пересмотру моихъ „мыслей“. Въ свое время я не написалъ предисловія къ нимъ, пришлось теперь написать послѣсловіе. Свожу все сказанное къ немногимъ положеніямъ. Главное, какъ извѣстно, въ наукѣ—методъ. Безъ метода нѣтъ науки. Но возможенъ въ ней не одинъ методъ. Сама наука шире методовъ. По мѣрѣ усвоенія изучаемаго матеріала она выдвигаетъ одинъ методъ за другимъ. Такъ, изученіе думъ вызвало прежде всего историческій методъ, выяснившій такія подробности въ содержаніи думъ, безъ которыхъ невозможно было бы дальнѣйшее движеніе въ наукѣ по вопросу о думахъ, о происхожденіи и особенностяхъ поэтической формы ихъ. Для дополненія историческаго метода потребовался историко-литературный методъ, который, отъ правляясь отъ болѣе или менѣе разработаннаго историческаго и вообще бытового матеріала, стремится поставить его въ связь съ мѣстными культурными явленіями школы и литературы для того, чтобы понять условія, среди которыхъ возможно было появленіе такой оригинальной формы поэзіи, какъ народныя малорусскія думы. Этого метода, по мѣрѣ силъ и умѣнья, держался я. Но само собою разумѣется, что я не считаю вопросъ о думахъ исчерпаннымъ даже въ предѣлахъ моего метода, поэтому я далъ своему сочиненію заглавіе: „Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ“. Еще болѣе далекъ я отъ убѣжденія, что къ думамъ непримѣнимъ методъ сравнительно-историческій, практикуемый въ фольклорныхъ изслѣдованіяхъ, гдѣ къ сравненію привлекаются, какъ бытовые, такъ и литературныя нормы, существующія у другихъ народовъ. Я желалъ бы только, чтобы представители этого метода изъ уваженія къ наукѣ обладали терпимостію по отношенію къ другимъ методамъ ея, которые тоже имѣютъ немаловажное значеніе.

П. Житецкій.

Нѣкоторые обычаи и вѣрованія крестьянъ Череповскаго уѣзда, Новгородской губерніи *).

Святочная бесѣда—складчина.—Въ Николо-Раменскомъ приходѣ, Горской волости, святки начинаются рано, а именно съ Николина дня, 6 декабря, и устраиваемыя въ это время большія бесѣды имѣютъ характеръ складчинъ на артельныхъ началахъ. Въ извѣстномъ селеніи парни соглашаются между собою созвать на гуляніе своихъ дѣвушекъ и изъ другихъ селеній, въ заранѣе опредѣленный день, принимая всѣ расходы, сопряженные съ этимъ, на себя. Къ этому дню нанимается просторная изба для бесѣды, приобрѣтается керосинъ или свѣчи и гостинцы для дѣвушекъ. Приглашенные дѣвушки сходятся на гуляніе, захвативъ съ собою лучшіе наряды, и устраиваются по роднымъ и знакомымъ. Съ наступленіемъ дня веселія дѣвушки ходятъ по всѣмъ домамъ съ пѣснями, показывая свои наряды, а съ наступленіемъ вечера собираются въ нанятую избу, гдѣ уже дожидаются ихъ парни съ гармониками и прочіе зрители. Заводятся пѣсни и игры; названія игръ, служащихъ препровожденіемъ времени, слѣдующія: „жениханье“, „сосѣди“, „бара“ и „царевна“. Веселятся на бесѣдѣ вплоть до утра. Каждая дѣвушка обязательно перемѣнитъ свои сарафаны нѣсколько разъ, съ цѣлью показаться зрителямъ во всѣхъ своихъ нарядахъ. Такія бесѣды въ данномъ селеніи бывають вечера по три; затѣмъ устраивають гдѣ-нибудь въ другомъ селеніи. Особеннымъ многочисломъ и порядкомъ отличаются бесѣды въ с. Николо-Раменье и къ похвалѣ парней обходятся безъ водки, а потому и нѣтъ обычныхъ бесѣдныхъ безобразій. Въ другихъ окрестныхъ приходоухъ такихъ бесѣдъ—складчинъ не устраивають **).

Приношенія желѣзомъ. Мѣстное населеніе занимается желѣзнымъ производствомъ. И вотъ, при перевозкѣ желѣза и гвоздей, въ селеніяхъ, гдѣ встрѣчаются часовни и при нихъ кружки для денегъ, крестьяне кладуть около кружекъ куски

*). См. „Этнографическое Обзоріе“ XX, 121.

**). Не есть ли это остатокъ старинной „братчины-Никольщины“? Ред.

жельза, гвозди, а иногда и цѣлые жельзные прутья. Само собою разумѣется, что эти приношенія затѣмъ продаются и составляютъ доходъ часовни.

Почитаніе пятницы.—Въ Вауцкомъ приходѣ, Горской волости, начиная съ 8-й пятницы по Пасхѣ и до самаго Ильина дня (20 июля), населеніе по пятницамъ не прикасается ни къ какой работѣ, даже въ горячее время сѣнокоса; на нарушившихъ этотъ обычай налагается штрафъ 3 рубля, которые прилагаются къ мірскимъ суммамъ, большею частью пропиваемымъ зря. Строго придерживаясь этого обычая, въ основѣ котораго лежитъ глубокое почитаніе пророка Иліи и пятницы Ильинской, эти селенія, по словамъ Ваучанъ, яко-бы менѣе страдаютъ отъ градобитія, урожай лучше, уборка сѣна и хлѣбовъ совершается безъ помѣхи со стороны погоды, что рѣже бываетъ въ другихъ приходахъ, не придерживающихся этого обычая. (Отъ к-ва д. Средн. Двора, Алексѣя Буренина).

Армизонскія неразмѣнныя деньги.—Далеко за морями живетъ народъ *Армизоны* (фармазоны — франкъ-массоны?). Народъ этотъ обладаетъ неразмѣнными деньгами, которыя, попадая въ другія страны, слывуть подъ именемъ „армизонскихъ рублей“. Завѣтная мечта простаго человѣка достать этихъ денегъ, такъ какъ, имѣя такой рубль, можно жить припѣваючи; послѣ каждой покупки рубль воротится въ карманъ прежняго владѣльца. Онъ теряетъ способность возвращаться лишь въ такой лавкѣ, гдѣ на порогѣ прибита лошадиная подкова, которую торговцы прибаваютъ для успѣшной торговли и большаго привлеченія покупателей.

Почитаніе роузъ, деревьевъ и камней.—Окружающая природа имѣла вообще на человѣка въ языческія времена значительное вліяніе, и міръ растительный пользовался въ то время значительнымъ почитаніемъ и обожаніемъ. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ христіанства, древнѣйшія върванія кореннымъ образомъ измѣнились, во звѣты старины, передаваемые изъ рода въ родъ, всетаки дошли до нашего времени въ видѣ смутныхъ суевѣрій или въ формѣ однихъ обрядовъ, безъ пониманія сущности ихъ, такъ какъ причины возникновенія того или другаго обряда затерялись въ рядѣ поколѣній, и самъ народъ продѣлываетъ всё это теперь безсознательно, въ силу преданія и привычки, обязательно приурочивая исполненіе этихъ обрядовъ къ христіанству. Подтверженіемъ этому служитъ между прочимъ сохранившееся до сего времени въ разныхъ мѣстахъ Россіи явное религіозное почитаніе различныхъ предметовъ окружающей природы, напр. деревьевъ и цѣлыхъ

рощъ, камней, источниковъ и т. д. По этому вопросу мнѣ пришлось обратить вниманіе въ южной части Череповецкаго уѣзда, Новгородской губ, на обиліе рощъ, тщательно охраняемыхъ. Такія рощи состоятъ большею частью изъ сосновыхъ большихъ деревьевъ величественнаго вида и служатъ въ настоящее время даже нѣкоторымъ украшеніемъ мѣстности; при многихъ изъ нихъ выстроены часовни. Существуютъ такія рощи въ Уломской, Дмитріевской и Горской волостяхъ и въ слѣдующихъ селеніяхъ: *Елешовъ* (часовня, а въ дуплѣ одного дерева рощи находится явленный крестъ), *Стировъ*, (часовня), *Степановъ* (часовня), *Кокоревъ*, *Кондаитъ* (часовня), *Бору* (часовня), *Острову*, *Завражъ*, *Карповъ*, *Заднія Чуди* (часовня), *Яеницъ* (часовня), *Язницъ* (часовня), *Большомъ Дворѣ* (часовня), *Глинскомъ Мышкинѣ* (часовня). Признаками почитанія этихъ рощъ служатъ: во 1-хъ, ихъ неприкосновенность, т. е. онѣ по общему согласію общества „заповѣданы“ подобно священнымъ рошамъ древнихъ народовъ; во 2-хъ, около многихъ рощъ, какъ я сказалъ, выстроены въ новѣйшее время часовни, причемъ не нужно думать, что рощи насажены послѣ устройства селенія и получили свою святость отъ часовни, такъ какъ эти рощи состоятъ изъ вѣковыхъ великановъ, въ сравненіи съ которыми настоящіе лѣса кажутся молодыми; въ 3-хъ, существуетъ много разсказовъ о томъ, что кто покушался срубить хоть одно дерево изъ этихъ рощъ, то съ нимъ вскорѣ же случилось какое-нибудь несчастье: либо ослѣпнеть, либо захвораетъ и умретъ; въ 4-хъ, молодежь, изъ уваженія къ этимъ рошамъ, никогда не собирается подъ ними веселиться и водить хороводы въ весеннее время.

Почитаніе же отдѣльныхъ деревьевъ выражается въ болѣе слабой степени. Такъ, напр.: вѣшаютъ на деревья тряпочки или полотенца съ нашитыми на нихъ черными или красными крестиками, которые были передъ тѣмъ прибиты къ наружной стѣнѣ дома въ теченіе шести недѣль, на основаніи повѣрья, что душа умершаго въ продолженіе 40 дней прилетаетъ въ свое бывшее жилище, умывается водой и утирается вывѣшеннымъ полотевцемъ. Такое дерево изъ породы можжевельника рѣдкихъ размѣровъ находится, напр., въ д. *Яеницъ*; оно все увѣшано полотенцами. Другіе, по истеченіи указаннаго срока, вывѣшиваютъ эти тряпочки на придорожные кресты. Далѣе, дѣвушки въ день весенняго Егорія привязываютъ красные лоскуты на березы, ввѣряя имъ свою судьбу и загадывая о своей будущей долѣ, а въ Троицынъ день пускаютъ эти лоскутки на воду.

Извѣстенъ обычай протаскивать больныхъ сквозь души-

стыя деревья; хотя здѣсь онъ не сохранился, но зато наблюдается такой способъ лѣченія больныхъ дѣтей: именно, ихъ протаскиваютъ между ступенями сквозной лѣстницы (д. Боръ, Уломской вол.). Далѣе, цѣлебная сила придается дереву еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. при боли въ поясницѣ: чтобы получить облегченіе, больной долженъ потереться обнаженной спиной о деревянныя подпорки, стоящія около заборовъ, или же о среднюю стѣнку овина (д. Клопузово, Улом. вол.). Маленькихъ дѣтей при безсонницѣ стучаютъ пятками о стѣнку въ нежилой хороминѣ (с. Морозкое, Морозкой вол.). Хотя въ этихъ случаяхъ играетъ роль не стоящее на корню дерево, а только сооруженія изъ него, но вѣра въ какую то силу, происходящую именно отъ дерева, ясно выражается въ выше приведенныхъ фактахъ.

Почитаніе камней и вѣра въ ихъ чудодѣйственную силу наблюдается въ одномъ извѣстномъ мнѣ случаѣ, а именно: при болѣзни „озыкъ“, происходящей отъ „дурного глаза“ (признаки: недомоганіе и легкое лихорадочное состояніе), собираютъ въ полѣ „камешки-брякунки“ изъ мелкихъ валуновъ, которые обмываютъ въ какой-нибудь посудинѣ водой и этою водою окачиваютъ больного съ произнесеніемъ молитвъ (д. Коротнево, Петриневской волости).

Сообщилъ *М. К. Герасимовъ.*

Украинскія легенды и вѣрованія, связанныя съ именами нѣкоторыхъ святыхъ.

1) *Порокъ Илья* (20 іюля). Усякъ зъ ёго сміявся: „ще й Илья чоловікъ! винъ туман! винъ не зна який и день!“ Винъ бувъ плохенький, нікому нічого—„смійся, Богъ зъ тобою“. Ставъ Богу молытвѣ, ставъ писныкати, у пятницю и середу разъ у день йивъ якъ сонце зайде. А Господь ангола сославъ. „Илья“, каже, „Пророка, хочешь до Господа Бога“?—Хочу, та якъ то мени Господь дасть?—„Якъ хочешь, такъ тоби Богъ и дасть; ты знаешь Понедилокъ?“—А якъ-же не знаю? Мы зъ нимъ у однимъ манастыри сповидались и прычащались, и веливъ преосвященный не йисты скоромного.....“ Господь ёго, якъ винъ заболывъ, узавъ на небеса; якъ узавъ на небеса, откывъ, щобъ бувъ винъ святымъ: „Ты, святой Илья, будь святымъ и Пророкомъ; хто тоби буде молытвѣ, твою молытву почитаты, —насыты святою пыцею“. Илья Пророкъ завидуе отце що хлѣбъ родыть: чоловікъ розвіе тай пойде, а винъ по своему наглядает; якъ чоловікъ Бога моле та ёго, Илью, просе, той..... Инчий каже: „хиба Илья Пророкъ Богъ!“ Наблюда отъ Господа Бога, Господь нимъ замышля (посыла): „оттакъ и такъ“, и святой Понедилокъ (вмѣствъ съ Ильей) *).

Илья завѣдуеть громомъ. „Бабусю, для чого-жь воно гремыть?“—Для чого гремыть?..... та для того гремыть..... цѣго лита семнацять чоловікъ убывъ, кажуть. И цимъ завидуе Илья Пророка. Кажуть, що то душа свята (убита громомъ)—Богъ ёго знае, мы до того не доходимо. У насъ священыкъ бувъ, а ще дивчыною була, тай каже було: „якъ бы мене громъ убывъ, а моя попада изъ родивъ умерла, то мы-бъ просватылись бы у двохъ съ попадьєю“. А ёму Илья Пророка прыснывся—заснувъ (батюшка), якъ отци речи проговорывъ:—, не буде, батюшко, того, щобъ тебе громъ убывъ,—ты не почитаешь святого Илью Пророка; умрешь

*) См. „Антропоморфическія представленія“ Этногр. Обзор. II, V, 161 стр. М. В.

ты изъ води!“ Винъ (батюшка) якъ уставъ: „матушко, що мени снилося!“—„Я-ж тоби скильки разивъ казала, щобъ ты ты не пывъ водки, а ты не слухаешь!“ Запывъ; одно йде, одно йде та пье водку,— якъ схилывся на стули, такъ и заснувъ (умеръ). У йихъ хрестьяне булы—за попадеу взявъ — и дочки тры; що вони йимъ не робылы (крестьянамъ)— и боси, и голи, и голодни ходылы. Винъ якъ умеръ, попада одну дочку отдала, хто его знае куды и завизъ; другу за обѣизжачого—такъ мучывъ, такъ мучывъ помы не пови-сылась у лиси (Эти факты, очевидно, признаются какъ наказаніе за грѣхи батюшки).

За работу въ день Ильи можетъ послѣдовать наказаніе, напримѣръ: „теля здохне“.

Пожаръ, происшедшій отъ громоваго удара, тушить не слѣдуетъ. „Тушить нельзя—дуже буде горить и не затушышь. Стижокъ у сусида бувъ неукрытый, дощъ пишовъ. „Цей Илья хочъ колы наробе гнилла!“ (говорить сосѣдъ)— и давай прикрывать; якъ кынувъ перво на стигъ, якъ ударывъ громъ, а стижокъ якъ свичка горыть. А воно сзадѣ иде чоловикъ, спереду (у него одежда) якъ рызы: „добрый чоловиче, не тушы, не тревожь, згорыть той стигъ, що ты прытрусывъ, тай потухне“ .. Богъ мылувавъ (остальное уцѣлѣло).

Нечистая сила прячется въ грозу въ трубы. „Винъ туды ховаетьця, якъ верхъ незакрытый, лукавый ховаетьця“.

Якъ наоде гроза, треба чытать: „вы анголы святи, и ты, Илья Пророка, и Богъ—Салавохъ, исполнь небо и земли, и ты, Святый Боже, Святый крипкый, помылуй насъ гришныхъ“, а то винъ (лукавый) пидходе пидъ чоловика.

Писля Ильи нельзя купатьця—буде голова болить — у воду намочывъ.

(См. Программу для собиранія этногр. свѣдѣній, изд. И. Об. Л. Е. А. и Этногр., подъ ред Н. А. Янчука, вопр. 757—789).

2) Святой *Власій* (11 февр.).—„Святый Власій навидуе рогатую скотыною. Нашъ пысьменный дидусъ було зъ вечера приказуе: дывитися, молодыци, щобъ завтра прынеслы раныню водыци зъ крыныци, налыйте у пляшку або що тамъ, поставте на покути, пидъ святымъ, та вкыньте страстовой свичкы; нехай стойть до трохъ день, помы святый Власій не наляне; на трети суткы винъ йийи освятить и окропыть. „Якы выстойить (вода) трое сутокъ, увильють у колодези, скотыну по хливамъ кропчатъ. И це бабуся було: „молодыци, внесить жменьку прядыва“; визьме тры мычечки змыче; визьме и положе на покути; Богъ йийи святый

знае, де вона йихъ дине. Я було пытаю: „бабусю, для чого воно?“—„Корову пидкуруть, темя, що прыкынется“ (См. Программу, 578—586 вопр.).

3) Святой *Евстафій* (28 іюля).—Неизвѣстно, чему покровительствуетъ. „Его тинь лежить (въ Бѣлгородѣ), а самъ пишовъ у Кийивъ для того, що всявий (безъ разбору) прикладуався; мылувавъ и слипого и кривога; у стари годы Святый Господь и Петро ходылы та визнавалы людей; теперь не будутъ ходыть черезъ одну водку, та погани слова; и чоловикови слухаты не хочетьця, черезъ одну лайку Святый не пидступе“. (См. Progr., вопр. 798).

4) *Иванъ Воинъ* (30 іюля).—Разсказчица смѣшиваесть Ивана Воина съ Иваномъ Головосикою (Крестителемъ, 29 авг.)—На Сухого Ивана маты въ праздныкъ стала крышыть капусту; дытына плаче—дытыняче дило: „уже ты мени ввирывся!“ Махнула рукою. тай зняла голову; сцепила руки, сплеснула руками тай окаменила; Господь авгола зиславъ—взялы на небо“. Въ этотъ праздникъ „нельзя крышыть капусту—звечера накрышы и звары“. (См. Программу, 799—805 и 843—849 вопр.).

5) Св. *Антоньда*.—„Росу св. Антону дае; хто йийи почитае, молебны служе, тому вона дае хорошу росу; якъ ранокъ холодный, або теплый—св. Антону да тымъ! завидуе“.

6) Баба було кажуть: „учынить, молодыци, пшеничнои муки; завтра *хрестъ пекты*“. Спечуть обмотають платочкомъ, тай устромять у пшеницю, у бочку, и стойить тамъ, помы сять; тоди хрестъ берутъ на поле, розсіють пшеницю, поламають, йидать. Була пшениця!... теперь такой не бува!... (См. Progr., 1007 вопр.).

(Записано отъ старухи Соточки въ с. Шебекинѣ, Бѣлгородскаго у., Курской губ., въ 1892 г.).

Сообщилъ *М. К. Васильевъ*.

Михаилъ Петровичъ Дрогомановъ.

(Некрологъ) *).

Родился въ сентябрѣ 1841 года въ г. Гадячѣ Полтавской губ. Дворянскій родъ Драгомановыхъ происходитъ отъ украинской козацкой старшины, и обиходнымъ, разговорнымъ языкомъ въ семействѣ отца Михаила Петровича былъ малорусскій, но по своимъ идеямъ Драгомановы были общеруссами; отецъ, воспитавшійся въ Петербургѣ, принималъ участіе въ русской литературѣ. Михаилъ Петровичъ выросъ подъ глубокимъ, неотразимымъ влияніемъ своего отца и, можно сказать, съ пеленокъ усвоилъ себѣ свою любимую мысль о важномъ значеніи общерусской литературы и культуры для малорусскаго общества; а дальнѣйшія обстоятельства слагались такъ, что все болѣе и болѣе отнимали его отъ малорусской почвы и переносили на общерусскую. Въ 1849—1853 гг. Драгомановъ учился въ Гадячскомъ уѣздномъ училищѣ, оставаясь подъ продолжающимся влияніемъ отца. Тогда же мальчикъ обнаружилъ большую склонность къ историческому чтенію. Въ 1853—1859 гг. онъ учился въ Полтавской гимназіи. Въ 1859 году Драгомановъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Кіевского у—та, во время попечительства Пирогова. По окончаніи университета, въ 1864 г. онъ защитилъ диссертацию *pro venia legendi*: «Императоръ Тиберій» (напеч. въ «Унив. Изв». 1864 г.) и въ 1865 г. сталъ штатнымъ приватъ-доцентомъ, но затруднительныя матеріальныя обстоятельства (воспитаніе семьи и сестры, теперь извѣстной малорусской писательницы «Олены Пчілки») были причиной того, что только въ 1869 г. онъ написалъ и защитилъ свою магистерскую диссертацию: «Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи и Тацитъ» (Кіевъ 1870 г.). Между тѣмъ различныя педагогическія соображенія успѣли привести его къ мысли о необходимости малорусскаго языка въ начальныхъ школахъ, а занятія малорусской этнографіей имѣли слѣдствіемъ увлеченіе Драгоманова малорусской народною словесностью. По его собственнымъ словамъ, «студіи надъ богатой и прекрасной народною словесностью, а особенно надъ политическими (т. е. историческими) пѣснями, которыя показываютъ поэтическую исторію украинскаго народа, рассказанную имъ самимъ, заставили его вѣрно полюбить этотъ народъ и пережить всѣми силами души всѣ частности малорусскаго дѣла въ Россіи и Австро-Венгріи». Въ 1870 г. Драгомановъ былъ командированъ за границу, гдѣ и пробылъ до 1873 г. Въ Берлинѣ онъ усердно слушалъ Моммсена и готовилъ свои статьи о теократіи, напечатанныя потомъ въ «Знаніи» и «Отечественныхъ Запискахъ», но не менѣе усердно интересо-

* Сж. «Этногр. Обзор.» XXV.

вался общественными западными теченіями начала 70 годовъ. Тоже было съ нимъ и въ другихъ городахъ Европы (срв. его гейдельбергскую статью: «Восточная политика Германіи и обрусеніе» въ «Вѣстникѣ Европы» 1872 г., февр.—май). Въ Вѣнѣ (а въ 1873 г. и во Львовѣ) Драгомановъ хорошо познакомился съ малорусскими галичанами, убѣдился въ крайнемъ невѣжествѣ и отсталости галицко-русской интеллигенціи («Русскіе въ Галиціи», В. Е. 1873 г., янв. февр., «Литературное движеніе въ Галиціи» В. Е. 1873., авг.—сент.), чрезвычайно увлекся галицкимъ вопросомъ (въ Кіевѣ его потомъ прозвали «Михаилъ Галицкій») и сталъ писать для галичанъ рядъ статей на ту тему, которой ужъ до конца жизни не измѣнялъ: «Интеллигентнымъ галичанамъ, да и вообще малороссамъ, слѣдуетъ въ письменности и общественной жизни держаться языка непременно народнаго, т. е. малорусскаго, однако по идеямъ слѣдуетъ примкнуть къ общерусской литературѣ и изучать эту литературу какъ можно тщательнѣе». За эту мысль малороссы извѣстнаго отгѣнка и тогда, въ 70-хъ годахъ, и всегда въ послѣдствіи называли Драгоманова «москалефиломъ» и «обрусителемъ». За статью «Il movimento letterario ruteno (т. е. малорусское) in Russia e Galizia» («Rivista Europea» 1873 г., № 1—2) польскіе журналы стали называть Драгоманова «московскимъ агентомъ». Не лучше отнеслась къ нему и извѣстная часть великоруссовъ: въ Цюрихѣ въ 1873 году Драгомановъ познакомился съ русскими революціонерами-соціалистами, и за свои яркія малорусскія убѣжденія онъ былъ признанъ ими за человѣка отсталаго и узкаго націоналиста... Возвратившись въ 1873 г. въ Кіевъ, Драгомановъ сталъ въ малорусскомъ обществѣ проводить мысль о «европеизмѣ» и о «такомъ социализмѣ и космополитизмѣ, которые не отвергаютъ частныхъ національныхъ варіацій общихъ идей и формъ». Послѣднюю мысль (о космополитизмѣ на національной малорусской почвѣ) онъ проводилъ и въ ун—тскихъ лекціяхъ. Это, впрочемъ, не значило, что онъ намѣренъ направлять студентовъ къ политической дѣятельности: напротивъ,—по его мнѣнію, много разъ высказанному, «студентъ долженъ учиться, учиться и учиться, а не принимать несвоевременнаго участія въ политикѣ; политикомъ можетъ быть только человѣкъ въполнѣ образованный и подготовленный». Вступительная лекція: «Положеніе и задачи науки древней исторіи», напечатана въ «Ж. М. Н. Пр.» 1873, ч. СLXXV. Въ открывшемся около того времени кіевскомъ «Юго-Западномъ Отдѣлѣ Имп. Р. Геогр. Общества» Драгомановъ принималъ живое участіе, причѣмъ требовалъ для этнографическихъ этюдовъ метода сравнительнаго. Сравнительнымъ методомъ онъ былъ заинтересованъ еще въ 1869 г. («Новый взглядъ на великорусскій богатырскій эпос, Влад. Стасова», львовск. «Правда» № 25—31); однако въ Кіевѣ не только Стасовскую теорію, но и вообще сравнительный методъ въ этнографіи находили «плаваніемъ по океану безбрежному». Къ этому времени относятся труды Драгоманова: «Отголосокъ рыцарской поэзіи въ русскихъ народныхъ пѣс-

нихъ» (Записки Ю.-Э. Отд. И. Р. Г. О., т. II, Киевъ 1874); здѣсь показано, какъ западныя пѣсенныя темы, переходя на Русь, получаютъ наслоенія тѣхъ странъ, черезъ которыя онѣ проходили; «Пѣсни и сказанія о кровосмѣненіи»,—резюме этого труда читано на Киевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ 1874 г., а цѣлое изслѣдованіе напечатано было уже въ 1891 г. въ V и VI тт. «Сборника за народни умотворенія», подъ загл.: «Славянскитѣ прѣправки на Едиповата исторія» (въ 1892 г. Грабовскій въ «Wisle» помѣстилъ какъ бы самостоятельную статью «Podania o związkach między najbliższym rodzeństwem», гдѣ воспользовался всѣми матеріалами, собранными Драгомановымъ, и только въ мелочахъ сдѣлалъ ему нѣкоторыя возраженія); «Въ вопросу о слѣдахъ великорусскаго богатырскаго эпоса въ Малороссіи», письмо къ Ор. Миллеру (Древн. и Нов. Россія, 1875, № 9); археологическая статья: «Палатинскій холмъ въ Римѣ по раскопкамъ» (Ж. М. Н. Пр. 1874, ч. CLXXIX, стр. 221—259). Пока эти труды появлялись въ печати, готовилось капитальнѣйшее сочиненіе: «Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова». Томъ I, вышедшій въ Киевѣ въ 1874 г., содержитъ пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго и пѣсни вѣка козацкаго о борьбѣ съ татарами и турками; II томъ (Киевъ 1875) — пѣсни о борьбѣ съ поляками при Богданѣ Хмельницкомъ.—Увлеченный историческими и этнографическими работами, Драгомановъ сперва сторонился отъ всякой политики и публицистики, затѣмъ однако вступилъ въ полемику съ «Кіевляниномъ» Шульгина и помѣстилъ въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» и «Вѣстникѣ Европы» рядъ статей въ защиту малорусскихъ стремленій (особый этнографическій интересъ представляетъ статья: «Новокаельское и Провансальское движеніе во Франціи.» В. Е. 1875 авг.—сент.) Лѣтомъ 1875 года Драгомановъ совершилъ путешествіе по Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси; описаніе путешествія см. «Австро-руки спомини» въ «Народі» 1892 г. Въ 1876 г. Драгомановъ окончилъ въ Киевѣ печатаніе «Малорусскихъ народныхъ преданій и разказовъ» и «Повістей Осипа Федьковича, с переднім словомъ про галицкые письменство.» Осенью того же года онъ выѣхалъ изъ Россіи и больше уже не возвращался. Сперва онъ поселился въ Вѣнѣ, ватѣмъ вскорѣ переехалъ въ Женеву и здѣсь прожилъ до 1889 года, когда болгарское правительство пригласило его занять кафедру всеобщей исторіи въ Софійскомъ университетѣ (читать на русскомъ языкѣ); тамъ онъ и прожилъ до смерти.

За границей Драгомановъ написалъ множество книгъ и статей, перечисленіе которыхъ заняло бы нѣсколько десятковъ страницъ: перечень, изданный М. Павликомъ, содержитъ въ себѣ 34 стр. мелкой печати и притомъ далеко и далеко не полонъ. Одни изъ его сочиненій и изданій носятъ характеръ политической и публицистической. Замѣтить нужно, что Драгомановъ положилъ себѣ за правило ни въ какихъ политическихъ заговорахъ не участвовать и ограничиваясь исключительно литературною дѣятельностью Онъ былъ горячимъ вра-

гомъ терроризма: по идеаламъ онъ былъ врагомъ всякаго узкаго доктринерства, былъ антимарксистомъ, терпѣть не могъ напрасныхъ, теоретическихъ споровъ о максимальныхъ программахъ, «завтрашнихъ дней революціи» и т. д.; газетной полемики онъ избѣгалъ, и хотя ему иногда и приходилось выступать съ полемикой въ печати, но, по его сознанию, «послѣ всякой полемической статьи онъ себя чувствовалъ дня два очень плохо» (здоровье его было вообще хлкое). Словомъ, ученый былъ въ немъ несравненно сильнѣе, чѣмъ политикъ. Его статьи о націонализмѣ имѣютъ тѣсное отношеніе къ этнографіи, и потому приходится о нихъ сказать нѣсколько подробнѣе. Драгомановъ горячовозставалъ противъ обязательнаго преклоненія предъ національными чертами, возставалъ, по его выраженію, «противъ гудъта національныхъ святынь»: по его убѣжденію, только тѣ національныя отличія заслуживаютъ почтенія, которыя разумны и симпатичны. Абсолютныхъ национальныхъ характеровъ и абсолютнаго «національнаго духа» онъ не признавалъ и доказывалъ, что съ измѣненіемъ историческихъ условій жизни мѣняется характеръ и духъ народа; народную словесность каждаго народа онъ признавалъ интернаціональной; насчетъ болѣе мелкихъ «національныхъ святынь», напр., костюмовъ— онъ доказывалъ, что и они безпрестанно заимствуются однимъ народомъ у другого и менѣе всего имѣютъ резона попасть въ число національныхъ святынь. Наиболѣе существенный признакъ національности, языкъ, Драгомановъ уважалъ, но опять таки не какъ святыню, а какъ орудіе мысли; «языкъ же интеллигенціи», повторялъ онъ всегда и много разъ, «долженъ быть всегда и обязательно тотъ же, что и у простаго народа, иначе немыслимъ эндосмосъ и экзосмосъ». Хотя такимъ образомъ Драгомановъ высоко подымалъ значеніе малорусскаго языка и всей своей дѣятельностью показалъ себя, какъ истаго малоросса, но одна часть малорусской интеллигенціи, за непризнаніе національныхъ святынь и особенно за восхваленіе русской литературы, отказывалась даже считать его за малоросса; зато другая часть, т. н. «русько- (т. е. галицко) українська радикальна партія» (органы: «Свѣтъ», «Товаришъ», «Народъ», «Хлѣборобъ», «Житє і Слово», «Радікалъ», «Громадський Голосъ») чтитъ Драгоманова, безъ преувеличеній сказать, какъ бога.— Всѣ эти свѣдѣнія необходимо сообщить потому, что они въ значительной степени уясняютъ и научные труды и интересы Драгоманова: именно, уясняютъ выборъ Драгомановымъ тѣхъ, а не иныхъ научныхъ темъ. Вотъ болѣе важныя изъ заграничныхъ сочиненій его: 1) «La Russie d'Europe»—въ «Земля и люди» Э. Реклю 1880 г., ст. 277—918; Драгоманову здѣсь принадлежитъ почти вся статистическая, этнографическая и политическая часть, а по словамъ Реклю (стр. 919) «Драгоманова видно на каждой страницѣ».—2) «Историческая Польша и великорусская демократія», Жен. 1882 г., ст. 511.—3) «Політичні (т. е. историческія) нисні українського народу XVIII—XIX стол.»; это—прямое продолженіе «Историческихъ пѣсень малорусскаго народа»; т. I-й: «Запорожці в 1709—1739 р.»—Жен. 1883,

тс. 60+137; т. II: «Гетманщина і Слобідчина в 1709—1765 р.» — Жен. 1885, ст. 12+226 (больше не вышло).—4) «Нові українські пісьні про громадські справи (1764—1880).» — Жен. 1881, ст. 132: здѣсь, собственно, только резюме и материалы нѣсколькихъ томовъ, которые не были напечатаны.—5) «Kosaken» въ XXXIX томѣ Энциклопедіи Эрнста и Грубера, 1887, ст. 126—137.—6) «Двѣ южно-русскія интермедіи начала XVII в.» (Кіев. Стар. 1883, № 12—здѣсь сообщенъ текстъ двухъ интермедій червонорусса Гаваттовича, составленныхъ на малорусскомъ языкѣ до 1619 г.; такъ-какъ Гаваттовичъ писалъ латинскими буквами, то и для исторіи малорусскаго языка текстъ интерлюдіи является важнѣйшимъ документомъ.—7) «Старѣйшія русскія драматическія сцены» (Кіев. Старина 1885, № 11)—все о тѣхъ же интерлюдіяхъ Гаваттовича, но уже съ фольклорной стороны: обстоятельно выяснена исторія странствованія двухъ бродячихъ сюжетовъ, разработанныхъ Гаваттовичемъ въ интерлюдіяхъ.—8) Цѣлый рядъ малорусскихъ «виршей»,—помѣщены въ «Кіевской Стар.» за разные годы.—9) «Из исторіи вірші на Україні. — въ малорусскомъ сборникѣ «Ватра» 1887 г.—10) «Матеріалы для исторіи віршів українськихъ» — Життя і Слово 1894, кн. 3, кн. 4, кн. 5.—11) «Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности» — Кіев. Стар. 1882, № 11, 1883 года № 12.—12) «Малорусскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ» — Кіев. Стар. 1887 г. №№ 3—4.—13) «Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности» — Кіев. Стар. 1886 г. №№ 2—3.—14) «Шолудывый Бунякъ въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ» — Кіев. Стар. 1887 г. № 8 и № 10.—15) «Два малорусскихъ фавль и ихъ источники» — Вѣст. Евр. 1887, июль; здѣсь показано происхожденіе знаменитой малорусской вирши о Кириѣ и о жадномъ попѣ.—16) «Légendes pieuses des Bulgares» — Mélusine 1888 г., №№: 9, 10, 12,—17) «Славянски тѣ сказанія за пожертвованіе собственно дѣте» — Сборникъ за народни умотворенія 1889 г., кн. I, ст. 1—32.—18) «Славянски-тѣ сказанія за рождение-то на Константина Великий» — Сборн. за нар. умотв. 1890 г. кн. II, — 19) «Les origines bouddhistes du «Dit de l'empereur Constant» — I Congrès international des folkloristes. London 1891. — 20) «Наука теологічна в Західній Европі» — Літерат.-наукова бібліотека № 5 (Львовъ 1890) — о библейской критикѣ.—21) «Славянски-тѣ варианты на една евангелска легенда» — Сборникъ за нар. умотворенія, 1891.—22) «Забѣлѣжки врѣху славянски-тѣ религиозно-етически легенди» — Сборн. за нар. умотв. 1892 и 1893 гг.—23) «Чудацькі думки про українську національну справу» — 1-е изд. 1891 г., 2-е изд. 1892 г., ст. 294 (Львовъ); здѣсь начерчена исторія развитія национализма у разныхъ народовъ и въ частности у малороссовъ, показаны всѣ недостатки малорусскаго национализма, подробно, но очень безпощадно произведена оцѣнка дѣятельности малорусскихъ ученыхъ и въ заключеніе повторена обычная мысль о пользѣ изученія общерусской литературы и науки — 24) «Листи на надніпрянську Україну» — 2-е изд. Львовъ

1894 г., ст. 199.—25) «Старі хартіі вільности» — Житъе і Слово 1894 г. во всѣхъ книгахъ; изслѣдованіе осталось неоконченнымъ по случаю смерти автора.—Огромное множество замѣтокъ, переводовъ и рецензій Драгомановъ помѣстилъ въ (лондонскомъ) Athenaeum (между прочимъ статью о Вересаѣ: The last menestrel of Ukraina), въ Mélusine, Tradition, Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, Rivista Europea, въ разныхъ славянскихъ изданіяхъ и въ т. н. радикальныхъ малорусскихъ изданіяхъ: «Товарищ», «Народ», «Житъе і Слово» и др. Результаты этнографіи и исторіи религіи онъ часто старался и умѣлъ популяризовать; особенно извѣстны его книжки: «Оповідання про задрях богів», «Рай і поступ» и мн. др.

Среди европейскихъ ученыхъ Драгомановъ пользовался большой извѣстностью и авторитетомъ. Особенно ярко это обнаружилось въ январѣ 1895 г., когда почитатели Драгоманова во Львовѣ праздновали юбилей его тридцатилѣтней научной дѣятельности. Тогда со всѣхъ сторонъ Европы были присланы во Львовѣ горячіе и даже восторженные привѣты, напр., отъ Альфреда Рамбо, У. Морфиля, Г. Питре, Л. Леже, М. Шиффа, Гастона Пари, Анри Карнуа и др. Карнуа, редакторъ «La Tradition», привѣтствовалъ Драгоманова даже «именемъ Парижа, всей Франціи» и «восклицалъ на всю Европу» (et je salue à travers l'Europe): «Долгой жизни Драгоманову!» Пожеланіе это впрочемъ не сбылось, такъ какъ 8 июня (ст. ст.) того же 1895 г. Драгомановъ внезапно умеръ въ Софіи отъ расширенія аорты. Смерть его произвела на галичанъ (которые вѣдь обязаны ему своимъ умственнымъ развитіемъ) потрясающее впечатлѣніе. Всѣ безъ исключенія газеты и журналы, помѣстили о немъ въ высшей степени сочувственные отзывы. Скорбныя письма и телеграммы со всѣхъ концовъ Европы и изъ Малороссіи составили большой томъ въ 442 печатныхъ страницы.

О жизни и трудахъ Драгоманова см. 1) Биографическій словарь университета св. Владимира; 2) Dizzionario degli scrittori contemporanei—de Gubernatis'a; 3) Dictionnaire des ecrivains contemporains, par de Gubernatis; 4) Carnoy: Dictionnaire de folkloristes; 5) «Исторія литературы руской» проф. Омеляна Огоновскаго, послѣдн. томъ (здѣсь очень подробно изложена біографія Драгоманова и содержаніе всѣхъ его сочиненій, написанныхъ на русскомъ и малорусскомъ языкѣ, но есть множество ошибокъ и невольныхъ искаженій); 6) «Михайло Петрович Драгоманов, 1841—1895, його юбилей, смерть, автобіографія і спис творів, с портретомъ небіжчина, зладив і видав М. Павлик», Львовъ 1896 года; 7) «Житъєпись Драгоманова», помѣщенная Иваномъ Франко въ его журналѣ «Житъе і Слово» 1894 г., кн. I; 8) важное значеніе имѣютъ «Австро-руські спомини» самого Драгоманова, помѣщенные въ «Літературно-науковій Бібліотеці» 1889—1892 гг. и въ «Народі» 1892 г.

А. Крымскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Іоганнъ Гаури. Исламъ въ его вліяніи на жизнь его послѣдователей. Сочиненіе, удостоенное преміи Гаагскаго общества распространенія христіанства. Переводъ съ нѣмецкаго П. И. Хомутова. Ташкентъ. 1893, стр. XII + 577. (Изд. на средства Туркестанскаго генераль-губернатора).

Судьба востоковѣднія въ Россіи печальна. Не только обыкновенная публика, но даже ученые, кромѣ самихъ специалистовъ-ориенталистовъ, совершенно игнорируютъ востокъ. Намъ ужъ приходилось на страницахъ «Этнографическаго Обзорнія» отмѣчать нѣсколько «монстровъ» въ области російской ориенталистики, напр., недавно, въ кн. XXIV, стр. 136 — 137, а съ того времени прибавилось еще нѣсколько фактовъ, которые можно занести въ нашу скорбную лѣтопись. Года два тому назадъ для одного предпринятаго въ Москвѣ изданія была составлена статья о Мохаммедѣ; авторъ статьи не внесъ въ нее ничего новаго и своего, онъ изложилъ только тѣ данныя, которыя давно ужъ приняты западной наукой какъ непреложныя истины, и тѣмъ же не менѣе онъ встрѣтилъ рѣшительный отпоръ со стороны нѣкоторыхъ членовъ комиссіи, завѣдующей изданіемъ: переубѣдить ихъ удалось только тогда, когда авторъ статьи воочію показалъ имъ западные школьные учебники, да извѣстную «Исторію Ислама» Мюллера (тогда еще не переведенную на русскій языкъ), какъ послѣднее слово науки. Когда наконецъ составъ книги былъ готовъ и о ней была дана въ официальномъ изданіи рецензія, то съ упомянутой статьей о Мохаммедѣ повторилась та же исторія, что и при ея составленіи: рецензентъ усмотрѣлъ въ ней нѣчто новое, неслыханное, или—выражаясь его словами—«какъ бы излишнюю самонадѣянность и стремленіе къ самобытности»¹⁾, а посему посовѣтовалъ обратиться къ наднакъ вышедшему труду Мюллера (очевидно, даже не позаботившись прочесть сперва этотъ трудъ!). Послѣ подобнаго казуса мы уже спокойно, или не особенно возмущаясь, отнесемъ къ нѣкоторымъ другимъ, напр., къ помѣщенію въ «Вопросахъ Психологіи и Философіи» архивевѣжественной компіляціи г. Уманца объ арабской философіи, къ открытію «Настольнымъ Энциклопедическимъ

¹⁾ Интересно продолженіе фразы:... „самонадѣянность и стремленіе къ самобытности, простирающіяся даже до того, что онъ даетъ собственные переводы съ персидскаго и арабскаго“. Положительно, рецензентъ относится съ неодобреніемъ къ званію восточныхъ языковъ!

Словаремъ» (Московскимъ) оставшагося въ живыхъ сына у пророка Мохаммеда (по Словарю оказывается, что этотъ сынъ Касимъ дожилъ даже, надо полагать *incognito*, до временъ халифа Моави), или, наконецъ, къ появленію элабората пастора Гаури въ русскомъ переводѣ.

Появленіе этого перевода безспорно принадлежитъ къ числу печальныхъ явленій. Конечно, нѣтъ худа безъ добра: Гаури все же человѣкъ западный; многое изъ того, что русскимъ ученымъ представляется «какъ бы излишней самонадѣянностью и стремленіемъ къ самобытности», онъ усвоилъ еще на школьной скамьѣ, изъ учебниковъ; кое-что полезное онъ долженъ былъ узнать изъ Кремера, Дози и вообще любого изъ тѣхъ авторовъ, чьими трудами онъ пользовался; съ этой точки зрѣнія можно бы считать русскій переводъ его книги не безполезнымъ. Къ сожалѣнію, дурныхъ сторонъ въ его сочиненіи гораздо больше, чѣмъ хорошихъ. Мы положительно не понимаемъ, какія причины заставили г. Хомутова взяться за переводъ книги, составленной, во 1-хъ, чуть ли не двадцать лѣтъ тому назадъ, во 2-хъ—пасторомъ, который, въ силу своего духовнаго сана, *обязанъ* имѣть извѣстныя, опредѣленныя убѣжденія и не смѣетъ выйти изъ ихъ рамки, и въ 3-хъ—не ориенталистомъ и человѣкомъ не компетентнымъ. Золотая медаль, выданная пастору Гаури «Гаагскимъ обществомъ для защиты христіанства»¹⁾, можетъ свидѣтельствовать о научныхъ достоинствахъ труда Гаури такъ же мало, какъ мало свидѣтельствуемъ объ этомъ Кюненовское участіе въ жюри; проф. Кюненъ можетъ быть прекраснымъ библейскимъ экзегетикомъ, но это не обязываетъ его къ прерасному знанію ислама.

Главная ошибка Гаури, повліявшая на всѣ его сужденія объ исламѣ, и проявляющаяся съ первой же главы («Пророкъ арабовъ») — заключается въ томъ, что онъ не умѣетъ различать собственно мохаммеданской основы отъ тѣхъ наслоеній, которыя наложены были персами. Персы, благодаря «преданіямъ» (хедисамъ), совершенно переработали Мохаммедово ученіе, а вліятельная суфійская доктрина, титулюющая себя мохаммеданской, не имѣетъ въ сущности ничего общаго съ исламомъ (см. мой «Очеркъ развитія суфизма», М. 1895, отд. изъ «Труд. Моск. Арх. Общ.»). Исламъ — это просто ярлыкъ для множества идей, взаимно несовмѣстимыхъ. Гаури ничего этого не разбираетъ. (нѣ не знаетъ также, что Коранъ казуистически толкуется на тысячи различныхъ ладовъ (блестящіе примѣры см. въ «Etudes orientales. Le droit musulman» Нофаля), а не зная этого, Гаури безпрестанно попадаетъ въ просакъ: иногда онъ порицаетъ Мохаммеда за тѣ тенденціи, какихъ тотъ никогда не проповѣдывалъ и на какія, навѣрное, самъ дунулъ бы и плюнулъ; иногда же Гаури восхваляетъ Пророка за тѣ установленія, которыхъ Мохаммедъ и не думалъ создавать и которыя были созданы хедисами; Коранъ и современный

¹⁾ Haager Gesellschaft zur Vertheidigung der Christlichen Religion. Г. Хомутовъ переводитъ Vertheidigung: „распространеніе“.

исламъ, со стороны религіозной, соціальной и политической, это — одно и то же въ глазахъ Гаури (стр. 3). Кромѣ этой главной, капитальной ошибки, Гаури допускаетъ множество частныхъ, обусловленныхъ его малымъ знакомствомъ съ востокովѣдѣшемъ вообще и съ исламомъ въ частности. Выхватить наудачу нѣсколько мѣстъ изъ разбираемой 1-й главы его книги. Гаури не знаетъ (стр. 18), что и арабы раньше единобожін прошли стадію религіи анимистической и полидемонической (срв. нашу замѣтку въ «Этн. Обзор.» кн. ХХ, стр. 89—90).—На стр. 37-й ошибка новидимому маленькая. Имя богини передается какъ «Уза» (съ «у»), тогда какъ на стр. 49-й гора называется «Огодъ» (съ «о»), — а по арабски звукъ-то здѣсь одинъ и тотъ же; Гаури не знаетъ восточныхъ языковъ, не можетъ разную транскрипцію разныхъ ориенталистовъ привести въ одному знаменателю, оттого у него такая пестрота и путаница: у него безразлично чередуются «о» и «у», «е» и «а», «е» и «и» и т. п. Но незнаніе арабскаго языка вредно отражается у Гаури не только на передачѣ собственныхъ именъ (вѣдь это еще былъ бы сравнительно пустякъ, хотя, пожалуй, разная транскрипція разныхъ ученыхъ привела г. Уманца къ созданію двухъ разныхъ философовъ: Гоббамъ и Джоббамъ, а это ужъ не пустякъ),—незнаніе арабскаго языка вредно отражается и на изложеніи. Мохаммедъ, желая сдѣлать уступку язычникамъ и въ то же время не оскорбить монотеизма, нарочно выразился очень сбивчиво: «Лата, Оза и Мената — это высокіе гераники». Слово «гераники» означаетъ «журавли» (см. Лейденское изд. Абдоль Вахида, стр. 222). А у Гаури Мохаммедъ прямо говоритъ: «Лата, Уза и Маната—высокія божества»; очевидно, у того ориенталиста, какимъ пользовался Гаури, при «гераники» стояло сокращенно въ скобкахъ: «(d. h. Götter)», а Гаури понялъ, что это „Götter“—переводъ арабскаго слова.—На стр. 39-й Гаури, отличающійся вообще подробностью, вдругъ говоритъ очень кратко: «во время богомолья 622 года къ Мохаммеду примкнула цѣлая толпа пришельцевъ изъ Медины и поклялась достояніемъ и кровью поддерживать дѣла его». Гаури сообщаетъ это такимъ спокойнымъ тономъ, какъ будто рѣчь идетъ не о замѣчательнѣйшемъ фактѣ съ точки зрѣнія древне-арабскаго быта; авторъ не находитъ многороднаго, мединскаго заступничества крайне страннымъ, онъ ни словомъ не заикается о важныхъ причинахъ такого необычайнаго факта, онъ отношеніи одного древне-арабскаго города къ другому представляетъ себѣ повидимому такъ, какъ Гааги къ Лейдену. Хорошо еще, если читателю, поучающемуся изъ книги Гаури, придетъ въ голову воспоминаніе о городахъ древне-греческихъ и о судьбѣ чужаковъ (ξενοι) и изгнанниковъ (φυγάδες). А то онъ совсѣмъ не пойметъ, почему это свободный человѣкъ Мохаммедъ не могъ прямо уйти отъ своего рода, а долженъ былъ тайкомъ бѣжать, и почему бѣгство его въ чужой городъ представлялось древнимъ арабамъ до такой степени рѣшительнымъ шагомъ и знаменательнымъ событіемъ, что они положили отъ

него вести свою ору. — На стр. 48-й повѣствуется о битвѣ при Бедрѣ (624), въ которой 314 мусульманъ разбило почти цѣлую тысячу храбрыхъ, мужественныхъ корейшитовъ. Не тысячу, а гораздо меньше: правда, сперва корейшитовъ выступило около 950 человекъ, но, получивши у Джохфы извѣщеніе отъ Абу Софьяна, что опасность миновала, болѣе трехсотъ человекъ возвратилось домой, и Мохаммедъ при Бедрѣ имѣлъ дѣло только съ двойнымъ, а не съ тройнымъ числомъ непріятелей, какъ это онъ и самъ утверждаетъ въ Коранѣ (сура III, ст. 12—13). Кромѣ того Гаури и не подумаетъ упомянуть о томъ, какую роль сыграла въ побѣдѣ Мохаммеда простая случайность и даже цѣлый рядъ случайностей, благоприятныхъ для Мохаммеда (Dozy: Essai, p. 67—68); такимъ образомъ Гаури даетъ читателю невѣрное представленіе о личности Мохаммеда. Вообще насчетъ изложенія Гаури можно сказать, что оно то иногда многословно и содержитъ въ себѣ множество ненужныхъ, анекдотическихкихъ подробностей, то иногда до невозможности кратко и не содержитъ въ себѣ очень важныхъ, характерныхъ и существенныхъ указаній. Бъ тому же, въ изложеніи событій мы не видимъ у составителя никакой руководящей идеи: читаешь и не понимаешь, къ чему Гаури сообщаетъ тотъ или другой случай изъ дѣятельности Мохаммеда. Иногда, впрочемъ, покажется, будто онъ кое-что говорить не спроста, а съ извѣстной цѣлью, — напр., будто онъ хочетъ сказать, что успѣхи мохаммеданства имѣютъ подъ собою соціально-экономическую подкладку (таково мнѣніе Дози); но стоитъ вчитаться внимательнѣе, и оказывается, что никакой подобной идеи Гаури и не желаетъ провести: она проскальзываетъ безъ его вѣдома, совсѣмъ невольно, только потому, что цѣлыя страницы авторъ списываетъ изъ Дози. Изрѣдка кажется, будто своей статьей о Мохаммедѣ Гаури желаетъ сказать то, что написалъ въ концѣ главы: «Источникъ мутенъ, — что же будетъ съ потокомъ?», т. е. будто Гаури желаетъ показать на основаніи фактовъ, что Мохаммедъ былъ не заблуждающійся человекъ, а сознательный самозванецъ. Но при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что и этой идеи Гаури не проводитъ сознательно, и изъ его блѣднаго изложенія ничего не выходитъ (пропущенъ даже такой характерный фактъ, какъ предсмертная просьба Мохаммеда — дать ему чернилъ и бумаги, чтобы онъ могъ написать настоящій Коранъ; если Бохари былъ недоступенъ составителю, то упомянутый фактъ могъ бы быть ему извѣстенъ, ну, хоть изъ Дюга: Hist. des phil. et des théol. mus., p. 13). Послѣ этого не вѣрится даже, чтобы Гаури дѣйствительно пользовался Вейлемъ и Ширенгеромъ (у тѣхъ мысль о самозванствѣ Мохаммеда, если не постоянно, то часто, проведена слишкомъ ясно); и хотя Гаури въ числѣ своихъ источниковъ называетъ именно двухъ послѣднихъ авторовъ, все таки очень вѣроятно, что онъ ограничивался преимущественно однимъ Дози и, когда не списывалъ буквально, старался представить конспектъ изъ него. Конспектъ, впрочемъ, вышелъ неудачный, по-

тому-что выбрасываются указанія очень существенныя. Особенно интересенъ тотъ упрощенный способъ писать исторію, къ которому прибѣгаетъ Гаури, когда ему приходится представить постепенное развитіе власти Мохаммеда, бывшаго сперва забытымъ человѣкомъ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ставшаго господиномъ всей Аравіи: «Мы (т.-е. мы, Гаури) не можемъ (какъ не можемъ?! не находимъ нужнымъ, намъ скучно,—это иное дѣло) прослѣдить всѣ военныя и политическія событія, въ результатѣ которыхъ Пророку удалось привлечь на свою сторону большинство арабовъ; достаточно сказать (даже!), что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ могущество его до такой степени увеличилось, что онъ достигъ преобладанія надъ курейшитами съ ихъ союзниками» (стр. 50). Ахъ, какъ приятно слышать такія рѣчи отъ историка! ни дать ни взять — словно нянюшка сказку сказываетъ: «Долго ли, коротко ли бродилъ по свѣту добрый молодецъ, только зашелъ онъ въ одно царство и сдѣлался царемъ». — На стр. 52-й: «Изъ новозавѣтныхъ разказовъ, помѣщенныхъ въ Коранѣ, какъ нельзя болѣе яснымъ оказывается, что Мухаммедъ во всю свою жизнь оставался почти совершенно незнакомымъ съ христіанствомъ; тѣмъ немногимъ, что удалось ему узнать объ Иисусѣ, онъ обязанъ былъ, повидимому, какому-нибудь еврею, который и самъ почти ничего не понималъ въ христіанской религіи. Корану извѣстна исторія рожденія Иисуса въ формѣ, которая напоминаетъ объ апокрифическомъ евангеліи». Какимъ же образомъ еврей могъ знать евангеліе, хотя бы и апокрифическое? а если не могъ, то значить нѣтъ и причинъ думать, что собесѣдникъ Мохаммеда былъ еврей. Если бы Гаури вникнулъ въ духъ того христіанства, какое нарисовано Кораномъ, то увидѣлъ бы очень ясно, что оно—монофизитское; и тѣ апокрифическія евангелія, отраженія которыхъ мы иногда поддѣваемъ въ Коранѣ, также дышатъ монофизическимъ духомъ; и замѣчаніе Мохаммеда (сохраненное въ Коранѣ) о языкѣ своего «ночного собесѣдника» не можетъ относиться къ еврею, а только къ христіанину. Проф. Нофаль въ своемъ «Mahomet» попытался выяснитъ съ полною опредѣленностью даже индивидуальныя качества этого «ночного собесѣдника»,—до того ясно, на его взглядъ, всѣ намеки Корана! Онъ даже находитъ возможность смѣло утверждать, что Мохаммедовъ собесѣдникъ—монофизитъ кипѣлъ ненавистью противъ православныхъ и рассчитывалъ посредствомъ Мохаммеда отомстить имъ. И притомъ Гаури могъ бы знать, что Мохаммедъ имѣлъ сношенія не съ однимъ, а со многими христіанами; объ этомъ подробно говорится у Шпренгера въ разныхъ мѣстахъ второго тома его книги, а въ приложеніи къ 13-й главѣ Шпренгеръ собралъ всѣ свидѣтельства восточныхъ авторовъ, которыя бросаютъ свѣтъ на этотъ пунктъ.—На стр. 53-й и 60-й Гаури воображаетъ себѣ Мохаммеда какимъ-то «могущественнымъ властелиномъ» всей Аравіи, какимъ-то царемъ царей, и восхищается, что этотъ царь «отличался патриархальной простотой: самъ привязывалъ домашнихъ козъ на своемъ дворѣ и по-

могаль женамъ своимъ въ ихъ домашнихъ занятіяхъ; въ жилищѣ его царствовала чуть не бѣдность»... У Гаури полнѣйшее отсутствие исторической перспективы:—въ Мохаммедѣ, который жилъ среди общества полудикаго, малокультурнаго и *не могъ* имѣть какихъ-либо уточненныхъ потребностей, Гаури видитъ какого-то философа-стоика, или толстовца, добровольно обратившагося къ черной работѣ. Да и самое представление о Мохаммедѣ, какъ могущественному властелинѣ, не правильно. Пророкъ никогда не былъ типомъ восточнаго могущественнаго властелина, вродѣ, напр., персидскаго шаха: онъ былъ едва-едва богѣе, чѣмъ *primus inter pares*, и мы знаемъ случаи, когда, напр., недовольные Пророкомъ дѣлежемъ войны бросились на Пророка и сорвали съ него плащъ. И это было ужъ послѣ покоренія Мекки.—Говоря о тѣхъ картинахъ рая, какія нарисовалъ Мохаммедъ, Гаури замѣчаетъ: «Можемъ догадываться, что половыя увлеченія въ жизни Пророка играли уже съ очень ранняго возраста роль роковую. Очень характерно, что мужъ старой женщины (Хедиджи) общалъ вѣрующимъ въ рай подругъ; *рионыя по возрасту*» (стр. 56). Намекъ Гаури на то, что Мохаммедъ тяготился жизнью со старухой-Хедиджей, крайне страненъ: извѣстно, что эту старуху Пророкъ любилъ отъ всей души, никогда ей не измѣнялъ, а когда, послѣ ея смерти, набралъ цѣлый гаремъ изъ молодыхъ дѣвицъ, то ни одна изъ его женъ не могла изгнать Хедиджу изъ его памяти, такъ-что Аиша больше ревновала мужа къ покойницѣ, къ этой, по ея выраженію, «беззубой бабѣ», чѣмъ ко всѣмъ своимъ живымъ соперницамъ. Горячая любовь Мохаммеда къ Хедиджѣ объясняется тѣмъ, что это была первая женщина, которую онъ узналъ. Догадка Гаури о раннихъ половыхъ увлеченіяхъ Мохаммеда вполне несомнительна: онъ былъ цѣломудренъ до брака съ Хедиджей. Правда, причина тутъ была не добрая воля юноши, а отсутствіе женщинъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ одиноко пасъ овецъ и козъ; онъ и собирался какъ-то раза два, съ похотливыми цѣлями, сходить въ городъ, но непредвидѣнныя обстоятельства все задерживали его. Знать эти факты, сообщенные у эт-Табарія, Гаури могъ бы и безъ знакомства съ арабскимъ явкомъ: стоило ему только, собирався трактовать о Мохаммедѣ, прочесть между прочимъ очень извѣстную книгу Бартеlemi Сентъ-Илера: «Mahomet et le Coran» (Par. 1865, стр. 85); у Мьюра, котораго Гаури якомъ читалъ, это сообщается во 2-мъ томѣ его «The life of Mohammed», стр. 14.

Страницю 66-й начинается вторая глава: «Исламъ». Въ началѣ авторъ перечисляетъ заглавія объемистыхъ сочиненій, которыми онъ, говоритъ, пользовался при составленіи своей статьи, и только о сжатыхъ, содержательныхъ лекціяхъ Дои (Essai sur l'hist. de l'isl.) не упоминаетъ ни слова. И сейчасъ же, на стр. 67-й, мы видимъ мѣсто, сплошь списанное изъ Дои; добрый пасторъ Гаури, занявшись изученіемъ закона Мохаммедова, забылъ о восьмой заповѣди закона Мои-

сева.—Какъ только авторъ, разбирая Коранъ, отступаетъ отъ Дои и Кремера да пускается въ собственные домыслы, онъ тотчасъ высказываетъ полнѣйшее отсутствіе критическихъ приѣмовъ. Извѣстно, что Коранъ—это есть беспорядочное, механическое (посмертное) сплоченіе изреченій Мохаммеда, сказанныхъ въ теченіи многихъ лѣтъ въ разное время и по разнымъ случаямъ. Кто желаетъ съ толкомъ судить по Корану о сути ислама и о настоящихъ воззрѣніяхъ Мохаммеда, тотъ долженъ сперва установить хронологію для отдѣльныхъ суръ Корана, затѣмъ расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и ужъ такимъ образомъ улавливать внутреннюю диалектику постепеннаго развитія убѣжденій Мохаммеда; кромѣ того, встрѣчаясь съ какой-либо отдѣльной мыслью Корана, исследователь всегда долженъ принимать въ соображеніе, при какихъ обстоятельствахъ она высказана, и тѣмъ болѣе — въ какой логической связи находится она ко всему контексту. Ничего подобнаго Гаури не дѣлаетъ: онъ выхватываетъ тексты изъ разныхъ мѣстъ Корана, не принимая въ соображеніе эволюціи взглядовъ Пророка, и механически соединяетъ эти разрозненные тексты въ одно цѣлое; нѣтъ ничего изумительнаго, если съ такимъ приѣмомъ можно увидать въ исламѣ то, что кому желательно видѣть. Но Гаури и этимъ не удовлетворяется: онъ пополняетъ свою картину извлеченіями изъ мусульманскихъ преданій (хедисовъ). А при помощи хедисовъ и подавно можно сдѣлать изъ Мохаммеда все, что угодно: Мохаммедъ, по желанію, можетъ оказаться и заклятымъ врагомъ аскетизма, и горячимъ аскетомъ, и антропоморфистомъ, и врагомъ антропоморфизма—пантеистомъ, и защитникомъ рабства, и аболиціонистомъ, и сторонникомъ капитализма, и ярымъ социалистомъ, и т. д., и т. д. (Много прекрасныхъ и удачныхъ мыслей о хедисахъ высказано проф. Нофалемъ въ его не разъ ужъ упомянутой нами серіи «Etudes orientales», печатаніе которой ужъ приходитъ къ концу, и въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Этнографическаго Обзорнія» мы подробно познакомимъ читателей съ трудами Нофаля въ этой области. — Впрочемъ, при всѣхъ недостаткахъ упомянутой нами II-й главы книги Гаури, она все же лучше другихъ: какъ богословъ, авторъ сумѣлъ написать ее довольно стройно и систематически и въ то же время, несмотря на свой христіанскій духовный санъ, сумѣлъ сохранить возможную религіозную объективность и даже терпимость.

Но начиная съ главы III-й (стр. 97): «*Правосудіе и шитизмъ*» — Гаури опять можетъ повергнуть читателя въ отчаяніе своей безсознательностью и хожденіемъ въ темнотѣ по той области, которой онъ коснулся. Онъ задается цѣлью выяснить, въ чемъ заключается «духъ ислама». Братъся за выясненіе «духа» какой-либо религіи—это очень опасная вещь, потому что «духъ» религіи, да еще насчитывающей болѣе тысячи лѣтъ жизни за собою, это—нѣчто очень неудовимое и сложное, и для всякихъ субъективныхъ гаданій тутъ открывается полнѣйшій просторъ. Устрашающимъ примѣромъ для охотниковъ выя-

снять «духъ» религіи должна служить исторіи попытокъ выяснитъ духъ христіанства: каждый изслѣдователь приходитъ къ разнымъ заключеніямъ. А Гаури берется отыскать духъ ислама, совсѣмъ мало познакомившись съ самымъ исламомъ и вовсе не познакомившись съ другими восточными религіями. Мы считаемъ излишнимъ да и невозможнымъ разбирать всѣ странности, которыя допущены авторомъ въ этой главѣ, и скажемъ вкратцѣ: взять хаотическую смѣсь, именуемую Кораномъ, присоединить къ ней ученіе ортодоксовъ мусульманскихъ, присоединить ученіе вейдитовъ, кайсанитовъ, мотезалитовъ, суфиевъ, зендиковъ, мольхидовъ, исмаилитовъ ибнъ-Меймуна Бадаха, исмаилитовъ египетскихъ, карматовъ, друзовъ, носейритовъ, езидовъ и т. д., въ томъ числѣ явныхъ атеистовъ, присоединить сюда же суевѣрія, существовавшія отъ самыхъ незапамятныхъ временъ у тѣхъ народовъ, которые впоследствии приняли исламъ, и затѣмъ, не отличая чертъ религиозныхъ отъ національныхъ, чертъ существенныхъ отъ случайныхъ, счесть эту кучу возрѣній за нѣчто единое и цѣлое и извлекать изъ нея «общій духъ ислама» — это, на нашъ взглядъ, не просто странность: это — чистѣйшее безуміе, и именно это сдѣлалъ Гаури! При такой постановкѣ изслѣдованія нѣтъ возможности даже спорить или соглашаться съ тѣми выводами о духѣ ислама, къ какимъ пришелъ Гаури; нужно просто воздержаться отъ всякаго мнѣнія объ этихъ выводахъ. Не для споровъ, но для того, чтобы показать, насколько Гаури знаетъ тотъ предметъ, о какомъ берется толковать, мы отмѣтимъ два-три курьеза. На стр. 135-й духу ислама приписано благотѣльное вліяніе на развитіе состраданія къ животнымъ: «Въ Египтѣ», по словамъ Лэна, «безпріютныя кошки пропитываются на общественный счетъ; для бродячихъ собакъ наливаются водою корыта, и бѣдные нерѣдко дѣлятся съ ними своимъ хлѣбомъ». Если бы Гаури былъ знакомъ съ возрѣніями мусульманъ на собаку, то египетская любовь къ нимъ глубоко поразила бы его и привела къ мысли, что факты, сообщаемые Лэномъ, должны искать себѣ объясненія въ глубокой древности, а не въ духѣ ислама. Есть мусульманское преданіе, по которому Мохаммедъ сказалъ: «Ангелы не посѣтятъ того дома, гдѣ находятся собаки»; «кто держитъ у себя собаку, тотъ ежедневно умалаетъ свои заслуги передъ Богомъ на одинъ каратъ»; преданіе гласитъ также, что Мохаммедъ запретилъ покупать собакъ (*Fundgruben des Orients*, т. I, стр. 176, 177, 187). Въ арабскихъ пословицахъ и поговоркахъ собака всегда фигурируетъ, какъ самое презрѣнное созданіе, — см. Мейдани: «Эмъаль оль-арабъ» *Arabum proverbialia*, edidit G. W. Freytag, Bonnæ 1838 — 42, глава 20-я, № 87; «Хемаса» *Hamasa carmina*, ed. G. W. Freytag, Bonnæ 1828, стр. 176, 518. У перса Саадія то же: «Самое презрѣнное изъ существъ — собака» («Голистанъ», пер. Холмогорова, стр. 327). — На стр. 114-й извѣстный скептикъ Геззалий изображенъ чѣмъ-то въ родѣ грубѣйшаго антропоморфиста, и Гаури только изумляется, какъ

это въ этомъ философѣ глубочайшее образованіе уживалось съ вѣрою въ грубо-чувственный мусульманскій рай; причемъ дѣлается ссылка на трактатъ «Эд-доррет ое-веминѣ» (La perle précieuse, trad. de L. Gautier). О Геззалии существуетъ сравнительно огромная литература на европейскихъ языкахъ, и если бы Гаури хоть немного былъ знакомъ съ нею и прочелъ побольше, чѣмъ одну «Perle précieuse», то зналъ бы, что въ духовномъ развитіи скептика Геззалия (1058 — 1111) было *несколько* періодовъ, сопровождавшихся очень рѣшительной ломкой старыхъ убѣжденій (см. его исповѣдь въ «Эль-монкыз ан ид-дале», «Le préservatif de l'erreur», trad. par. Barbier de Meynard, Paris 1877). Навязывать Геззалию на всю жизнь тѣ убѣжденія, которыя онъ высказываетъ въ «Драгоценной жемчужинѣ», странно; этимъ доказывается незнакомство Гаури съ тѣмъ, о чемъ онъ судить. — Еще ярче блещетъ невѣжество Гаури на стр. 123-й, гдѣ въ числѣ «религіозныхъ праздниковъ правовѣрнаго, не шиитскаго ислама» названъ Ашура, т. е. праздникъ страстей дому Алиева. А это праздникъ собственно шиитскій, антисоннитскій; пока онъ продолжается, подвергается опасности самая жизнь сонниковъ, живущихъ въ Персіи; первымъ тремъ халифамъ (Абу-Бекру, Омару и Осману) все время раздаются тогда яростныя, горячія проклятія; сектантскій шиитскій фанатизмъ поддерживается тогда религіозными представленіями («теъзіе»). На русскомъ языкѣ объ Ашура есть обстоятельная глава у Березина, въ его «Путешествіи въ сѣв. Персію» (Каз. 1852), а на западно-европейскихъ языкахъ подробныя свѣдѣнія можно найти у Ходзько, Гобино, Дози¹⁾, Эте и др. Какъ хорошо однако знаетъ пасторъ Гаури востокъ! — На стр. 144-й Гаури сообщаетъ довольно фантастическія свѣдѣнія о сектѣ исмаилитовъ; свѣдѣній этихъ мы опровергать не станемъ²⁾ и обратимъ вниманіе только на интересную, характерную фразу: «Замѣстителемъ незримаго халифа явился во время Мамуна, *следовательно* (курсивъ нашъ) въ нач. IX в., Абдаллахъ ибнъ-Меймунъ». Абдаллахъ ибнъ-Меймунъ основалъ свою секту въ 864 году, — значитъ, это было не во времена халифа Мамуна (813—833), а во времена халифа Мостафы (862—866). Это — во-первыхъ, а во-вторыхъ: что такое скрывается у Гаури за его неопредѣленнымъ выраженіемъ: «во время Мамуна, — следовательно, въ началѣ IX в.»? Повидимому, здѣсь скрывается простое незнаніе того, отъ какого года до какого царствовалъ Мамунъ. — На стр. 151-й нашъ знатокъ востока увѣряетъ, что шииты не ходятъ на поклоненіе въ Мекку. Очевидно, онъ не потрудился дочитать до конца даже книжку Дози, гдѣ, по Бертону,

¹⁾ Гаури ссылается въ 3-й главѣ какъ разъ и на Дози, но у того (Essai, p. 449) прямо написано: „Les chiites ont plusieurs fêtes *autre* celles que les orthodoxes célèbrent aussi; celle du Moharram en est la principale“.

²⁾ См. нашу статью „Исмаилиты“ въ Энциклоп. словарѣ Брокгауса и Эфрона. Подробная исторія секты изложена нами въ засѣданіяхъ Вост. Комиссіи Имп. Моск. Археол. общества и будетъ скоро напечатана.

такъ живо описано поведеніе шітскихъ богомольцевъ въ Меккѣ. (Essai, p. 443 — 446). Въ томъ караванѣ шітскихъ богомольцевъ, какой видѣлъ Бертонъ, было до 1200 человекъ.

Такое же мнѣніе, какое мы высказали о предыдущей главѣ, мы выскажемъ вообще и о слѣдующей, четвертой: «Новообразованія и опыты реформъ» (стр. 155 и сл.). Изъ отдѣльныхъ замѣчаній у Гаури интересно, напр., на стр. 162-й: «Суфъ—грубый плащъ изъ козыньныхъ шкуръ». О словѣ «суфъ», давшей имя знаменитой сектѣ суфіевъ, написаны цѣлыя статьи, и грѣхъ историку исламскаго движенія не знать, что суфомъ называется верблюжья шерсть или влаяница. О важномъ значеніи этой влаяницы см. нашъ «Очеркъ развитія суфизма», стр. 18. Это слово не чуждо и старинному русскому языку; см. въ «Дополн. къ акт. ист., собр. и изд. Археогр. Комм.», Спб. 1846, т. I, № 131: «Зуфъ костоманская, цѣна три рубли» (Царск. расходн. книга 1584—1585 г.г.); также см. у Саввантова: «Опис. стар. царск. утварей» и т. д. (Спб. 1865), о платьи царя Бориса Годунова 1589 г.: «Опашень зуѣ лимонна костомонка». — На стр. 163-й Гаури увѣряетъ легковѣрныхъ читателей, что *все* персы мистики и предаются религіознымъ экстазамъ. Можетъ быть, на далекомъ западѣ ему и повѣрятъ, но надѣмся, что у нашихъ московскихъ читателей возникнетъ подозрѣніе въ истинѣ словъ Гаури, если не по отношенію ко всей Персіи, то, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ той персидской колоніи, какая проживаетъ въ Москвѣ.

Въ главѣ V-й (стр. 191): «Семейный бытъ» — совершена путаница трехъ понятій: семья древне-арабская, семья мохаммеданская и семья тѣхъ націй, какія приняли исламъ. По своему обычаю, Гаури сливаетъ все это въ одно цѣлое, причемъ, напр., на доисламскую арабскую женщину переноситъ черты позднѣйшія. Женщина доисламская вовсе не была такимъ угнетеннымъ, забытымъ существомъ, какимъ рисуетъ ее Гаури (стр. 192): вспомнимъ такіе общезвѣстные примѣры, какъ Хедиджу, Аишу, Хиндъ (жену Абу-Софьяна), вспомнимъ ту роль, какую играли женщины въ Оходской битвѣ (Мюллеръ, русск. пер., стр. 137), вспомнимъ витязя Антара съ его Аблей, вспомнимъ, наконецъ, доисламско-рыцарскій культъ женщинъ; множество подробностей см. у Кремера во второмъ томѣ «Kulturgeschichte des Orients»; см. также нашъ переводъ Клоустона: «Popular tales and fictions» (Львовъ 1896: «Народні казки та вигадки. Як вони блужають та перевертаються», стр. 68 — 69 и «Додаток» ко введенію). Кажется, притомъ, Гаури и не подозрѣваетъ, что древніе арабы не составляли однообразной массы, а дѣлились на пустынныхъ и городскихъ, бытъ которыхъ взаимно отличался. Гаури вообще имѣетъ о древнихъ арабахъ самое неясное представленіе, что видно изъ наивной фразы: «ни въ какомъ *твердомъ законѣ* женщина не имѣла защиты себѣ» (стр. 192), — отъ доисламскихъ арабовъ, управлявшихся обычаями, авторъ ждетъ какого-то писаннаго свода законовъ!

Глава шестая (стр. 234—272): «*Общественный строй*» — была бы хороша, если бы авторъ измѣнилъ своему обычаю: не старался бы уловить неуловимый духъ ислама и не сливалъ бы въ одно цѣлое элементы исламскіе и неисламскіе, религіозные и политическіе и т. д. Такъ, напр., (на стр. 253-й) преслѣдованія, испытанныя христіанами отъ египетскаго халифа Хакима (Фатымида), приписаны «развитію строгаго мусульманскаго направленія». Въ этомъ утвержденіи много комическихкихъ неправильностей и насчетъ всей египетской фатымидской династіи, и насчетъ Хакима. Египетская династія фатымидовъ была не *правотърная*, а исмаилитская; управляя въ Египтѣ, она отличалась *замѣчательною терпимостію*; потому-то авторитетъ-специалистъ Стан. Гюйяръ находитъ, что если бы исмаилитской сектѣ удалось удержаться въ Египтѣ, то это была бы настоящая цивилизація для всего мусульманскаго міра («Un grand maitre des Assassins», par St. Guyard. Journ. Asiat. 1877, I, p. 336). Шестой халифъ этой династіи Хакимъ (вступилъ на престолъ въ 996 г.) сталъ поступать иначе, чѣмъ его предшественники; при тѣхъ христіане и евреи приобрѣли огромное вліяніе, а Хакимъ сталъ ихъ преслѣдовать. Это онъ сдѣлалъ отчасти потому, что былъ сумасшедшій и взбалмошный человекъ, отчасти же потому, что христіане, захватившіе высокія должности въ свои руки, были уличены въ крайней недобросовѣстности и злоупотребленіяхъ; были еще и другія причины (срв. Dozy: Essai, p. 287), но и изъ никакъ нельзя сводить къ «развитію строгаго мусульманскаго направленія», потому что Хакимъ одинаково гналъ христіанъ и въ тѣ моменты, когда дѣлался ортодоксомъ, и въ тѣ, когда опять становился шиитомъ и врагомъ ортодоксовъ, преслѣдуя послѣднихъ въ такіе періоды наравнѣ съ христіанами. Кстати отмѣтимъ, что въ концѣ своего сообщенія о Хакимѣ Гаури также проявилъ незнаніе восточной исторіи: — «Въ концѣ же концовъ, и христіане, и іудеи были вынуждены къ массовому выселенію изъ страны», говоритъ онъ, а того не знаетъ, что послѣ 1017 г. Хакимъ дозволилъ всѣмъ возвратиться, и дѣйствительно, масса переселенцевъ вернулась назадъ въ Египетъ. — Продолжая выяснять «духъ» ислама, Гаури въ упомянутой 6-й главѣ доходитъ до высшихъ крайностей. Какъ богословъ, Гаури привыкъ вѣрить, что содержаніе какой-либо религіи, подобно догматамъ, всегда остается одно и то же. А это не вѣрно: содержаніе религіи можетъ мѣняться сообразно съ перемѣнами въ общественномъ настроеніи, хотя догматы ея остаются безусловно неизмѣнными. Возьмемъ, напр., христіанство: послѣ вселенскихъ соборовъ догматы его окончательно установились, и даже за духомъ Евангелія почти всѣми и всегда признавалось, и признается одно и то же: любовь, а между тѣмъ направленіе или содержаніе христіанства все время мѣнялось и мѣнялось; и, напр., идеалы средневѣковыхъ христіанъ были одни, а идеалы нынѣшнихъ — другіе. Такъ, средневѣковые христіане изъ горячей любви къ ближнимъ считали необходи-

мымъ запереться въ кельѣ, мучить себя и молиться за міръ, да и другихъ принуждать къ аскетизму, къ подавленію мысли, къ подавленію воли, а нынѣшніе христіане во имя той же любви къ ближнимъ стремятся жить въ міръ, улучшать положеніе забытыхъ народныхъ массъ, внушать имъ чувство собственнаго достоинства, поднимать ихъ социальное значеніе. Никакія подобныя размышленія пастору Гаури въ голову не приходятъ; по его мнѣнію, разъ что называется исламомъ, то оно всегда одинъ и тотъ же исламъ. Поэтому, когда рѣчь идетъ о какой-нибудь блестящей и симпатичной эпохѣ жизни мусульманскаго общества, Гаури считаетъ себя вправѣ говорить: «Но вѣдь все это не согласно съ истиннымъ духомъ ислама»; и съ другой стороны, когда онъ разбираетъ какую-нибудь эпоху упадка и фанатизма, онъ заявляетъ: «А вотъ это вполне согласно съ истиннымъ духомъ ислама!» Раздавая на всѣ стороны патенты на званіе истиннаго или неистиннаго мусульманина, Гаури одинъ разъ даетъ патентъ второго рода, а не перваго... самому Мохаммеду! Да! Несмотря на то, что каждое мѣсто Корана есть святыня и заповѣдь въ глазахъ мусульманъ, Гаури говоритъ, что тѣ мѣста Корана, которые проповѣдываютъ полную терпимость къ христіанамъ и иудеямъ и которыми арабы дѣйствительно руководились въ цвѣтущій періодъ халифата, не согласны съ духомъ ислама: «Истинный же духъ ислама лучше всего выражается въ слѣдующихъ словахъ Омара (а не Мохаммеда!): «Мы должны поглощать христіанъ» и т. д. (стр. 256). На стр. 258-й читаемъ: «Когда Фуадъ-паша утверждалъ въ своемъ политическомъ завѣщаніи, что реформы, предоставляющія одинаковыя права всѣмъ исповѣданіямъ, не находятся въ противорѣчій съ исламомъ, онъ впасть просто-на-просто въ одно грубое заблужденіе». Итакъ, Гаури считаетъ себя, протестанта, компетентнымъ лицомъ въ опредѣленіи «истиннаго духа» ислама, а настоящаго мусульманина Фуада (и даже самаго Пророка!) признаетъ не компетентными судить объ исповѣдуемой религіи. Спрашивается послѣ всего этого: кто же можетъ быть судьей, и что можетъ быть критеріемъ для познанія пресловутаго «истиннаго духа» какой-либо религіи?!

Ну, здѣсь мы остановимся и еще дальше разбирать книжку Гаури не будемъ, хотя мы не дошли и до половины ея. Въ ней безусловно много есть хорошаго....., хороши именно всѣ страницы, списанныя изъ Дози и Кремера буквально; но много есть и дурного, много есть ошибокъ, происходящихъ отъ невѣжества автора, отъ неумѣнья передать чужія свѣдѣнія и отъ стремленія дѣлать слишкомъ скороспѣлые выводы да предлагать сомнительные историческіе законы вроде того, что «въ минуто высочайшаго религіознаго напряженія общества всегда въ немъ процвѣтаютъ науки и искусства». Оставляя безъ разбора вторую часть книги Гаури, намъ все же жаль не отмѣтить нѣкоторыхъ неправильныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ ней, по крайней мѣрѣ двухъ-трехъ. На стр. 323-й упоминается у Гаури какой-то ибнъ-

Хутайбъ, авторъ какой-то «Книги познанія». Изъ дальнѣйшаго изложенія можно догадаться, что это долженъ быть извѣстный историкъ ибнъ-Ботейба, авторъ „Книги свѣдѣній по исторіи“ („Китабъ оль-меарифъ фи т-тарихъ“). — На стр. 326-й Гаури увѣряетъ, что философъ эль-Фараби былъ врагъ мистицизма. Очень не вѣрно. — На стр. 375-й послѣднимъ халифомъ названъ Мутаваккиль. Послѣднимъ былъ Мостасымъ (1241—1258), а Мотевеккиль царствовалъ на четыреста лѣтъ раньше (846—861).

Теперь поговоримъ о томъ костюмѣ, въ какомъ книга Гаури является передъ русской публикой, — поговоримъ о переводѣ. Онъ неудаченъ во всѣхъ отношеніяхъ. Языкъ переводчика (г. Хомутова) тяжелъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ трудомъ даже понимается. Напр., на стр. 288: „Порицали людей христіанскихъ національностей, въ погруженныхъ въ мечты о музыкѣ, поэзи и о красотѣ природы мусульманахъ Испаніи, видѣвшихъ только варваровъ и съ какой-то дикой жестокостію ихъ истреблявшихъ“. На стр. 291-й: „Въ странахъ ислама сплошь имѣетъ мѣсто первое состояніе, и въ нихъ постоянно большія состоянія скопляются въ рукахъ меньшинства“ (Первый разъ слово „состояніе“ означаетъ „случай“, и оно—подлежащее). На стр. 359-й: „Представленія въ публичныхъ мѣстахъ развлеченія и въ нашихъ большихъ городахъ отнюдь ни лучше ни на волосъ (чѣмъ на востокѣ)“. Кромѣ стиля, у г. Хомутова хромаетъ и правописаніе, такъ что грамотному человѣку иногда становится просто неприятно; беру для примѣра первыя попавшіяся ошибки: невѣденіе, востоковѣденіе (2), прерѣканій (34), въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (49), нисшій (121), оскуденіе (290).— Съ нѣмецкимъ языкомъ переводчикъ знакомъ плохо, и это также не послужило въ пользу его работъ. Можно простить ему, когда онъ, напр., вм. газели говоритъ о козѣ (стр. 15), но есть ошибки и посерьознѣе. Объ одной изъ нихъ стоитъ рассказать подробно, потому что она бросаетъ свѣтъ на то, какъ иногда обобщаются единичные факты. Поэтъ Имруль Кайсъ (въ первой половинѣ VI вѣка), желая отомстить за смерть своего отца, отправился спросить совѣта у оракула Зуль-Хелясе (вар. «Холосе», «Хельсе»). Отвѣтъ давался при помощи трехъ стрѣлъ; на одной была надпись: «приказъ», на другой: «запрещеніе», на третьей: «подождать». Имрулькайсъ вытянулъ ту стрѣлу, на которой было написано: «запрещеніе». Тогда, въ гнѣвъ, онъ изломалъ всѣ три стрѣлы, швырнулъ обломки въ голову идола и воскликнулъ: «Будь это твоей отецъ, ты не запретишь бы мстить за него!» и произнесъ одно крупное ругательство. Этотъ случай, по арабскимъ источникамъ, сообщенъ у Caussin de Perceval'я въ его знаменитомъ *Essai sur l'histoire des Arabes*, т. II, стр. 310 (Paris 1847). Доли въ своихъ лекціяхъ по исторіи ислама приводить, повидимому по Коссену де Персевалу, этотъ же случай для характеристики обращенія языческихъ арабовъ со своими идолами, при чемъ не упоминаетъ ни имени Коссена де Персевала, ни

даже имени Имрулькайса, а говорить просто: «одинъ арабъ» (Essai sur l'hist. de l'islam. 1879, p. 10; это переводъ съ голландскаго: «Het Islamisme, Harlem 1863»). Гаури, который, можно сказать навѣрное, Коссена де Персеваля и въ рукахъ не имѣлъ, передалъ только то, что нашель у Дози. А г. Хомутовъ, не понявши смысла нѣмецкаго имперфекта, перевелъ его по-русски видомъ несовершеннымъ, причежь вмѣсто «когда» поставилъ «если» и вм. «какой-то» — «какой-нибудь»; такимъ образомъ получилось слѣдующее общее предложеніе: «Если какой-нибудь арабъ гадалъ на стрѣлахъ о томъ, долженъ или не долженъ онъ отомстить за смерть отца, и три раза вынималась стрѣла «запрещается», тогда онъ ломалъ эту стрѣлу и бросалъ ее въ лицо идола съ яростнымъ крикомъ: «Презрѣнный! если бы убитый былъ отецъ твой, ты не запретилъ бы тогда кровомщени!» Единичный случай, относящійся только къ одному Имруль Кайсу, возведенъ у г. Хомутова въ законъ для всѣхъ древнихъ арабовъ, а виновато несвободное пониманіе нѣмецкаго языка. — На стр. 192-й говорится объ особой формѣ брака: брака «ради наслажденія». Кто знаетъ востокъ, тотъ догадается, что рѣчь идетъ о «Митахъ», что значить «пользованіе»; и по своему названію, и по своему значенію эта форма брака очень подходитъ къ латинскому «usus». Г. Хомутовъ не нонялъ настоящаго смысла нѣмецкаго слова «Genuss», которое значить и «пользованіе» и «наслажденіе», и оттого въ его переводѣ появился курьезный терминъ — «бракъ ради наслажденія», — терминъ сбивчивый и могущій, пожалуй, дать инымъ читателямъ своеобразное представленіе о значеніи этого брака. — На стр. 133-й перевода г. Хомутова читатель найдетъ странную фразу: «Примирительное богословіе нѣкоего (sic!) Ашари, достигшее господства около 900 г. и съ тѣхъ поръ остающееся господствующимъ до нашихъ временъ». «Нѣкоего Ашари!» Это говорится о томъ славномъ богословѣ, который нанесъ рѣшительный ударъ знаменитой сектѣ мотезилатовъ (раціоналистовъ-философовъ)! Не имѣя передъ собою нѣмецкаго оригинала, не можемъ судить съ увѣренностью, кто здѣсь напуталъ: авторъ или переводчикъ? Думаемъ однако, что Гаури, какъ человекъ западный, не могъ не знать объ Ашъаріи и, предполагая такое же знаніе въ своихъ читателяхъ, написалъ: «des gewissen Asch'ari», т. е. извѣстнаго Ашъарія, а г. Хомутову вспомнилось выраженіе: ein gewisser — «нѣкій». — Латинскій языкъ г. Хомутову нѣсколько извѣстенъ, но лучше было бы, если бы былъ вовсе не извѣстенъ; онъ тогда не смѣшалъ бы «muscularis», и «masculinus», какъ это онъ сдѣлалъ теперь, называя болѣзнь Мохаммеда не «мускульной истеріей», а «мужеской истеріей» (стр. 23). — Арабскаго языка переводчикъ вовсе не знаетъ, и потому собственныя имена транскрибируются съ нѣмецкихъ буквъ на русскія со множествомъ ошибокъ: напр., является два «с» тамъ, гдѣ нужно только одно «с» (Басера, Мансуръ, ансары, нусарин); вм. «дж» пишется «дш» (мордшиты 155); вм. «з» бываетъ

«с» (Азисъ 181) и наоборотъ — вм. «с» у г. Хомутова пишется иногда «з», какъ „Хавза“ (вм. „Хафса“, жена Мохаммеда) и „Гамаза“ (вм. „Хемаса“, сборникъ древне-арабскихъ стиховъ и пѣсенъ); искажая последнее названіе, переводчикъ тѣмъ самымъ доказываетъ свое полное незнакомство съ главнѣйшими произведеніями арабской литературы (два отрывка изъ Хемасы переведены даже на русскій языкъ стихами у Берга въ его „Пѣсняхъ разныхъ народовъ“ стр. 215 — 220, книгѣ очень популярной), и эпитетъ „изысканный сборникъ“ является подъ перомъ г. Хомутова просто ироніей. Замѣтимъ кстати, что „Хемаса“ означаетъ „подвиги“, „доблесть“, тогда какъ „Гамаза“ (съ удвоеннымъ «м») — „подмигивающая кокетка“; имя жены Пророка „Хафса“ значить (по словарю Камусу) не то „молодая львица“, не то „гиена“, названіе во всякомъ случаѣ благородное, тогда какъ Хомутовское «Хавза» значить „*gima mulieris*“. Особенная бѣда г. Хомутову съ передачей латинской буквы „h“: западные ориенталисты, въ силу бѣдности латинскаго алфавита, употребляютъ ее и для обозначенія звука „h“, и для обозначенія мягкаго „x“, и наконецъ въ качествѣ иѣмой буквы (напримѣръ въ „Schah-pameh“ конечно „h“ не читается). Г. Хомутовъ *наудачу* ставитъ иногда вм. „h“ русское «х», а иногда вовсе пренебрегаетъ имъ и не передаетъ никакой русской буквой; такимъ образомъ у г. Хомутова появляется, напр., вм. «ихрамъ» (нарядъ мекканскаго богомольца) — «ирамъ» (что значить или «рай», или «опуханіе». смотря по долготѣ или краткости гласныхъ въ словѣ); дворецъ «Захра» (цвѣтущій) обращается въ «Зара» («ругаль»); „риг'а» (поклонъ при молитвѣ) названъ «рикахъ», что скорѣе всего можно понять какъ собачье имя (такъ по Камусу); халифъ «Саффахъ», т. е. «Кровожадный» (прозванъ такъ за жестокость), перекрещенъ г. Хомутовымъ въ Саффу («Сафа» = «чистота»), и т. д., и т. д. Иногда вм. «h» г. Хомутовъ пишетъ „г“, обращая, напр., „Халладжа“ („чесальщика“, — это было его ремесло) въ „Галладжа“ („равновѣрнаго бѣгуна“). Такимъ же образомъ буквой „г“ онъ передаетъ букву «айнъ», выражающую особый чистогортанный звукъ, «звучный» и мгновенный, не похожій на заднеязычное «г» вовсе; о физиологіи этого звука лучше всего см. у В. Миллера: Матер. для изуч. евр.-татск. языка, стр. XXII; транскрибировать „айнъ“ черезъ „г“ — крайне странно, и въ какомъ-нибудь начертаніи „Гаеша“ далеко не легко узнать «Аиша». Все это, говоримъ, показываетъ очень выразительно, что арабскій языкъ г. Хомутову не знакомъ; да и самъ онъ, на стр. 44-й, признается, что, напр., не знаетъ точнаго смысла слова «исламъ» и можетъ сослаться только на чужое объясненіе, проф. Холмогорова. Это однако не препятствуетъ ему авторитетнымъ тономъ заявлять о не точности извѣстнаго иѣмецкаго перевода Корана, сдѣланнаго Ульманомъ (стр. 94) и противопоставлять ему «превосходный» русскій переводъ г. Саблукова (стр. 66). Переводъ г. Саблукова, пожалуй, буквальный, но своей мертвенной буквальностью онъ напоминаетъ Клева-

новскіе переводы Цицерона: особенности арабской фразеологіи г. Саблукowymъ не признаются, каждое арабское слово переводится на русскій языкъ буквально, и поэтому нѣкоторыя фразы бываютъ вовсе непонятны для того читателя, который не можетъ одновременно слѣдить за текстомъ по арабскому подлиннику, а другія понимаются совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ они понимаются природными арабами и въ какомъ были сказаны Мохаммедомъ. Мы не утверждаемъ чего-либо новаго. Еще въ 1889 году, когда издавался русскій переводъ книги Летурно: «Эволюція собственности», русскій переводчикъ, не арабистъ, хотѣлъ приводить коранскія цитаты не по французскому переводу, а по Саблукoвскому, но не могъ ничего въ немъ уразумѣть и замѣтилъ (стр. 222), что «въ переводѣ г. Саблукова мы находимъ мѣста совершенно непонятныя, даже просто бессмысленныя»; для показательства онъ привелъ тамъ и сямъ выдержки изъ Саблукова, сопоставляя ихъ съ противоположнымъ по смыслу переводомъ Казимірскаго (автора полнаго арабско-французскаго словаря). Къ числу мѣстъ, искаженныхъ у г. Саблукова, относится заповѣдь Мохаммеда о войнѣ съ немусульманами, подавшая поводъ г. Хомутову прочесть нотацию Ульманну и другимъ европейскимъ арабистамъ. Въ Коранѣ (сура II, ст. 186) Мохаммедъ очень недвусмысленно запрещаетъ мусульманамъ первыми нападать на невѣрныхъ: «Сражайтесь на пути Божіемъ съ тѣми, которые сражаются съ вами, но не начинайте сами враждебныхъ дѣйствій (уэ ля теътеду), ибо Богъ не любитъ «эль моътедин» (послѣднее слово значить или «враждебныхъ», или «несправедливыхъ»). «Теътеду» — пов. накл. 8-й формы глагольнаго корня: «Ъду»; въ 1-й формѣ этотъ глаголъ значить «быть врагомъ»; существительное «адовъ» — «врагъ»; значеніе 8-й формы, по словарямъ Фирузабадія и Джаугарія: «стать враждебну» и, отсюда, также: «быть несправедливу». Ульманнъ вполне резонно переводитъ: «jedoch be ginn et die Feindseligkeiten nicht». Гаури, слѣдуя мнѣнію многихъ арабистовъ и переводу Ульманна, говоритъ: «Хотя нѣкоторыя секты утверждаютъ, что Коранъ предписываетъ войну наступательную противъ невѣрныхъ, мы должны однако признать, что Мухаммедъ заповѣдывалъ только войну оборонительную» и цитируетъ вышеприведенное мѣсто 2-й суры. Г. Хомутовъ, не зная арабскаго языка, говоритъ въ примѣчаніи, что переводъ Ульманна не точенъ и цитируетъ съ своей стороны переводъ Саблукова: «но не будьте несправедливы», — переводъ болѣе короткій, чѣмъ у Ульманна, но на этотъ разъ даже не буквальный: Саблукoвъ беретъ не первое, но вторичное значеніе глагола, противорѣчащее притомъ смыслу контекста. Для подкрѣпленія своей мысли, будто Мохаммедъ приказалъ мусульманамъ вести наступательную войну, г. Хомутовъ ссылается (не называя впрочемъ страницы) на «обстоятельное изслѣдованіе А. И. Агрономова: Мухаммеданское ученіе о войнѣ съ невѣрными. Казань 1877». Это «обстоятельное изслѣдованіе», помещенное въ XIV вып. «Миссіонерскаго противомусульманскаго сбор-

ника», написано студентомъ Каз. Дух. Акад., который не зналъ ни востока, ни литературы по востоку, ни даже арабскаго языка (послѣдняго обстоятельства онъ и не скрывалъ, — см. назв. соч., стр. 155). Но и этотъ присяжный врагъ мусульманства не рѣшился приписать Мохаммеду *прямого* повелѣнія начинать войну съ немусульманами, а сознался только, что всѣ предписанія Корана о войнѣ съ невѣрными можно истолковать и двусмысленно, т. е. въ смыслѣ обязательной пропаганды ислама (назв. соч., стр. 123). Что можно, въ этомъ никто не сомнѣвался: не даромъ же нѣкоторые мусульманскія школы учатъ въ такомъ смыслѣ; но зачѣмъ навязывать ту же тенденцію и самому Мохаммеду? Проф. Нофаль въ своей «*Législation musulmane*» (St-Petersb. 1893, p. 400 — 401) замѣчаетъ о людяхъ, подобныхъ г. Агрономову: «Изобрѣтатели знаменитаго хедиса, по которому Пророкъ говоритъ: «Я получалъ предписаніе сражаться съ невѣрными, пока они не примутъ моей вѣры», забываютъ одну вещь, вещь очень простую и очевидную, а именно—что мусульмане при своемъ появленіи составляли *ничтожное меньшинство*, и что подобныя рѣчи въ устахъ новаго апостола были бы столь же неумѣстны, сколько гибельны для его собственнаго дѣла. Если бы Мохаммедъ произнесъ что-либо подобное, то на него смотрѣли бы не просто какъ на ересіарха или нововводителя религіознаго, но какъ на отъявленнаго врага, который, силою и насиліемъ, покушается на жизнь, честь и имущество остальныхъ арабовъ и котораго надо задавить въ самомъ же началѣ. Со стороны великаго Пророка подобное заявленіе было бы настолько же глупо и неблагоприятно, насколько глупо и неблагоприятно было бы, если бы одна изъ современныхъ мусульманскихъ державъ, которыя, всѣ вмѣстѣ взятыя, насчитываютъ едва 30 милліоновъ мусульманскаго населенія, рѣшилась заявить державамъ не мусульманскимъ, имѣющимъ подъ своей властью болѣе 120 милліоновъ мусульманъ-соннитовъ, что она считаетъ своею обязанностью сражаться съ этими державами, пока онѣ не примутъ ислама или не подчинятся мусульманамъ. Если мы можемъ быть увѣрены, что никогда ни одна изъ мусульманскихъ державъ не рискнетъ бросить въ лицо Европѣ такой вызовъ, то тѣмъ болѣе можемъ быть увѣрены, что никогда великій Пророкъ, бывшій безконечно умнѣе тѣхъ, кто посмѣлъ вложить въ его уста столь глупыя и противобщественныя слова, не могъ дойти до такой дерзости, какую виигъ и блестящимъ образомъ опровергли бы время, обстоятельства и дѣйствительность». — У г. Хомутова не возникаютъ подобныя соображенія, потому что онъ вовсе не знакомъ съ востокомъ, хотя живетъ и въ Ташкентѣ. — До чего доходитъ его невѣдѣніе, видно также изъ выраженія на стр. 295: «*Прежній наставникъ Таифа, Хаджаджъ*». Переводчикъ думаетъ, что Таифъ—это есть лицо. А Таифъ—это городъ! — По временамъ г. Хомутовъ считаетъ своей обязанностью указывать, что и на русскомъ языкѣ напечатано кое-что по тому или другому предмету. Такъ, онъ пере-

числяетъ всѣ жалкія студенческія работы, номѣщенные въ «Мисс. противомус. сборникъ», и пропускаетъ дѣйствительно солидный трудъ, помѣщенный тамъ же: «Очеркъ быта арабовъ въ эпоху Мухаммеда» Машанова (вып. XVII, Каз. 1885). Кромѣ того онъ не стѣсняется (стр. 154) рекомендовать читателямъ elaborarъ С. Уманца: «Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ исламѣ». Dis-moi, qui tu hantes,—je te dirai, qui tu es!

Мы такъ долго останавливались на книгѣ Гаури и ея русскомъ переводѣ потому, что въ русской литературѣ, совсѣмъ бѣдной сочиненіями по востоковѣднію, приходится считаться со *всякими* явленіями въ этой области. За неимѣніемъ хорошихъ сочиненій, будетъ имѣть успѣхъ въ русской публикѣ и книга Гаури, несмотря даже на ея дорогую цѣну (3 руб.). Недавно мы видѣли, какъ даже одинъ профессоръ собирался воспользоваться ею для учебныхъ цѣлей (правда, не университетскихъ). Если наша рецензія предостережетъ читателей отъ излишняго довѣрія къ названному сочиненію и заставитъ ихъ для разъясненія многихъ интересныхъ вопросовъ, затронутыхъ пасторомъ Гаури, обратиться къ другимъ, ужъ солиднымъ трудамъ, напр., къ недавно изданной «Исторіи ислама» Мюллера, то мы будемъ считать свою цѣль достигнутой.

А. Крымскій.

Человѣческія расы. Народы Африки. *Сост. подъ ред. Г. М. Пекаторосъ* (стр. 187 in 16°. Одесса. 1895. Общедоступная бібліотека. Серія II.—Человѣкъ).—Издатель и редакторъ книжки, заглавіе которой мы выписали,—г. Пекаторосъ, задаясь цѣлью «дать читателю съ среднимъ образованіемъ возможность составить за небольшой деньги бібліотеку по всѣмъ отраслямъ знанія», причеиъ серія 2-ая посвящена изученію человѣка. Въ нее, кромѣ названной книги, имѣютъ войти описаніе народовъ Азіи, Америки, Австраліи, и Европы, далѣе отдѣлы: «первобытный человѣкъ», «анатомія и физиологія человѣка и пр». Къ мысли издателя нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ, тѣмъ болѣе, что недостатокъ книгъ на русскомъ языкѣ, дающихъ популярныя свѣдѣнія о бытѣ различныхъ племенъ и народовъ, даетъ себя чувствовать уже давно. Естественно также, что къ изданію, подобному «бібліотекѣ» г. Пекаторосъ, мы не можемъ предъявлять тѣхъ-же требованій, какъ къ самостоятельному труду: составитель въ этихъ случаяхъ является лишь компиляторомъ, и находится въ тѣсной зависимости отъ избранныхъ имъ источниковъ; слѣдовательно, наибольшее вниманіе должно быть направлено на выборъ этихъ послѣднихъ, такъ какъ отъ него зависитъ и достоинство книги. «Предлагаемая вниманію читателя книга «Человѣческія расы», читаемъ мы въ предисловіи, составлена по сочиненіямъ Жиарда де-Ріаля, Э. Брандта, Э. Релю, Г. М. Стенли, Э. Петри, А. Ховелака и др. Мы не знаемъ, кто разумѣется подъ неопредѣленнымъ «и др.», но несомнѣнно, что если-бы составителю книги были извѣстны новѣйшія

ислѣдовація о доисторическомъ человѣкѣ, онъ едвали считалъ бы, что «существованіе отесанныхъ камней въ третичную эпоху неоспоримо болѣе», съ меньшимъ довѣріемъ относился бы къ существованію антропологика и къ попыткамъ опредѣлить физическій типъ обитателей зап. Европы въ дилювіальный періодъ. Подобныхъ ошибокъ можно было-бы указать въ большемъ количествѣ, что и заставляетъ желать, чтобы въ имѣющихъ появиться въ свѣтъ другихъ книжкахъ этого изданія источники были-бы выбираемы съ большей тщательностью; изученіе племенъ, населяющихъ Австралію, Америку, Азію еще далеко отъ своего окончанія: каждый годъ даритъ наукѣ рядъ цѣнныхъ монографій — результатъ трудовъ изслѣдователей и путешественниковъ. Эти труды вносятъ зачастую новый свѣтъ въ наши взгляды на тотъ или другой научный вопросъ, на культуру племени и заставляютъ измѣнять прежде существовавшія мнѣнія. Составленіе компилятивнаго труда на основаніи многочисленныхъ источниковъ представить виѣ сомнѣнія больше трудности, но такой трудъ принесетъ значительно больше пользы, въ особенности для читателей «съ среднимъ образованіемъ», которые обыкновенно не могутъ провѣрить предлагаемыя въ книгѣ факты и положенія. Будемъ надѣяться, что дальнѣйшіе выпуски избѣгнуть недостатковъ, вкравшихся въ первый томикъ, и составятъ дѣйствительно общедоступную бібліотеку по этнографіи, единственнымъ недостаткомъ которой осталось бы отсутствіе рисунковъ, помѣщенія которыхъ при дешевой (25 к.) цѣнѣ на выпускъ нельзя и требовать отъ издателя.

Н. Х.

М. Ковалевскій: *Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности, пер. М. Юлишина* (СПБ. 1895, стр. 149, 8°).

Карль Каутскій: *Возникновеніе брака и семьи* (СПБ. 1895, стр. 120, 8°).— Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ обогащеніе этнографической литературы на русскомъ языкѣ названными двумя переводными трудами. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ перу нашего знаменитаго ученаго М. М. Ковалевскаго и представляетъ переводъ лекцій, читанныхъ имъ въ Стокгольмскомъ университетѣ. Хотя эти лекціи на французскомъ языкѣ были напечатаны еще въ 1890 г.—въ русскомъ переводѣ онѣ появляются лишь пять лѣтъ спустя. Нельзя не пожалѣть, что интереснѣйшій трудъ М. М. Ковалевскаго, имѣющаго давно громкую извѣстность и какъ историкъ первобытнаго права, сдѣлался не раньше доступнымъ русскимъ читателямъ: широта взглядовъ, талантливое сопоставленіе и освѣщеніе фактовъ всегда являлись отличительными чертами его трудовъ, вслѣдствіе чего значеніе ихъ для русскихъ читателей, имѣющихъ въ распоряженіи лишь крайне ограниченную литературу по одному изъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ этнографіи, было громадно; это значеніе усиливается и тѣмъ, что авторъ привлекаетъ на ряду съ данными, почерпаемыми изъ иностранныхъ источниковъ, и факты, доставляемые русской этнографической лите-

ратурой, освѣщаетъ ихъ и такимъ образомъ доказываетъ, сколько интересныхъ и важныхъ въ научнои отношеніи наблюдений можетъ доставить науцѣ этнографическое изученіе Россіи.

К. Каутскій, правда, не принадлежитъ къ первостепеннымъ ученымъ, направляющимъ свои силы на изученіе исторіи развитія брака и семьи; но онъ высказываетъ много интересныхъ и оригинальныхъ взглядовъ по названнымъ вопросамъ, и уже это одно вполне оправдывало бы появленіе названной работы его въ русскомъ переводѣ. Но и помимо этого мы должны были бы отнестись съ благодарностью къ переводчику за принятый имъ на себя трудъ: наша отечественная литература руководящихъ сочиненій по этнографіи крайне бѣдна, а работы на иностранныхъ языкахъ мало еще доступны. Между тѣмъ въ странѣ, представляющей столь богатую почву для этнографическихъ изслѣдованій, какъ Россія, этотъ недостатокъ чувствуется съ особенной силой. Если вспомнить, какое важное значеніе имѣли въ дѣлѣ развитія у насъ интереса къ этнографіи переводы трудовъ Тайлора, Спенсера, Леббока и др., не можетъ оставаться сомнѣнія въ цѣлесообразности изданія переводовъ сочиненій и другихъ многочисленныхъ иностранныхъ этнографовъ, и переводчики, дѣлающіе ихъ доступными русскимъ читателямъ, приносятъ большую пользу нашему отечествовѣдѣнію, такъ какъ только знакомство съ общими вопросами даетъ возможность отнестись сознательно къ собиранію сырого матеріала. Развитіе же сознательнаго отношенія къ отечествовѣдѣнію знаменуетъ собой и прогрессъ умственнаго развитія общества.

Н. Х.

А. И. Бодуэнъ де-Куртене: Матеріалы для южно-славянской діалектологіи и этнографіи. Спб. 1895 г. 8°. XLVII+708. Ц. 6 р.

Проф. А. И. Бодуэнъ де-Куртене посвятилъ уже цѣлый рядъ работъ изслѣдованію языка и быта Резьянъ, небольшой кучки юго-славянъ (словенской семьи), затерявшихся далеко на западѣ среди итальянскаго населенія, въ сѣверной Италіи, постепенно исчезающихъ подъ вліяніемъ итальянскаго, частью нѣмецкаго населенія. Еще въ 1875 г. (Лейпцигъ) имъ изданъ *Опытъ фонетики Резьянскихъ говоровъ съ приложеніемъ Резьянскаго катехизиса* (см. 19 Присуд. Увар. премій 1878, стр. 3, 397—420), въ 1876 г. имъ изданъ этнографич. очеркъ *Резья и Резьяне* (Слав. сборн., стр. 223—371; см. также 19 Прис. Ув. пр., стр. 412—420); за ними слѣдовали *Глоттологическія замѣтки*, посвященныя разбору иноземнаго вліянія на резьянскіе говоры. Теперь имъ изданъ, съ краткимъ введеніемъ на нѣмецкомъ языкѣ, сборникъ матеріаловъ по этому говору, собранный имъ въ 1872, 1873 и 1878 гг., съ приложеніемъ напѣвовъ резьянскихъ пѣсенъ, нотъ, записанныхъ г-жей Элли фонъ-Шульцъ-Адаевской*). Всѣ

*) Та-же г-жа Шульцъ-Адаевская собрала мотивы къ бѣлорусскимъ и польскимъ пѣснямъ въ Сокольскомъ уездѣ, Гродненской губ., тексты которыхъ записаны

матеріалы снабжены подстрочнымъ нѣмецкимъ переводомъ, раздѣлены на группы по содержанію и по мѣстностямъ. Преобладающая масса матеріала — разговоры: отдѣльныя фразы, отдѣльныя слова. Разказы, сказки, легенды, загадки — всѣ почти извѣстны уже по-русски изъ упомянутой статьи «Резья и Резьяне». Новость составляютъ матеріалы 1878 года, поправки къ нимъ на основаніи путешествій Бодуэна де-Куртенэ 1890—93 гг., а затѣмъ матеріалы, собранные г-жей Шульдц-Адаевской (сказки, преимущ. пѣсни, снабжены частью итальянскимъ переводомъ). Въ концѣ (VI часть) перепечатанъ резьянскій катехизисъ и приложены упомянутыя ноты. Такимъ образомъ въ данномъ томѣ Б. де-Куртенэ свелъ въ одно весь матеріалъ, до сихъ поръ собранный по языку и литературѣ Резьянъ. Записи сдѣланы необыкновенно тщательно, съ цѣлымъ рядомъ приспособленій обычнаго шрифта ко всѣмъ тонкостямъ резьянскаго говора.

М. Сп.

Арс. Маркевичъ: Тауґіса. Опытъ указателя сочиненій, касающихся Крыма и Таврической губ. (Симферополь. 1894 г. 8° стр. 394). — Польза указателей, подобныхъ вышеназванному, слишкомъ очевидна, чтобы о ней распространяться: кромѣ облегченія при занятіяхъ извѣстной областью, возможности ориентироваться въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, статьяхъ и замѣткахъ, библиографическіе указатели даютъ возможность уснить, что сдѣлано для изученія данной области, и что еще остается сдѣлать. Если разсматривать съ этой точки зрѣнія этнографическую литературу о Крымѣ, по указателю г. Маркевича (отд. II и дополненія ко II-му отд.), нельзя не обратить вниманія на сравнительную ея бѣдность; оставивъ въ сторонѣ свѣдѣнія, дошедшія до насъ объ обитателяхъ Крыма отъ протѣлыхъ вѣковъ, мы найдемъ лишь незначительное количество сочиненій, посвященныхъ описанію современныхъ обычаевъ и обрядовъ разнохарактернаго населенія полуострова; безъинтересенъ фактъ, что количество этнографическихъ работъ по Крыму значительно упало за послѣднія полтора десятилѣтія, сравнительно съ періодомъ, когда Крымъ былъ менѣе доступенъ, благодаря отсутствію жел. дороги, и не былъ еще ежегодно наводняемъ тысячами посѣтителей.

Обращаясь къ исполненію г. Маркевичемъ своей задачи, мы должны оговориться, что составленіе указателей представляетъ всегда настолько значительный трудъ, что нѣкоторые пробѣлы и недостатки не должны быть ставимы въ вину автору. Несомнѣнно, по недосмотру въ число крымскихъ татаръ авторъ включилъ и качинскихъ татаръ (соч. кн. Кострова); въ нѣкоторыхъ случаяхъ допущены опечатки какъ въ фамиліяхъ авторовъ или издателей, такъ и въ указаніи стра-

санн также г. Бодуэномъ-де-Куртенэ. Этотъ матеріалъ напечатанъ недавно въ Краковскомъ академич. изданіи: „Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej“, т. XVI (стр. 219—239), добавленіе и поправки см. въ т. XVIII (стр. 225—231).
Ред.

ницъ и т. п. Но все это не лишаетъ работу г. Маркевича серьезнаго значенія, которое она имѣетъ, такъ какъ представляетъ единственный по своей обширности и полнотѣ библиографическій указатель по разнымъ областямъ кримвѣдѣнія.

Н. Х.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло: *Описание Амурской области, подъ ред. П. П. Семенова* (стр. V+639, 8°, съ картой. Спб. 1894). Трудъ, заглавіе котораго мы выписали, имѣетъ цѣлью свести воедино имѣющейся матеріалъ по изученію области въ отношеніяхъ географическомъ, этнографическомъ и экономическомъ. «При разработкѣ превзойшедшихъ всѣ наши ожиданія своимъ богатствомъ и разнообразіемъ матеріаловъ, Г. Е. Грумъ-Гржимайло, согласно моимъ указаніямъ, пишетъ П. П. Семеновъ, настойчиво придерживался правила, усвоеннаго мною отъ незабвеннаго моего учителя, Карла Риттера — разрабатывать всѣ доступные автору матеріалы исчерпывающимъ образомъ, не выхватывая только нѣкоторые изъ нихъ на выдержку, а на оборотъ, не пропуская ни одного изъ показаній объ изслѣдуемой странѣ, и сопоставляя ихъ между собой, приходитъ къ выводамъ не иначе, какъ по тщательной, сравнительной и критической ихъ оцѣнкѣ». Такое подведеніе итоговъ крайне важно между прочимъ и потому, что голько такимъ путемъ дается полная возможность судить, что остается еще сдѣлать для полнаго изученія извѣстной области. Имѣя въ виду отдаленность Амурской области отъ центровъ просвѣщенія, трудности, съ которыми сопряжено изученіе ея даже мѣстными учеными силами, количество собраннаго матеріала оказывается очень богатымъ, но это богатство, конечно, лишь относительное, въ особенности насколько это касается изучения быта разнохарактернаго по своему составу и культурному уровню населенія области.

Наиболѣе интересными для этнографіи являются гл. I («Историческій очеркъ судебъ Амурскаго края») и гл. IX—XII («Иностранческое населеніе Ам. обл.»; «Русское населеніе, распредѣленіе его по населеннымъ мѣстамъ области и экономическое положеніе послѣднихъ»; «Сельское хозяйство русскаго населенія» и «Неземледѣльческая промышленность русск. населенія, торговые пути и торговля»). Эти главы, представляя прекрасную картину нашихъ свѣдѣній о населеніи области, служатъ вѣсть съ тѣмъ и доказательствомъ, какое обширное поле остается еще неизслѣдованнымъ въ этнографическомъ отношеніи, какъ много можно еще ожидать, если труды мѣстныхъ научныхъ силъ будутъ направлены на подробное ознакомленіе со всеми сторонами быта населенія области.

Въ указанномъ трудѣ мы обращаемъ вниманіе, какъ на особенно отрадный фактъ, что составители удѣлили не мало мѣста и изученію русскаго населенія: въ мѣстностяхъ, населенныхъ инородцами, подвергающимися вліянію своихъ сосѣдей и подъ этимъ вліяніемъ утрачивающими свои особенности, этнографическія изслѣдованія обращаются

преимущественно на изучение быта ихъ, такъ какъ опъ даетъ намъ подчасъ неоцѣненные свѣдѣнія для сравнительной этнографіи и позволяетъ вблизи наблюдать стадіи развитія, отъ которыхъ далеко ушли болѣе цивилизованные народы. Но не менѣе интереса должно представлять для науки этнографіи и изучение быта болѣе позднихъ колонизаторовъ—русскихъ: подъ вліяніемъ среды происходятъ измѣненія въ формѣ быта; эти измѣненія захватываютъ подчасъ не только матеріальную культуру, но оказываютъ существенное вліяніе и на правые взгляды, даже на религиозныя представленія. Изучение этихъ измѣненій и условій, ихъ регулирующихъ, составитъ, внѣ сомнѣнія, видный вкладъ въ науку Составитель главъ, касающихся русскаго населенія Амурской области, П. П. Семеновъ, былъ вынужденъ ограничиться преимущественно экономическимъ бытомъ: было-бы желательнымъ, чтобы дальнѣйшія изслѣдованія, на ряду съ изученіемъ инородцевъ, не оставляли въ сторонѣ и русское населеніе, чѣмъ они окажутъ существенную услугу нашему отечествовѣднію.

Н. Х.

Протоколы Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Имп. Руси. Географическаго Общества.

Оживленіе научнаго изслѣдованія Сибири должно быть привѣтствуемо съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что какъ ни обширна наша литература о Сибири по вопросамъ этнографіи, археологіи, антропологіи и географіи, Сибирь все еще продолжаетъ оставаться страной неизслѣдованной, гдѣ ученый постоянно наталкивается на новые факты, изученіе и освѣщеніе которыхъ должно, взятое въ совокупности, въ значительной степени обогатить и дополнить имѣющійся у насъ сравнительно скудный запасъ свѣдѣній о современномъ и прошломъ бытѣ населенія Азиатской Россіи. Троицкосавско-Кяхтинское Отдѣленіе Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О. открыло свои дѣйствія недавно, но благодаря кружку лицъ, работающихъ энергично и преданныхъ научнымъ изслѣдованіямъ, оно успѣло зарекомендовать себя рядомъ интересныхъ трудовъ и этимъ завоевать себѣ видное положеніе среди ученыхъ обществъ, посвящающихъ свои силы разработкѣ мѣстныхъ вопросовъ этнографіи, археологіи и антропологіи. Изданные протоколы засѣданій Отдѣленія служатъ лучшимъ доказательствомъ, какъ широко понимаютъ члены отдѣленія свои задачи и съ какой энергіей они стремятся къ достиженію намѣченной цѣли изслѣдованія края. Такъ, напр., въ протоколѣ *засѣданія 23 ноября 1894 г.* помѣщены интересные доклады: *А. П. Мостица*: Объ археологическихъ находкахъ въ окрестностяхъ слободы Усть-Кяхты, *Ю. Д. Талыко-Гринцевича*: О человѣческихъ костяхъ, найденныхъ въ окрестностяхъ слободы Усть-Кяхты, и *Д. А. Клеменца*: Замѣтка о Хангаѣ. *А. П. Мостица* изслѣдовалъ въ ближайшихъ окрестностяхъ слободы Усть-Кяхты нѣсколько стоянокъ, давшихъ значительное количество каменныхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ издѣлій; наиболѣе

богатой археологическимъ матеріаломъ оказалась стоянка на р. Савѣ, притокѣ Селенги; особенный интересъ представляютъ предметы каменнаго вѣка (наконечники стрѣлъ, скребки), причѣмъ найденные нуклеусы съ мелкими безформенными осколками служатъ доказательствомъ, что производство каменныхъ орудій совершалось на мѣстѣ; не менѣе интересны и орнаментированные черепки глиняной посуды, открытыя въ стоянкѣ. Найденные изслѣдователемъ мѣдные предметы представляли различной формы наконечники стрѣлъ и ножи; наконецъ былъ пайденъ котелъ т. наз. «скинскаго типа». Желѣзные вещи по древности г. Мостиць относить къ 2—3 вѣкамъ до нашего времени. Говоря о стрѣлкахъ, добытыхъ археологическими изысканіями, авторъ доклада попутно сообщаетъ суевѣрныя представленія бурятъ и мѣстныхъ русскихъ, соединяемыя съ находимыми случайно древними стрѣлками. Найденныя при этихъ раскопкахъ человѣческія кости составили предметъ доклада *Ю. Д. Талько-Гриницка*, рассмотрѣвшаго ихъ съ антропологической точки зрѣнія и давшаго имъ научное освѣщеніе. Подобное параллельное изученіе слѣдовъ человѣка съ археологической и антропологической точекъ зрѣнія заслуживаетъ тѣмъ большаго сочувствія, что къ сожалѣнію до послѣдняго времени случается весьма часто, что остеологическій матеріалъ, добытый при археологическихъ изысканіяхъ, не останавливаетъ въ достаточной степени вниманія специалистовъ. Антропологи посвященъ и другой рефератъ *г. Талько-Гриницка*: Случай врожденной деформаци черепа, читанный въ засѣданіи 22-го февраля 1895 г.; авторъ отмѣтилъ и научно освѣтилъ случай скафоцефалической деформаци черепа. Другое сообщеніе, читанное въ томъ-же засѣданіи, принадлежитъ *Г. М. Осокину*: Матеріалы для этнографіи западнаго Байкаля. Авторъ доклада производилъ свои этнографическія наблюденія въ районѣ р. Селенги отъ селенія Усть-Кяхты до Байкала, притока ея Чикоя и пограничной съ Монголіей полосы отъ Наунипскаго караула до Шарагольскаго; въ упомянутомъ докладѣ г. Осокинъ сообщаетъ преданія, сказки, повѣрія, примѣты и пр. среди русскаго населенія названной мѣстности (Преданія: какъ море Байкаль сдѣлалось, о двуязыльныхъ людяхъ, о пещерѣ съ золотымъ владомъ, Устинина могила, о зеленомъ гадѣ; двѣ сказки; повѣрія и примѣты при рожденіи, бракѣ, смерти и похоронахъ и пр.; свѣдѣнія о ворожбѣ, колдовствѣ и знахарствѣ у русскихъ и бурятъ). Въ виду того, что въ районѣ изслѣдованій г. Осокина происходитъ сильное взаимодѣйствіе русскихъ и бурятъ, свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, получаютъ особенный интересъ, вслѣдствіе чего нельзя не пожелать автору полнаго успѣха въ продолженіи его плодотворныхъ изслѣдованій.

Н. Х.

В. Васильевъ: Географія Тибета, *перев. изъ тибетскаго сочиненія Миньчжунъ Хутукты* (СПб. 1895. 8°, стр. 95). «Географія Тибета» является частью всеобщей географіи, составленной бывшимъ

въ 20-хъ и 30-хъ годахъ помощникомъ консисторіальнаго управителя ламами въ Пекинѣ Миньчжудъ Хутуктой (+1839 г.). Краткая географія всего міра, составленная имъ на основаніи разспросовъ европейцевъ, въ частности и извѣстнаго О. М. Ковалевскаго, представляеть естественно мало интереса, вслѣдствіе чего переводчикъ опубликовалъ лишь ту часть, гдѣ авторъ говоритъ уже отъ себя о Тибетѣ и по свѣдѣніямъ, собраннымъ не отъ европейцевъ, — отъ Индіи. Интересъ «географіи» особенно усиливается тѣмъ, что авторъ подробно останавливается на святыняхъ Тибета, перечисляеть и описываетъ многочисленныя монастыри, предметы культа, хранящіяся въ нихъ, отмѣчаетъ количество духовныхъ лицъ, мѣстонахождение различныхъ школъ и пр. Вслѣдствіе этого трудъ М.-Хутукты можетъ быть названнымъ «путеводителемъ по святымъ мѣстамъ Тибета» и какъ таковой даетъ много интересныхъ свѣдѣній для этнографіи, тѣмъ болѣе, что попутно сообщаются и легенды о происхожденіи того или иного мѣста поклоненія. Въ сожалѣнію о святыняхъ Хляссы авторъ говоритъ сравнительно кратко, ссылаясь на «Хлассійскій Каталогъ, составленный всевѣдущимъ Чжам-янъ Гавіи Шейньен'омъ». Миньчжудъ Хутукта безусловно вѣруеть въ подлинность тибетскихъ, святынь это придаетъ его разсказу характеръ свѣжести и оригинальности; онъ рѣзко нападаетъ на отрицающихъ подлинность святынь: такъ напр., разсказывая о мѣстѣ рожденія Цзонхавы, онъ замѣчаетъ: «здѣсь на мѣстѣ, гдѣ онъ родился, стоитъ великій монастырь Гумбумъ, въ которомъ есть дерево бѣлаго сандала, о которомъ говорятъ, что оно выросло изъ крови, текшей при рожденіи Цзонхавы, и такъ какъ на листьяхъ его явились сами собой 100,000 тѣлъ (изображеній сГуавумъ) Чжалва Сенге Игаро, поэтому (монастырь) и называется Гумбумомъ. Даже и понынь на листьяхъ сандалнаго дерева и на корѣ существуетъ множество изображеній кумировъ и буквъ. Нѣкоторые наши амдосцы, продолжаетъ авторъ, не знающіе никакой критики, говорятъ, что это начертано иглой на деревѣ, но это суть люди злонамѣренно неблагоговѣющіе и невѣрующіе, что великій Цзонхава есть основатель дГэлугбійскаго ученія... Но глядя на тѣхъ, которые не признаютъ видимаго предъ глазами, а считаютъ за правду, что ни скажешь, поэтому въ такихъ нѣтъ ни капли ума! Если значеніе названнаго труда и умаляется, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ Тибета, то для этнографа онъ во всякомъ случаѣ не теряетъ своей цѣнности, и нельзя не благодарить нашего извѣстнаго синолога за ознакомленіе русской публики съ трудомъ Миньчжудъ Хутукты.

Н. Х.

Travaux géographiques exécutés en Finlande.—А. О. Heikel: *Explorations ethnologiques.* (*Оттискъ изъ Трудовъ Фин. Геогр. Общ.* 15 стр. 8°).

Эта небольшая замѣтка принадлежитъ перу извѣстнаго финляндскаго ученаго и изслѣдователя А. Гейкеля, автора цѣнныхъ монографій по описанію современныхъ типовъ построекъ у финновъ и по изученію

древностей западной Сибири; цѣль ея познакомить иностранцевъ съ тѣмъ вкладомъ въ этнологію, который внесены финляндскими учеными: главнымъ образомъ труды плеяды французскихъ ученыхъ были направлены на изученіе финскихъ народностей, многочисленныя представители которыхъ разсѣяны какъ въ европейской, такъ и азіатской Россіи. Сообразно задачамъ, которыя преслѣдовались при изученіи, авторъ въ своемъ обзорѣ дѣлитъ ученыхъ на три группы: 1) занимавшихся собраніемъ намятниковъ народнаго творчества, 2) посвятившихъ себя изученію языковѣднія и 3) совершавшихъ путешествія съ цѣлью собранія этнографическихъ и археологическихъ данныхъ. Труды такихъ крупныхъ изслѣдователей какъ Ленротъ, Шегренъ, Кастрень, Аслеинъ, Алквистъ и самого автора, хорошо извѣстны въ Россіи, и заслуги ихъ оцѣнены наукой; но рядомъ съ этими именами стоитъ и цѣлый рядъ другихъ менѣе извѣстныхъ тружениковъ, работы которыхъ или не дали такихъ крупныхъ результатовъ, или пользуются меньшей извѣстностью оттого, что, будучи напечатаны на мало распространенномъ языкѣ, онѣ оказываются менѣе доступными для иностранныхъ изслѣдователей. О пользѣ предпринятаго г. Гейкелемъ обзора едва ли слѣдуетъ распространяться; но именно вслѣдствіе той пользы, которая приносится подобными изданіями, мы не можемъ не пожалѣть, что авторъ ограничился лишь крайне бѣглымъ очеркомъ и относительно работъ многихъ изслѣдователей не указалъ, гдѣ появились въ печати ихъ труды: подобное указаніе было-бы тѣмъ болѣе цѣннымъ, что часто эти труды печатались въ мало доступныхъ изданіяхъ. Кромѣ того „обзоръ“ г. Гейкеля, давая яркую картину количественнаго участія финляндскихъ ученыхъ въ дѣлѣ всесторонняго изслѣдованія быта финновъ, къ сожалѣнію, не даетъ ихъ качественной оцѣнки, вслѣдствіе чего, если ограничиваться исключительно свѣдѣніями, сообщаемыми «обзоромъ», читатель не въ состояніи вынести яснаго представленія о пользѣ, принесенной трудами этихъ ученыхъ, въ особенности, когда рѣчь идетъ о менѣе извѣстныхъ изслѣдователяхъ. Наконецъ такого рода оцѣнка дала бы возможность выяснитъ вопросъ о движеніи науки этнографіи въ Финляндіи: на мѣстныхъ ученыхъ отражались господствовавшія въ наукѣ теоріи, недостатокъ матеріала вліялъ часто на нѣкоторую поспѣшность выводовъ, которые измѣнялись подчасъ кореннымъ образомъ, благодаря новымъ изысканіямъ въ той же области и т. д. Естественно, что мы не можемъ ставить въ вину автору то, что онъ не расширилъ въ указанномъ направленіи рамокъ своего труда, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не высказать сожалѣнія, что читатель-иностранецъ, которому мало приходилось сталкиваться съ вопросомъ объ изученіи финскаго племени и для котораго, повидимому и составленъ «обзоръ», основываясь на немъ, не будетъ въ состояніи отвести финляндскимъ ученымъ и изслѣдователямъ то мѣсто въ общемъ движеніи изученія этнографіи, которое они заслуживаютъ.

Труды IX-го Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ 1893 года, т. I. (подъ ред. гр. П. С. Уваровой и С. С. Случкаго; М. 1895; 4°, стр. 304 + 65, съ 91 рис. въ текстъ, 10 табл. рис. и 1 картою). Среди обширнаго количества работъ, составляющихъ содержаніе I т. «Трудовъ» Виленскаго Съѣзда, и посвященныхъ изученію археологіи и исторіи Россіи, находится и не мало матеріала по доисторической и исторической этнографіи: мы будемъ разсматривать работы Съѣзда исключительно съ точки зрѣнія этого матеріала. Извѣстный изслѣдователь древняго быта и исторіи прибалтійскихъ губерній пасторъ А. Биленштейнъ въ статьѣ: *Le village d'Apoule dans le gouv. de Kowno et la ville finnoise Apulia*, разбираетъ слѣд. вопросы: 1) историческія свидѣтельства о городѣ куровъ Апулія, 2) о мѣстонахожденіи его и 3) о національности куровъ. Авторъ соглашается съ возможностью отождествить древнюю Апулію съ мѣстностью у дер. Агуле въ Тельшевск. у. Ковенск. губ., что позволяетъ приблизительно опредѣлить границы распространенія куровъ въ половинѣ IX в., когда упоминаніе объ этомъ городѣ встрѣчается въ *vita Anskarîi* при описаніи похода шведовъ на куровъ. Относительно національности куровъ IX в., паст. Биленштейнъ, не отрицая, что въ ихъ средѣ находился позже проникнувшій въ совр. Курляндію финскій элементъ (ливы), считаетъ ихъ за латышей. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что этотъ выводъ автора, основанный на историческомъ матеріалѣ, относящемся къ значительно болѣе поздней эпохѣ, именно къ XIII и слѣдующимъ вв., и на изученіи названій мѣстностей, среди которыхъ % финскихъ названій сравнительно съ латышскими незначителенъ, требуетъ нѣкотораго подтвержденія, такъ какъ нѣтъ достаточно основанія предполагать, что за столѣтія, протекшія отъ IX до XIII вв., не произошло серьезныхъ измѣненій въ этнографическомъ составѣ Курляндіи. Объясненіе, даваемое авторомъ названію мѣстности *Bihavelanc* изъ нѣмецкаго «*bei dem Haffentlang*» кажется черезчуръ наивнымъ. Статья А. И. Селиванова «о раскопкахъ Борковскаго могильника», въ которой авторъ даетъ краткій отчетъ о раскопкахъ и находкахъ въ этомъ интересномъ могильникѣ, послѣ работъ по этому же вопросу г. Черепнина, о которыхъ уже упоминалось въ «Этногр. Обзор.» представляетъ мало новаго. Интересны помѣщенные въ статьѣ рисунки, могущіе служить до нѣкоторой степени иллюстраціей къ статьѣ г. Черепнина объ одеждѣ погребеннаго въ названномъ могильникѣ народа *). А. А. Кочубинскій въ ст.: «Литовскій языкъ и наша старина», разбираетъ вопросъ о происхожденіи литовскаго термина для соли — *druskà*; авторъ склоненъ объяснить его происхожденіе фактомъ, что соль получалась литовцами изъ литовскаго торговаго города *Tviso*, лежавшаго на р. Эльбингъ, недалеко отъ впаденія ея въ Фришъ-гафъ. По аналогіи съ объясненіемъ авторомъ русской единицы вѣса *берковецъ* отъ древняго шведскаго города *Берки*, *Бирки* (т. е. вѣсъ г. Берки), — лит. *druskà*

*) См. Этногр. Обзор. кн. XXVI, стр. 151.

значить, по мнѣнію г. Кочубинскаго, вещь, предметъ изъ Truso. Авторъ впрочемъ самъ сознается, что для принятія его гипотезы встрѣчаются нѣкоторыя лингвистическія затрудненія. — Работы гг. *Покровскаго*, *Затинковича* и *Фурсова* по изслѣдованію могильныхъ памятниковъ въ Виленской, Бовенской, Минской и Могилевской губ. даютъ немало-важный матеріалъ для изученія какъ похоронныхъ обрядовъ, такъ и культуры древнихъ обитателей указанныхъ мѣстностей, равно и торговыхъ сношеній края въ древности: *А. Θ. Мержинскій* въ статьѣ «О надровскомъ жрецѣ огня, Криве», подвергаетъ критическому разбору господствующее мнѣніе о существованіи верховной жреческой должности *Криве*, носители которой были будто бы облечены широкой властью надъ всѣмъ литовскимъ племенемъ. Единственнымъ достовѣрнымъ источникомъ, говорящимъ о Криве, — Дусбургъ (2 пол. XIII ст. и нач. XIV ст.): подробный разборъ и критическая оцѣнка этого источника, приводятъ автора къ заключенію, что показанія Дусбурга слѣдуетъ понимать лишь въ смыслѣ существованія въ Надровіи вліятельнаго жреца, личное имя котораго было Криве, слѣдовательно о должности, носившей это названіе, не можетъ быть и рѣчи. Криве Дусбурга былъ послѣднимъ жрецомъ огня въ Надровіи. — Небольшая замѣтка *В. С. Данилевича*: «Монетныеклады Киевской губ. до 1 четверти XV ст.», суммируетъ свѣдѣнія о находкахъ монетъ въ Киевской губ. и даетъ довольно ясное представленіе о торговыхъ сношеніяхъ древнихъ киевлянъ. Торговля шла преимущественно по Днѣпру; движеніе торговли по Бугу было незначительно и скоро прекратилось; это можно заключить изъ того, что по Бугу найдены только греческія и римскія монеты. Торговля съ черноморскими греческими колоніями началась повидимому вѣка за два до нашей эры; приблизительно съ началомъ нашего лѣтосчисленія торговля переходитъ въ руки римлянъ. Но въ III — IV в. эти сношенія значительно ослабѣли, и авторъ склоненъ объяснять это явленіе съ одной стороны положеніемъ имперіи по смерти Коммода, съ другой стороны занятіемъ южной части Россіи готами и гуннами. Торговля съ Византіей начинается еще съ VI в., а съ арабами съ VIII в. Монетъ западныхъ найдено крайне мало (два клада съ германскими монетами царств. Генриха II), что до извѣстной степени указываетъ, что торговля съ западомъ не находилась непосредственно въ рукахъ киевлянъ. Къ статьѣ приложена карта кладовъ Киевской губ. — *А. И. Маркевичъ* въ ст.: «Къ вопросу о народахъ, жившихъ въ древнее время въ Черноморіи», описываетъ 3 памятника, на которыхъ находятся изображенія какого-то варварскаго народа; авторъ склоненъ считать ихъ за изображенія еракійцевъ. Вопросъ о національности лицъ, изображенныхъ на указанныхъ памятникахъ, едва ли можетъ быть опредѣленно рѣшенъ въ настоящее время, чѣмъ однако не умаляется ихъ интересъ, такъ какъ они могутъ пролить лучъ свѣта на вопросъ о типѣ и одеждѣ одного изъ племенъ варварскихъ, жившихъ въ древности въ Черноморіи, какъ это сдѣлано относительно скибовъ.

Въ этомъ же томѣ «Трудовъ» помѣщено интересное изслѣдованіе *Д. Н. Анучина*: «Амулетъ изъ человѣческой кости», о которомъ мы имѣли уже случай говорить на страницахъ нашего изданія (см. Этнограф. Об. XV). Наконецъ, статьи г. *Площанскаго* (Акты холмскихъ судовъ XV—XXII вв.) и о. *Льва Павскаго* (Жировицкій и Брестъ-Литовскій архивы) даютъ небезынтересныя указанія для желающихъ заняться въ нихъ не только вопросами исторіи, но и этнографіи края. Н. Х.

В. С. Свѣтловъ: Кавказскія преданія и легенды. Спб. 1895.— Эта небольшая книжка въ 265 стр. in 8° заключаетъ въ себѣ слѣдующія легенды: «Томиранда», «Духи горнаго монастыря», «Красавица Эхсиана», «Два мудрыхъ совѣта», «Старый Гудъ», «Ночи Тамары», «Шатеръ Авраама». «Томиранда», амазонская легенда кавказскаго побережья Чернаго моря, составлена по источникамъ, помѣщавшимся въ «Кавказскомъ Сборникѣ» и «Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ». Эта любопытная легенда авторомъ книжки изложена на 90 страницахъ, разбавленная иногда правдоподобными, но чаще фантастическими дополненіями. Сущность легенды заключается въ томъ, что женщины черноморскаго (?) побережья, недовольныя продолжительнымъ отсутствіемъ мужчинъ въ азиатскихъ походахъ, рѣшаются образовать самостоятельное государство, царицей котораго избирается безстрашная Томиранда. Она первая головешкой изъ горящаго костра прижигаетъ себѣ правую грудь, и ея примѣру слѣдуютъ другія. Деспотизмъ мужей смѣняется гнетомъ Томиранды, которая издаетъ неумолимые законы, карающіе всякія нѣжныя чувства и сношенія съ мужчинами. Изъ честолюбія она требуетъ обоготворенія, и ея статуямъ воздаются божескія почести. Недовольство въ ея свѣтѣ и подданныхъ непрерывно усиливается, а разочарованіе въ ея божественномъ происхожденіи влечетъ за собою бунтъ. Томиранда, опасаясь за судьбу царства и вымираніе амазонокъ, разрѣшаетъ въ годъ разъ, весною, на два мѣсяца, выходить въ долину передъ городомъ для «брачныхъ ночей» съ пастухами изъ сосѣднихъ земель. Сама царица сошла съ «бѣлокуримъ пастухомъ», чтобы дать царству преименію по себѣ, ибо родившихся сыновей рѣшено было умерщвлять, а дѣвочекъ воспитывать. За измѣну мужа, влюбившагося въ одну прекрасную особу—Фему, Томиранда проливаетъ кровь своихъ подданныхъ, которыя влекутъ царицу съ мужемъ въ подземелье и погребаютъ ихъ тамъ подъ тяжелымъ камнемъ. Говорятъ, что по смерти Томиранды амазонки управлялись по примѣру своихъ сосѣдей—пастуховъ—общимъ совѣтомъ, а Томирандѣ продолжали воздавать божескія почести.—Легенда «Ночи Тамары» основана на томъ преданіи, которое легло въ основаніе стихотворенія Лермонтова «Въ глубокомъ ущельѣ Дарьяла, гдѣ роется Терекъ во мглѣ, старинная башня стояла, чернѣя на темной скалѣ». Въ связи съ этой легендой г. Свѣтловымъ приводится то преданіе, которое извѣстно намъ по прекрасному стихотворному

изложенію В. Л. Величка «Горійская башня». Юноша, доставившій царицѣ перелетѣвшаго на противоположную сторону разбушевавашагося Терека любимаго ястреба, былъ будто-бы осетинъ Сосланъ (мужъ Тамары?). Онъ приплываетъ къ берегу, передаетъ царицѣ ястреба, и въ этотъ моментъ бурная волна Терека поглощаетъ его. Тамара, будто-бы, въ отишеніе построила тутъ же замокъ и проводила въ немъ страстныя ночи въ объятіяхъ путника, а на другой день его спускали въ волны Терека. Роковой напитокъ она подносить и явившемуся (съ того свѣта) Сослану, который погибаетъ отъ яда, а утромъ сама царица съ горя изъ окна кидается въ Терекъ. — Легенда «Старый Гудъ», написанная въ поэтическихъ краскахъ, передаетъ одно изъ повѣрій кавказскихъ горцевъ, что горный духъ обладаетъ человѣческими страстями, влюбляется въ земныя существа и въ своихъ, то холодныхъ, то горячихъ объятіяхъ губить завоевавшую его сердце особу. Въ этой легендѣ жертвой Гуда дѣлается прекрасная Нина, которую ревнивый духъ забрасываетъ заваломъ вмѣстѣ съ ея поклонникомъ Заурбекомъ.

Легенда «Шатеръ Авраама», который указывается на вершинѣ Казбека, передаетъ одну изъ тщетныхъ попытокъ смертнаго проникнуть въ этотъ таинственный уголокъ. Изъ желанія добыть богатый калымъ для полученія руки Кетеваны, Ваню, герой легенды, поднимается за туромъ все выше въ горы, но здѣсь имъ овладѣваетъ раскаяніе, покорность судьбѣ, въ виду открывшейся мрачной бездны, которая угрожала своимъ адскимъ мракомъ. Въ искушеніе своего грѣха онъ воздвигаетъ храмъ у подножія Казбека...

Попутно съ сообщеніемъ легендъ, книжка г. Свѣтлова даетъ рядъ удачныхъ картинъ природы Кавказа, которыя иногда проникнуты и теплотою чувства. Книжка доставитъ удовольствіе кавказскимъ туристамъ.

А. Хак — овь.

Еще нѣсколько образцовъ народныхъ историческихъ пѣсенъ, записанныхъ во Владимірской губ. Записалъ и издалъ М. Бережковъ. Нѣжинъ. 1895 г., in 4, 31 стр.

Нѣсколько годовъ къ ряду проживая лѣтомъ въ с. Бережкѣ, Юрьевского у., Владимірской губ., г. Бережковъ однажды узналъ по слуху, что въ селѣ есть лицо, которое знаетъ пѣсни про короля шведскаго, про царя Ивана Васильевича и жену его Марью Темрюковну, и даже про князя Владимира, про Василису Микулишну и Ставра Годиновича. Лицомъ этимъ оказалась Катерина Алексѣевна Бережкова, ночтенная дѣвица духовнаго званія, довольно пожилая, давно состоящая просвирнею при мѣстной церкви. Пѣсни она помнитъ со словъ своей матери, бывшей діаконицы того же села, которая грамоты не знала и сказывала пѣсни также со словеснаго преданія. Сама Катерина Алексѣевна читаетъ. Отъ нея г. Бережковъ записалъ 4 пѣсни. Тутъ же въ селѣ нашлась другая сказительница, вдова причетника, Катерина Ивановна Альбицкая, отъ которой г. Бережковъ записалъ три пѣсни. Последняя,

восьмая пѣсня была записана собирателемъ въ родной семьѣ. Эти пѣсни, записанныя еще въ 1883 — 85 гг., были изданы только въ истекшемъ году, съ краткимъ предисловіемъ, откуда мы почерпнули приведенныя свѣдѣнія, и съ примѣчаніемъ, содержащимъ указаніе вариантовъ и нѣкоторыя историческія сближенія. Пѣсни слѣдующія: 1. Василиса Микулишна и Ставрѣ Одиновичѣ. 2. Машрюкѣ Темрюковичѣ. 3. Сборы въ походѣ (Петра Алексѣевича). 4. Шведскій король. 5. Похороны царя. 6. Прусскій король. 7. Пльвица Румянцева. 8. Горе.

По содержанию своему пѣсни не представляютъ ничего замѣчательнаго, какъ отмѣчаетъ это и самъ г. Бережковъ. Былина съ пропусками и интерполяціями. Желая открыться мужу, Василиса ведетъ его «въ зеленый садъ гулять», гдѣ загадываетъ:

Вспомнишь ли, вспамятуешь ли,
Какъ бывало мы съ тобою гуливали,
Въ свачки съ тобой игравали,
Ты въ золотую, я въ серебряную,
На іерушки іерусалимскія,
Пѣсенки тѣли отъ Царяграда?..

Жена Владиміра носить имя Марья Темрюковны. Василиса борется:

— Первый разъ дернетъ, то руку прочь,
Другой разъ дернетъ, то ногу прочь,
Третій разъ дернетъ, голова долой.

Кромѣ борьбы, Василису испытываютъ стрѣльбой.

Главное значеніе, и весьма важное, пѣсни пріобрѣтаютъ по мѣсту записи, такъ-какъ былины во Владимірской губ. доселѣ не было записано вовсе, да и историческихъ пѣсень очень немного. Весьма интересно, что пѣсни записаны отъ лицъ не крестьянской среды, между тѣмъ какъ въ Олонецкомъ краѣ, по указанію Гильфердинга, былины сохраняются исключительно въ крестьянской средѣ. Георгіевская, единственная встрѣтившаяся Гильфердингу сказительница изъ духовнаго званія, была въ особыхъ условіяхъ.

М. Лобода.

А. Н. Зерцаловъ: *Нъ матеріаламъ о вѣромѣ въ древней Русь (Изъ Чтеній въ Имп. Общ. исторіи и древностей російскихъ. 1895 III).*

Подъ этимъ заглавіемъ А. Н. Зерцаловъ напечаталъ интересное сыскное дѣло 1642—1643 гг., о намѣреніи испортить царицу Евдокию Лукьяновну. Съ точки зрѣнія этнографической это дѣло, помимо бытового, имѣетъ еще то значеніе, что въ немъ мы находимъ указанія на нѣкоторые виды колдовства: подсудимый Афонья Науменокъ показывается о себѣ слѣдующее: «Да Афонья-жъ Науменокъ въ допросѣ говорилъ: учили его отрѣчися Христа въ Путивлѣ казагъ Васька, а

на Москвѣ гулящій челоѣкъ Фомка Путимецъ. Первое де велѣли ему снять крестъ съ себя и положить подъ пяту и ступить назадъ трожды и говорить: подите бѣсм ко мнѣ, я вамъ вѣрую, а вы мнѣ служите, какую службу васъ заставлю». У того-же Васьки Науменокъ научился привязывать килы и привораживать женщинъ: «а привораживаешь де онъ женокъ тѣмъ: возьметъ лягушку самца да самгу и кладетъ въ муравейникъ и приговариваетъ: сколь тошно тѣмъ лягушкамъ въ муравейникѣ, столь-бы тошно было той женкѣ по немъ, Афонькѣ, а назоминаетъ той женкѣ въ тотъ часъ имя, и на 3 день приходитъ онъ, Афонька, къ тому муравейнику, и въ томъ де муравейникѣ отъ тѣхъ лягушекъ останется одинъ крючокъ да вилаки, и онъ то возьметъ, и тѣмъ крючкомъ которую женку зацѣпить, и та женка съ нимъ и воровать станеть; а какъ ему съ тою женкою воровать не похочется, и онъ тое женку вилами отъ себя отпихнетъ, и та женка по немъ тужить перестанеть» — способъ привораживанья, извѣстный и въ настоящее еще время русскимъ крестьянамъ. Килы присаживалъ Афонька, давая пить траву: «имя той травы *вошь*, растетъ при болотѣ». Обвиняемый винится въ желаніи испортить царицу: «хотѣлъ ее, государыню, уморить до смерти, а давать ей г-нѣ въ питьѣ траву *целбока* (цѣлибуха?), а растетъ трава на рѣкѣ на Окѣ и на Москвѣ рѣкѣ», и такъ какъ этого не удалось сдѣлать, то Науменокъ хвасталъ: «я де то сдѣлаю, будетъ не умереть, и она де сама надъ собою то сдѣлаетъ... а дѣлать де было ему то дѣло надъ г — нею ц — цю такъ: напустить по вѣтру на зарѣ на утренней или на вечерней, съ которой стороны вѣтеръ идетъ, съ призывательными словами говорить: народилъ да сатаналъ, я вамъ вѣрую, съслужите мнѣ мою службу и отнесите песку и бросьте на челоѣка, на кого ихъ пошлетъ». Интересъ накопленія подобныхъ матеріаловъ для этнографіи слишкомъ очевиденъ, чтобы о немъ распространяться; мы можемъ только выразить пожеланія, чтобы дѣла о ворожбѣ, хранящіяся въ различныхъ архивахъ подвергались большому изученію и большей разработкѣ, чѣмъ это было до настоящаго времени.

Н. Х.

Н. Ѳ. Катановъ. О наказаніи лѣнивыхъ богомольцевъ у татаръ Китайскаго Туркестана. Казань. 1895.

Д. Кочневъ. О погребальныхъ обрядахъ якутовъ Вилюйскаго округа Якутской области. Отд. оттис. изъ Изв. Исторіи, Археологіи и Этногр. при Имп. Каз. универ. за 1894 г.

Въ первой изъ указанныхъ брошюръ авторъ описываетъ тѣ взгляды и повѣрья, которыя существуютъ среди мусульманъ относительно будущности грѣшниковъ и лѣнивыхъ богомольцевъ, для которыхъ уготованы страшныя адскія мученія. Это орудіе наказанія называется у татаръ русскаго туркестана «дѣры», китайскаго туркестана «ду—бури». По формѣ оно напоминаетъ русскій «арапникъ». Бываетъ оно двухъ

видовъ: большое и малое; первымъ бьютъ по ногамъ: сзади, спереди или сбоку, вторымъ—по лицу, щекамъ или ладонямъ. Этими орудіями наказываются всѣ неходяще на молитву. Въ наказаніе читаются тѣ или другіе стихи, или изреченія. Такихъ изреченій авторомъ записано 16 у хамійскихъ татаръ китайскаго туркестана. Затѣмъ такія же указанія приводятся о логученскихъ татарахъ и въ заключеніе приводятся нѣкоторыя молитвы изъ книги «Бакыргинъ» (изд. 1857 г.), изъ нихъ одна посвящена описанію значенія молитвы у мусульманина, и двѣ непосредственно слѣдующія заключаютъ въ себѣ обращеніе къ лѣнивому богомольцу. Въ слѣдующей книгѣ «Бецевамъ» также изложены обращенія къ лѣнливымъ богомольцамъ въ стихотворной формѣ.

Г. Кочневъ въ своей работѣ вначалѣ приводитъ извѣстія древнихъ авторовъ (около 200 лѣтъ тому назадъ начали появляться свѣдѣнія объ якутахъ) о погребальныхъ обрядахъ якутовъ (Страленберга въ 1730 г., В. Миллера 1776 г., I. Георги 1794 г., Вамбери 1885 г., Вруцевича 1891 г., Приклонскаго 1891 г., Крауса 1891 года, Маака) и затѣмъ уже переходитъ къ описанію этихъ обрядовъ, существующихъ въ настоящее время въ Вилюйскомъ округѣ Якутской области. Приводятся интересныя данныя объ этихъ обрядахъ, начиная съ момента приближенія смерти, завѣщанія и распоряженія умирающаго, затѣмъ—обряды, совершаемые надъ покойникомъ до погребенія, устройство гроба, положеніе въ гробъ, выносъ, участіе на похоровахъ, устройство памятника надъ могилой и т. д. Обряды погребенія у якутовъ, совершаемые въ настоящее время, во многомъ отличаются отъ прежнихъ; такъ, напр., прежде въ гробъ клали деревянную чашку съ масломъ, мясомъ и даже деньги. Въ древнія времена рядомъ съ хозяиномъ въ полномъ костюмѣ погребали коня въ полной сбруѣ. Сообщеніе Страленберга, будто якуты бросаютъ своихъ покойниковъ на съѣденіе собакамъ, или покидаютъ юрту, гдѣ умеръ кто нибудь, по мнѣнію автора, не заслуживаетъ вниманія.

Д. Н.

„Въ киргизскихъ степяхъ“, д-ра Шустова. «Еженедѣльникъ» 1895 года №№: 18, 19, 21, 22, 23, 24.

Намъ рѣдко приходится встрѣчать въ печати свѣдѣнія врачей, живущихъ среди инородческаго населенія, о санитарныхъ условіяхъ этихъ инородцевъ, ихъ болѣзненности, смертности и т. д. Мы уже не говоримъ объ этнографическихъ свѣдѣніяхъ. Авторъ вышеуказанной статьи, немного отводя мѣста спеціальной сторонѣ (медико-санитарной), подробно останавливается на экономической и бытовой сторонѣ киргизъ. Въ первыхъ главахъ знакомитъ читателя съ киргизскими степями Уральской области во время засухи и въ то время, когда бываетъ плодородіе. Описаніе довольно картинное. Затѣмъ приводятся нѣкоторыя цифровыя данныя, характеризующія развитіе экономическаго быта и состояніе культуры степей (въ 70-хъ годахъ). Мимоходомъ упоминается о школахъ, зимнихъ постройкахъ,

лѣтнихъ кочевкахъ, количествѣ скота по волостямъ (за 1871 годъ) и затѣмъ приводятся сравнительныя данныя съ 71 г. по 92 г. Оказывается, что степь такъ-же бѣдна и невѣжественна, какъ она была и 20 лѣтъ тому назадъ. Число школъ съ 45 уменьшилось до 13, учащихся съ 2293 до 1630 чел., скота—съ 387164 до 328053; число кибитогъ съ 18961 увеличилось до 22146; на душу въ среднемъ приходилось скота въ 71 г. 4.9 штуки, а въ 92 году по 2.8; число жителей съ 77963 увеличилось до 112353. Если въ чемъ замѣчается прогрессъ такъ въ томъ, что киргизы серьезно будто принимаются за земледѣіе. Далѣе почти цѣлыя главы посвящены кумысу и его дѣйствию на киргизъ, способамъ приготовленія и т. д. Интересныя описанія относительно устройства областнымъ управленіемъ оспопрививательнаго заведенія и самаго способа обученія киргизъ оспопрививанію. Помѣщенія для «интилизиди» было отведено такое «что публика, побывавъ у насъ разъ, болѣе къ намъ не заглядывала, — оно вызывало одно отвращеніе». Желающихъ учиться оспопрививанію нашлось 6 киргизскихъ мальчиковъ, которые оказались очень толковыми и любознательными и быстро усвоили теорію оспопрививанія. Затѣмъ идетъ описаніе поѣздки въ селенія для оспопрививанія, отношеніе къ нему киргизъ, болѣзни ихъ и т. д.

Д. Н—ій.

И. И. Шендриковскій: Къ Этнографіи бурятъ (Врачъ 1895, № 14).

Въ одномъ изъ засѣданій Антропологическаго Общества при В.-М. Академіи былъ прочтанъ интересный докладъ д-ра Шендриковскаго о селенгинскихъ бурятахъ. Авторъ, на основаніи личныхъ наблюденій представилъ свѣдѣнія о мѣстожителствѣ бурятъ, занятіяхъ, жилищахъ, пищѣ, обычаяхъ и т. д. Между прочимъ оказывается, что буряты настолько привыкли къ верховой ѣздѣ, что почти совсѣмъ не ходятъ пѣшкомъ, даже самыя малыя пространства въ 30—40 саж. они непременно ѣдутъ верхомъ. Довольно подробно представлено описаніе бурятской юрты, съ ея внутренней обстановкой и т. д. Пища бурятъ состоитъ, глав. образомъ, изъ кислаго молока и кирпичнаго чая. Мясо ѣдятъ рѣдко, но въ большомъ количествѣ, по 6—7 фунтовъ за разъ; ѣдятъ безъ соли и хлѣба. Любимое мясо—баранина. Изъ овощей употребляется черешне—въ родѣ нашего чеснока. Куреніе табаку сильно распространено; даже женщины въ этомъ отношеніи нисколько не уступаютъ мужчинамъ; начинаютъ курить дѣти. Управляются буряты родовыми начальниками по обычному праву. Бываютъ собранія религиозныя: въ монастыряхъ, кумирняхъ, или просто подъ открытымъ небомъ, на вершинѣ горы. Шаманство имѣетъ теперь, по словамъ автора, только самое небольшое число приверженцевъ; почти повсемѣстно распространенъ буддизмъ. Описывается онъ и въ монастырѣ—главномъ мѣстопребываніи Ламы — съ богословскимъ и медицинскимъ отдѣленіями. Въ основу лѣченія полагается строгая діета. Въ случаяхъ, въ которыхъ искусство Ламы не помогаетъ, они отсылаютъ

большого къ врачамъ. Изъ болѣзней среди бурятъ селенгинцевъ наиболѣе распространены золотуха и цынга. Не смотря на нечистоплотность бурятъ, среди нихъ попадаетса весьма мало съ чесоткой и навозными болѣзнями вообще. Въ заключеніе авторъ коснулся вопроса о физическомъ и нравственномъ вырожденіи бурятъ и о вымираніи этого племени. Относительно послѣдняго, изъ статистическихъ данныхъ оказывается, что за 30 лѣтъ (съ 1863—по 1893 г.) населеніе возрасло на 20,4% т. е. въ среднемъ по 0,68% въ годъ. Такимъ образомъ о вымираніи бурятъ не можетъ быть и рѣчи; незначительность же годового прироста населенія авторъ, на основаніи имѣющихся у него цифръ, объясняетъ единственно только малою плодovitостью бурятскихъ женщинъ. Метизація бурятъ съ русскими дѣйствуетъ несомнѣнно благопріятно «въ смыслѣ освѣженія ихъ крови».

Д. Н—ій.

Д-ръ М. А. Гедевановъ: Загезурскій уѣздъ Елисаветпольской губерніи въ медицинскомъ отношеніи за 1890—1892 г. (Оттиски изъ Медиц. Сборника Имп. Кавказскаго Медицинскаго Общества, № 56 1894 г.).

Останавливаемся на этой крайне интересной работѣ потому, что въ ней, кромѣ обычныхъ спеціально медицинскихъ данныхъ, приводится немало этнографическихъ свѣдѣній о населеніи названнаго уѣзда, состоящаго изъ азербейджанскихъ татаръ (30,6%) курдовъ (21,4%) и армянъ (46,3%). Въ первой главѣ—медико-топографической—авторъ говоритъ о топографіи уѣзда, почвѣ, климатѣ и водѣ; во второй—этнографической—о распредѣленіи населенія: 125,254 чел. (въ 326 сел.); въ третьей—медико-санитарный очеркъ, гдѣ описываются армяне и татары (курды авторомъ присоединены къ мусульманамъ, «такъ какъ они по образу и условіямъ жизни мало чѣмъ отличаются отъ татаръ, развѣ еще болѣшимъ, чѣмъ послѣдніе, невѣжествомъ»), условія ихъ жизни, пища, занятія, говорится о кочевникахъ и о заводскихъ рабочихъ. Въ названномъ уѣздѣ, какъ оказывается, находятся мѣдно-плавильные заводы, на которыхъ работаетъ не одна тысяча рабочихъ. Условія жизни этихъ рабочихъ крайне плохи: работаютъ отъ 12—18 часовъ въ сутки, получая отъ 15 до 80 к. А условія труда поистинѣ каторжныя: «представьте себѣ, говоритъ авторъ, подземныя норы, узкія, кривыя, низкія, крайне сырыя, плохо освѣщенныя, при полномъ отсутствіи вентиляціи, съ атмосферой крайне насыщенной парами воды, пороховымъ дымомъ и вредными газами—не полными продуктами горѣнія сырой нефти въ глиняныхъ плошкахъ. Приходится работать киркою, согнувшись въ три погібели и даже лежа на мокрой почвѣ». Присоедините къ этому плохое питаніе и скверныя жилища, и тогда можно нонять положеніе рабочаго. Не безынтересны приводимыя авторомъ свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ, какъ имѣющихъ значеніе въ санитарномъ отношеніи (чалтаховодство—искусственные болота, гдѣ работаютъ татары), о суевѣріи и народной медицинѣ (лѣче-

ніе «съ глаза», заговоры, амулеты и талисманы; изготовленіемъ послѣднихъ занимаются по преимуществу муллы), объ уходѣ за роженицей, психическими больными и т. д. Кроме того приводится цѣлый списокъ лѣкарственныхъ веществъ и описаніе самыхъ народныхъ методовъ лѣченія (20—25 стр.). Въ остальныхъ двухъ главахъ авторъ подробно останавливается на характеристикѣ сельско-врачебной части, условіяхъ врачебной дѣятельности, о числѣ больныхъ (за три года было 10865 посѣщеній; изъ нихъ 8232 м. и 2633 ж., армянь—6727, татаръ и курдовъ—3024 и другихъ національностей—1114 чел.; наибольшее число больныхъ было съ маляріей и холерой—2623 чел.), санитарномъ надзорѣ, медицинской статистикѣ, эпидеміяхъ и видеміяхъ. Какъ оказывается, условія врачебной дѣятельности крайне трудны; врачъ въ селеніи—непрошенный гость, и они всѣми мѣрами стараются выгнать изъ селенія врача, больные скрываются и т. п. Знахари пользуются извѣстностью, но есть и такія селенія, гдѣ къ врачу («акимъ баши») больные идутъ массами. Думаемъ, что со временемъ и въ тѣхъ селеніяхъ привыкнутъ къ врачу и будутъ къ нему обращаться. Тоже наблюдалось прежде и въ нашихъ русскихъ селахъ, а теперь врачи завалены работой.

Въ заключеніе должно отмѣтить, что названный отчетъ немало заключаетъ интересныхъ данныхъ о такомъ уѣздѣ о которомъ имѣются крайне скудныя свѣдѣнія. Желательно, чтобы и другіе врачи сообщали подобныя данныя, которыя впоследствии окажутъ немаловажную услугу.

Д. Никольскій.

Я. Т. Нейштабъ: Основы гигиены древняго міра. «Медицина» 1895 г. № 7 и 11. Въ исторіи древнихъ людей до сихъ поръ еще остается много неизвѣстнаго и неизслѣдованнаго. Тоже самое наблюдается въ области гигиеническихъ вопросовъ, о которыхъ, какъ оказывается, и древніе народы уже имѣли нѣкоторое понятіе, и начальники даже издавали извѣстныя правила для сохраненія жизни и здоровья. Много въ этихъ правилахъ есть и страннаго, но между ними можно встрѣтить и такія, которыя рекомендуются и въ настоящее время. Авторъ вышеуказанной статьи даетъ краткую характеристику положенія гигиены у различныхъ восточныхъ народовъ: *у китайцевъ, индѣйцевъ, персовъ* (Зороастръ былъ первый, указавшій на опасность для народнаго здравія отъ загрязненія почвы продуктами гніенія и отъ загрязненія воды, протекающей чрезъ грязную почву), *египтянъ*, и наконецъ *у евреевъ*, (составленныя Моисеемъ). По мнѣнію автора, санитарно-гигиеническіе законы Моисея совмѣщаютъ истинныя основы соціальной и индивидуальной жизни всего человѣчества (для тогдашняго времени?). На основаніи изученія гигиены древнихъ, д-ръ Нейштабъ приходитъ къ заключенію, что гигиена развивалась постепенно: сначала болѣе интересовались урегулировать основъ индивидуальной жизни человѣка, затѣмъ разрабатывали начала семейной и, наконецъ, обще-государ-

ственной жизни народовъ. Но вопросъ: какъ разрабатывались эти основы, эти правила гигиены?

Д. Н—ий.

Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 годъ.

Мы уже обращали вниманіе на то, что въ издаваемыхъ календаряхъ губернскихъ или памятныхъ книжкахъ встрѣчаются цѣнныя статьи и обзоры по различнымъ вопросамъ мѣстнаго края. Здѣсь можно встрѣтить и изслѣдованія по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ, народному образованію, врачебной помощи, бытовымъ, этнографическимъ и т. п. вопросамъ. Къ сожалѣнію, всѣ—или большая часть—такихъ статей остаются почти неизвѣстными для публики, такъ какъ помѣщаются въ мало распространенныхъ изданіяхъ. А между тѣмъ оставлять безъ вниманія подобные труды нельзя. Вышеуказанный календарь Вятской губернии особенно выдѣляется по количеству интересныхъ и во многомъ поучительныхъ статей во второмъ отдѣлѣ, подъ заглавіемъ «изъ современной жизни», третьемъ—«этнографическія свѣдѣнія» и четвертомъ—«историческія свѣдѣнія». Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ помѣщенъ весьма обстоятельный обзоръ мѣропріятій Вятскаго земства въ области сельскаго хозяйства за 1892—93 г. (87—148 стр.). Въ статьѣ «краткій статистическій очеркъ Вятской губ. за 1893 г.» сгруппированы всѣ наиболее видныя проявленія жизни въ краѣ. Такъ, между прочимъ видно, что приростъ населенія за отчетный годъ равнялся 1,51%, рождаемость равнялась 5,1%, смертность 35%. Пожаровъ было 4529, причинившихъ убытка на 297 т. рублей. Отъ насилія и случайностей умерли 2044 челов. (много самоубійствъ—117 чел.), изъ нихъ отъ пьянства умерло 321 м. и 14 ж. Интересно было бы знать распредѣленіе смертей отъ пьянства по народности. Миссіонерская дѣятельность по обращенію въ христіанство язычниковъ выразилась всего въ 30 челов. Далѣе не безъинтересна статья М. К. Селивановскаго „Замѣтки объ Омущинскихъ горныхъ заводахъ П. П. Пастухова“, въ которой, помимо описанія фабрикъ, производства, количества выработываемыхъ издѣлій и т. д., дается характеристика мѣстнаго населенія (православныхъ и раскольниковъ, 202 стр.), ихъ нравы и обычаи. Краткія свѣдѣнія сообщаются о вотякахъ (211) въ этнографическомъ отдѣлѣ, въ интересной статьѣ Н. П. Штейнфельда «Бесермяне—Опытъ этнографическаго изслѣдованія» (220—260) и г. Васнецова—„Материалы для объяснительнаго областного словаря вятскаго говора» (съ буквы И). Въ историческомъ отдѣлѣ помѣщены статьи: А. С. В—на—Замѣчательные, но забытые вятчане: 1 Воевода Баспія Юрьевъ (XV в.); 2). Т. и Б. Миртъяновы (XVI в.); 3) П. Я. Сухова (XVI в.); 4) Н. Шеломъ (XVI в.). Его же—«Ученый южно-русецъ на Вяткѣ въ XVIII в.» (къ истории Вятской духовной семинарии). Статья І. Кротова касается города Котельнича (Кокшера или Кокшаровъ), принадлежащаго къ числу древнѣйшихъ городовъ Вятской губернии (322 стр.). Последняя статья имѣетъ болѣе значенія для историка и археолога.

Д. Н—ий.

ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

Богословскій Вѣстникъ. 1896. Январь. *Сергій* (архимандр.). На дальнемъ востокѣ. (Письма японскаго миссіонера).—*Долгановъ, Е. Е.*, Современная Абиссинія. Общественный строй, занятія, образъ жизни и нравы.

Варшавскія Губ. Вѣд. 1895. — 33. Забѣтка, со словъ «Kurjera Warsz.». о находкѣ въ землѣ урны съ пережженными костями въ имѣніи Волѣ Суфчинской, гмины Колбель, Новоминскаго у., надъ р. Свидромъ, на открытой площади, гдѣ прежде былъ и холмъ, вѣроятно остатокъ могильной насыпи. Урна съ крышкой и подставкой сѣровато-краснаго цвѣта, изъ необлитой глины съ примѣсью кварца, украшенная 8-ю выпуклыми шишечками, съ орнаментомъ изъ черточекъ между ними. Найдена на глубинѣ около аршина. Никакихъ издѣлій, ни украшеній въ ней не было. Мѣстность заслуживаетъ того, чтобы быть изслѣдованною.

Варшавскія Университетскія Извѣстія. — 1895. — I. *Леонтовичъ, Ѳ. И.* Національный вопросъ въ древней Россіи. (оконч.). — V. *Его же*, Панскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ.—*Карскій, А. Е.* Отчетъ о научныхъ занятіяхъ въ библіотекахъ.—*Михайловъ, А. В.*, Общій обзоръ состава, редакцій и литературныхъ источниковъ Толковой Палеи.—VIII, *Цытасъ, Д. В.* Исторія Московской каплицы въ Варшавѣ (изъ эпохи Шуйскихъ).

Волынскія Епарх. Вѣд. 1895. Историко-статистическое и этнографическое описаніе церквей и приходовъ Волынской губ.: Староконстантиновскій уѣздъ (во всѣхъ №№).—Подлинность евангелій и философы языческіе въ первые четыре вѣка христіанства (стр. 891, 945, 980, 1019). — *Н. Теодоровичъ*: Три подлинныя завѣщанія дворянъ Домашевскихъ Почаевскому монастырю 1649 г., 1659 и 1665 года (стр. 572 и 606). — *Его же*: Инвентарь и два документа прежняго Колодеженскаго монастыря (стр. 728, 770). — Рукописныя евангелія Волынскаго епархіальнаго древле-хранилища (историко-діалектологическіе очерки), *Г. Крыжановскаго* (262, 297, 327, 370, 413, 452, 484, 516). — Посты въ Польшѣ съ IX до половины XII в. (стр. 399).

Вѣстникъ Европы. 1895. Май. *Тернеръ, О. Г.*, Общественное владѣніе и частная собственность. I—II.—Іюнь. *Его же* (Окончаніе. III). Іюль. Въ хроникѣ отзывъ на кн.: *Е. А. Бьловъ*, Русская исторія до реформы Петра Великаго. Спб. 1895.—Тамъ же на кн.: «Памяти отца современной педагогіи Я. А. Коменскаго», изд. Мартынова. — Августъ. *Штевенъ, А.*, Изъ жизни деревни и молодого ея поколѣнія (Очерки.—I. Пѣшкомъ въ Муромѣ.—II. Лѣтнія занятія при Яблонской школѣ въ 1894 г.).—*Щепотьевъ, В.*, Русская деревня въ Азіатской Турціи. — *Соколовскій, Н.*, Мыза и деревня (Очерки и наблю-

денія). — **Сентябрь.** *Потебня, А.*, Язык и народность (статья, восстановленная по черновымъ бумагамъ покойнаго профессора). — *Поляновскій, Э.*, Дальній востокъ и наше его изученіе. — *Марусинъ, С.*, Въ степяхъ и предгоріяхъ Алтая. Шатуны (изъ народнаго быта). — **Октябрь.** *Б—на, С.*, Французская деревня. Экскурсія. I—VII. — Отзывъ на „Великорусскія народныя пѣсни“, подъ ред. А. И. Соболевскаго. — **Ноябрь.** *Б—на, С.*, Французская деревня. Экскурсія. VIII—IX. (Оконч.). — *Слонимскій*, Новыя попытки въ области научной исторіи („Соціологическія основы исторіи“, П. Лакомба). — Отзывъ *А. П.*, о кн. «Отрагительное писаніе о новозобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей. Вновь найденный старообрядческій трактатъ противъ самоожженія, 1691 года. Сообщение *Хрисанфа Лопарева*. Спб. 1895. (Памятники древн. письмен. С VIII). — Отзывъ *Т.* о «Программахъ домашн. чтенія». Изд. 3-е. М. 1895 г.

Духовный Вѣстникъ Груз. Экзархата. 1895. 14. Изъ грузинскихъ дворянскихъ актовъ, *А. Хаханова*. — 19, 20. Бодійскій монастырь св. Нины.

Журналъ Мин. Нар. Провъ 1895. — **Апрѣль.** — *Айналовъ, Д. В.*, Мозаики IV и V вѣковъ. — *Рожковъ, Н. А.*, Поводы къ началу процесса по Русской Правдѣ. — *Владиміровъ, П. В.*, Введеніе въ исторію русской словесности (прод.). — *Филевичъ, И. П.*, Очеркъ Карпатской территоріи и населенія. Критика: *Мищенко, Ѳ. Г.*, Собраніе сочиненій М. С. Куторги. Т. I. Спб. 1894.; *А. III.*, Лекціи по славянскому языкознанію Тимофея Флоринскаго. Т. I. Кіевъ. 1895 г.; *Позднѣвъ, А. Л.*, Нѣсколько замѣчаній о народной медицинѣ. — Въ отдѣлѣ классич. филол.: *Эманъ, А. Ѳ.*, Легенда о римскихъ царяхъ (Продолженіе, см. также май, сент.—дек.). **Май.** — *Дьяконовъ, М. А.*, Половники поморскихъ уѣздовъ въ XV и XVII вѣкахъ. — *Бодуэнъ де-Куртенэ, Ромуальдъ*, Записки Львовскаго аптекаря о событіяхъ 1606 г. въ Москвѣ. — **Рождественскій, С. В.**, Изъ исторіи секуляризаціи монастырскихъ вотчинъ на Руси въ XVI вѣкѣ. — *Соболевскій, А. И.*, Замѣтки по славянской грамматикѣ. — **Айналовъ, Д. В.**, Мозаики IV и V вѣковъ (прод.). — *Филевичъ*, Очеркъ Карпатской территоріи и населенія (прод.). *Рудаковъ, В.*, Василій Васильевичъ Крестининъ (мѣстный историкъ Двинской земли, Архангелогородскій мѣланинъ; по поводу 100-лѣтія со дня его смерти). — *Веселовскій, А. Н.*, Молитва св. Сисинія и Верзилово коло. — Критика: *А. К.*, Максимъ Ковалевскій, происхожденіе современной демократіи. Т. I. М. 1895. — *Крашенинковъ, М. Н.*, Этнографическіе этюды, гл. III, прод. см. июнь. — **Июнь.** *Модестовъ, В. И.*, Древнѣйшій періодъ Рима. — *Владиміровъ, Н. В.*, Введеніе въ исторію русской словесности (прод.). — *Марръ Н. Я.*, Персидская національная тенденція въ грузинскомъ Амирандареджаніани. — *Леонтовичъ, Ѳ. И.*, Сословный типъ территориально-административнаго состава литовскаго государства и его причины. — *Кулаковскій, Н. А.*, Павелъ-Іосифъ Шафарикъ. — Бритика: *Д. М. Позднѣвъ*, Китай. Очерки Д. В. Путятя. Спб. 1895. — *При-*

сняковъ, А. Е., Новыя данныя для изученія московскихъ лѣтописныхъ сводовъ.—*Холоднякъ, И. И.*, Эпиграфическія замѣтки.—*Никитскій, А. В.* Типодемъ Артапатовъ Ликійскій.—*Юль. Леонтовичъ, Ѡ. И.*, Сословный типъ и проч. (оконч.)—*Айналовъ, Д. В.*, Мозаики IV и V в. (оконч.).—*Делекторскій, Ѡ. И.*, Критико-библиографическія обозрѣнія древнерусскихъ сказаній о флорентійской уни.— Критика: *Соболевскій, А. И.*, Очерки изъ литературной исторіи Синодика, Е. В. Пѣтухова. Спб. 1895; *Миллеръ, В. Ѡ.*, Сборникъ мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа. Вып. XVIII, XIX, XX. Тифл. 1893; *Любавскій, М. К.*, Начальная исторія малорусскаго казачества. Къ вопросу о казачествѣ съ Богдана Хмельницкаго, И. Каманина; *Синюевскій, В. В.*, Сильвестръ Медвѣдевъ. Очеркъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія и общественной жизни въ концѣ XVII в. Кіевъ. 1894. Ивана Козловскаго; *Буличъ, С. К.*, Замѣчанія на «Замѣтки по славянской грамматикѣ», проф. Соболевскаго.— Некрологи: Н. Н. Буличъ и Д. А. Ровинскій.—*Августъ. Ардашевъ, Н. Н.*, Вопросъ о помѣстномъ столѣ въ связи съ поземельной дѣятельностью Разряда.—*Тихомировъ, И. А.*, Обзорѣніе состава московскихъ лѣтописныхъ сводовъ 1425—1533 годовъ.—Критика: *Рождественскій, С. В.*, Н. П. Лихачевъ, Сборникъ актовъ, собранныхъ въ архивахъ и бібліотекахъ. Вып. I. Духовн. и сговорныя грамоты. Вып. II. Грамоты правыя. Спб. 1895.—*Сентябрь.* Критика: *Калмыкова*, Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Вып. III. Да—дя, Спб. 1895.—*Житецкій, И. П.*, Къ вопросу объ уни и южно-русскихъ проповѣдникахъ. (Д-ръ Ів. Франко, Іван Вышенскій и его творіе. Львовъ. 1895).—*Октябрь. Андреевъ, В. Ѡ.*, Знаменательныя и служебныя слова въ русскоу рѣчи.—*Курдиновскій, В. И.*, Губныя учрежденія Московскаго государства.—Критика: *Майковъ, Л. Н.*, Великорусскія народныя пѣсни. Изд. проф. А. И. Соболевскимъ. Томъ I. Спб. 1895 г.—*Соболевскій, А. И.*, Ив. Ждановъ, Русскій былевой эпосъ. Исслѣдованія и матеріалы. I—V. Спб. 1895.—*Тихомировъ, И. А.*, П. В. Голубовскій, Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія. Кіевъ, 1895.—*Боровиковъ, Н. А.*, Калмыцкія изданія православнаго миссіонерскаго общества.—*Ноябрь. Ольденбургъ, С. Ѡ.*, Первый полный переводъ Палійскаго сборника джатагъ.—*Миллеръ, В. Ѡ.*, Къ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ.— Критика: *Позднѣевъ, А. М.*, Еще къ вопросу о послѣднихъ изданіяхъ православнаго миссіонерскаго общества на калмыцкомъ языкѣ.—*Латтшиевъ, В. В.*, Эпиграфическія замѣтки.—*Декабрь. Веселовскій, А. Н.*, Изъ исторіи эпитета.—*Хазановъ, А. С.*, Грузинскій поэтъ XII в. Шота Руставели и его поэма «Барсова кожа». — *Курдиновскій, В. И.*, Губныя учрежденія Московскаго государства (оконч.) — Критика: *Латто-Даниленскій, А. С.*, А. И. Никитскій, Исторія эконоическаго быта Великаго Новгорода — Въ отд. класс. фил. *Novossadsky, N.*, Ad parvum magicam bibliothecae parisiacae nationalis adnotationes palaeographicae.

Записки Имп. Харьковскаго университета. Кн. 1-я. — *Столяновъ, А. Н.*, Зачатки юридическихъ и политическихъ учреждений у первобытныхъ народовъ. — Кн. 2-я. — *Шепелевичъ, Л. Ю.*, Будруна. — *Нетушилъ, И. В.*, Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей — *Вязигинъ, А. С.*, Забѣтки по исторіи полемической литературы XI вѣка. — Кн. 3-я. *Столяновъ, А. Н.*, Уголовное право Рима отъ древнѣйшихъ временъ до Юстиніана включительно. — *Нетушилъ, И. В.*, Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей. — Критика: *Сумиловъ, Н. Ф.*, М. Е. Халанскій, Южно-славянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ. 1895. — Лѣтопись Харьк. университета: Отчетъ о диспутѣ М. Е. Халанскаго.

Иверія. 1895. — 109. Письмо царицы Маріи къ императору Александру I во время переселенія изъ Тифлиса въ Воронежъ (переводъ съ русскаго). — 110, 176, 181, 182, 183, 184, 188, 203, 219, 294. Адчара (Свѣдѣнія о переходѣ населенія этой области въ исламъ). *З. Ч.* — 116. Объ имени царицы Тамары. *Г. Садазасловъ — Иверіелли.* — 116, 117, 122, 179. Въ Давидо-Гареджіской пустыни. *П. Цхлмлови* — 119, 129, 152, 154. Сказанія тушинъ объ Иракліи II. *Ив. Букурацми* — 126, 130, 139, 141, 152, 155, 156, 160, 165, 172, 177. Переходъ въ мусульманство населенія Барсской и Кобулетской области. *З. Ч.* — 146—7. О царицѣ Тамарѣ, сказаніе, записанное въ Имерхеви. *З. Ч.* — 157. Разрушеніе церкви въ Хуло. *З. Ч.* — 159, 1172. Наши историческіе памятники и ихъ судьба, *Свяццнника* — 160. Одисская школа. *А. Хаханашвили.* — 162, 163, Персія и древняя Грузія. *Б. П—дѣ.* — 190. Христа ищутъ! (Сказка). *Грузинъ въ Осетии.* — 223. Библ. *А. Хахановъ.* Груз. рукописи Румянцовскаго музея. — 256, 265, 267. Путевыя замѣтки *Ил. Алхазншвили* (Народныя представленія о планетахъ).

Кавказъ. 1895. 147. Отъ Александрополя до Барса. *В. Пр—скій.* — 155. Айсоръ Осипъ. *Беръ.* — 162, 163. Гребенцы въ пѣсняхъ. *Н. Б.* — 169. Объ орошеніи Восточнаго Закавказья. *А. Натровъ.* — 175. Библ.: Опытъ изученія Туркестанскаго края. Н. Дингельштеда. Спб. — 1895. 160. Библ.: А. Хахановъ: Очерки по исторіи груз. словесн. 165. — Библ.: Свѣтловъ. Кавказскія легенды. Спб. 1895. *А. Хал—овъ.* 176. Изъ путешествій Потаниной по Восточной Сибири. *А. Хал—овъ.* 175, 176. Изъ путевыхъ записокъ. *К. Статковскій.* — 185. Къ вопросу объ орошеніи Кахетіи. *А. Натровъ.* — 217. Запретный періодъ времени по р. Куръ. — 218, 219. Воспомянія объ Индіи. *К. Статковскій.* — 230. 317, 319. Въ горахъ Дагестана. *Алихановъ-Аварскій.* — 259. Знамя Азатъ-хана. *Ил. Хонели.* — 281. Юбилей кн. Р. Д. Эристова. — 291. Библ. Reise nach Innerarabien, Kurdistan und Armenien. 1893. Von baron Eduard Nolde. Braunschweig. 1895. Н. З. — 1896 г. 1 Библ.: «Землевѣдшіе», кн. I. 1895 года. *А. Хал—овъ.* — 4. Къ 50-лѣтнему юбилею газ. «Кавказъ». — 5. Путешествіе акад. Дорна на Кавказъ и Мазандранъ. Забѣтка *А. Хал—ова.*

Казбекъ (газета). 1895 г. — I. Казбекъ, какъ центръ миеологіи и святыни туземцевъ. *Беркутъ*. — 9.10. Обь осетинской письменности. *Ганпо Б.* — 10. Библ.: Надеждинъ. Кавказскій край. *А. Хах—ова*.

Киргизская Степная Газета. 37. Къ вопросу о киргизскомъ народномъ образованіи. 38, 39, 40. *С. Артемько*. О наследственномъ землепользованіи у киргизовъ. 40. *Р. Дюйсембаевъ*. Способы и приемы торгашей къ обираію киргизовъ. 46: *О. Альджановъ*. Учрежденіе киргизскихъ школъ. — *Н. М.* О судопроизводствѣ въ степныхъ областяхъ. — *М. Т.* Земледѣліе въ Китаѣ. 48. *О. Альджановъ*. О суевѣрныхъ обрядахъ у киргизовъ во время эпизоотій.

Книговѣдѣніе, Ежемѣсячный библиографическій журналъ (съ иллюстраціями). Годъ 2-й. 1895 — 1. Въ приложеніяхъ наиболѣе интересенъ составленный *А. Тороповымъ* «Списокъ трудовъ русскихъ писателей» (*Н. Н. Бантышъ-Каменскаго*, *Ө. П. Аделунга* и др.) и продолженіе (листъ 4-й) списка *Д. Д. Языкова*: «Русскіе писатели и писательницы, умершіе въ 1888 г.». То и другое, въ виду существовавшихъ и существующихъ проектовъ издать словарь писателей-этнографовъ, можетъ быть пригоднымъ, такъ какъ въ указанныхъ спискахъ встрѣчаются и лица, имѣвшія отношеніе къ этнографіи. — 2. Въ приложеніяхъ продолженъ списокъ *А. Торопова*. Кромѣ того, раньше помѣщено «Описаніе рѣдкихъ книгъ» (*К. П. Медоксъ* и г. *Чистоклѣткова*). — 3. Приложенія посвящены почти исключительно «Памяти *А. Ф. Смирдина*» (четыре статьи). — Въ хроникѣ удѣлено мѣсто «Первой всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла». — 4 — 5. Въ приложеніяхъ 5 листъ списка *Д. Д. Языкова* (см. № 1). — 6 — 8 (12 декабря). *К. Медоксъ*, Рѣдкости изъ книгохранилища *К. П. Медоксъ*. XVIII вѣкъ. *Чинг-Шинг*, гор. Угличъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Истор.-библиографич. статья. — Кромѣ вышеуказаннаго матеріала, во всѣхъ 8-ми книгахъ журнала неизмѣнно ведется «списокъ вновь вышедшихъ книгъ», сообщаются различныя правит. распоряженія, извѣстія изъ провинцій и т. п.; собственно этотъ послѣдній матеріалъ и составляетъ главную цѣнность издаваемыхъ трудовъ Московскаго библиографическаго кружка.

Кубанскія Вѣдомости 1895 г., 275. 25-лѣтіе Кубанской учительской семинаріи. — 276, 277. Народное образованіе въ Кубанской области.

Листокъ (изд. въ Унгарвѣ, на Угорщинѣ). — 1894. — Спашское епископство (стр. 4, 16, 27, 76, 101, 110.). — Церковь коптская (стр. 18, 77, 85, 103, 112, 135), абиссинская (стр. 136, 148, 160, 169, 176, 200, 211), греко-восточная (234, 257, 269, 278). — Арпадь и Угры (253, 265). — Очерки угро-русской письменности (5, 247, 259, 269). — Пасхальная ночь въ Малороссіи (86). — 1895. — Дикарь и обезьяноподобный первобытный человѣкъ (стр. 157, 169, 181, 195, 211, 221, 231, 245, 255, — клерикальныя возраженія противъ теоріи Дарвина). — Арпадь и Угры (во всѣхъ №№). — Кириллица или латиница? (55, 64, 75). — Исслѣдованія Олафа Бреха о малорусскомъ языкѣ въ Угорщинѣ (стр. 114 — 115, — статьи въ

Arch. für slav. Philol.). — «Додатокъ до Листка» 1895 г. Въ пряхахъ (нѣкоторыя суевѣрія о посидѣлкахъ, стр. 161).—Якъ отпраздновала Иванъ Чабулякъ св. вечеръ и Рождество (стр. 177).

Ломжинскія Г. В. 1895.—51, 52. Пчела и медъ въ легендахъ и поэзіи. (Прав. В., 157).

Мценскіи (Пастырь) 1895.—16—19. Житіе св. Іоанна Зеданійскаго.—18, 19. Простонародные обычаи, связанные съ христіанскимъ празднованіемъ св. Андрея и Екатерины.

Новое Обзорніе. 1895. 3924, 3928, 3937. Татарскія комедіи. *Ф. Кочарлу*—3954. Обѣ осетинской письменности. *Ласиль* — 3963. Еще объ осетин. алфавитѣ. *Микола*. — 3976. Биб.: *Реклю*. Земля. *А. Хас—овъ*.—3990. Общественные передѣлы земли. *А. Агабабовъ*—3998. Первое знакомство съ кобуетцами. *М*—4003. Мусульманская литература въ Тифлисѣ. *Везировъ*.—4060, 4062. По поводу юбилея кн. Р. Д. Эрнстова.—4115. О положеніи женщинъ и воспитаніи дѣтей у мусульманъ. — 4132. Библ.: «Этнографич. Обзорніе», кн. № 4. *А. Хас—ова*.

Оренбургскія Губ. Вѣд. 1895. 33. Пчела и медъ въ легендахъ и поэзіи.

Пастырь (на русс. яз.). 21, 22. Описаніе Гелатскаго евангелія.—23, 24. Послѣдній эпизодъ борьбы Грузинъ съ мусульманами.

Пермскія Губ. Вѣд. 1895. III. «Вновь открытая земля» (капитаномъ норвеж. китоловнаго судна Ларсеномъ на Ю. отъ Фалькландскихъ о—вовъ).—114. «Сабантуй въ башкирской деревнѣ» (игра, состоящая въ конскихъ бѣгахъ, борьбѣ и пр.). — *Динько*. „На бѣлокъ“. Изъ воспоминаній о сибирской жизни.—117. Некрологъ А. В. Елисѣева.—120. Замѣтка о болѣзни А. В. Елисѣева.—Идеаль женской красоты у японцевъ и китайцевъ.—124. Замѣтка о богослуженіи въ коитской православной церкви (изъ «Рус. Слова»). — 126. Островъ Формоза. (Геогр. очеркъ изъ „Прав. В.“ №№: 103 и 460).—133. Письмо г. Лыткина въ «Новое Время» о мѣстѣ просвѣтительной дѣятельности св. Стефана Пермскаго (зыряне въ предѣлахъ нынѣшней Пермской губ. (камскіе) приняли христіанство отъ еп. Іоны въ 1462—63 гг., Стефаномъ же просвѣщены зыряне вычегодско-сысольскіе, т. е. въ предѣлахъ Вологодской губ.).—134, 159, 182. *Панасовъ*. Замѣтки о пермскомъ климатѣ. — 137. Извѣстіе объ экспедиціи для собиранія рус. народныхъ пѣсенъ члена И. Р. Географ. О—ва Ѳ. М. Истомина. (Изъ «Бирж. Вѣд.»). — 144, 145. „Абиссинія“. — 145. Некрологъ М. П. Драгоманова. — 149. Экспедиція Леонтьева въ Абиссинію («Одесск. Лист.»).—150. Абиссинская церковь.—155. Рецензія на очерки д-ра А. В. Елисѣева „По бѣлу свѣту“.—162. «Замѣчательная археолог. находка» (некрополь въ древнихъ Сиракузахъ).—Экспедиція къ сѣв. полюсу на воздушномъ шарѣ (изъ «Моск. Вѣд.»).—168. Православіе въ Японіи. — 170. Извѣстіе о знахарѣ, изгонявшемъ злого духа изъ женщины въ Каневскомъ уѣздѣ („Кіевл.“).—172. Торговля невольниками въ Восточной Африкѣ.—Вѣрованіе сіамцевъ.—173. «Пчела и

медь въ легендахъ и поэзи^а (сост. между проч. на основаніи сочиненія «De arium mellisque apud veteres significatione mythologica et symbolica». Berlin. 1893).— Дмитровская баня Нижегородскаго кремля (историч. справка изъ „Нрав. Вѣстн.“).— 174. „Географич. открытія въ Тихомъ океанѣ 80 лѣтъ тому назадъ.“— Развалины древняго города (ногайскаго, близъ г. Уфы; приведены надписи на могилахъ болгарскихъ, ногайскихъ и др. въ той же мѣстности).— 176. „Пештская жизнь“.— 179. Большая крестьянская семья (артельная форма семейнаго устройства въ Воронеж. губ. Нижнедѣвиг. у.).— 183, 184. *Савченко*. „Въ якутахъ“—дорожныя зашѣтки.—185. Находка человѣческихъ костей вмѣстѣ съ костями мамонта въ Моравіи.— 187. Вспрыскиваніе противодифтеритной сыворотки — печать антихриста (сообщеніе изъ Нижегородскаго уѣзда).—189. Колдовство въ XV и XVI вв. 190. Многоженство у раскольниковъ. — 195. Письмо сенатора Лентула, правителя Іудей, о наружности І. Христа.—197. Людоѣды въ Сьерра-Леоне (люди убивались ими между прочимъ для приготовленія особыхъ лѣкарствъ изъ печени, сердца и проч.)—197.— 198. Южный полюсъ и послѣднія открытія на немъ.—213. Индѣйцы въ Венецуэлѣ (лѣченіе больныхъ жрецами посредствомъ заклинаній и т. п.)—217. Фарфоръ и чай въ Японіи (историч. справка).—223—224. Арменія.—226. Раскопки въ Греціи.—Бурятскій праздникъ.—228. Къ исторіи древняго востока (документы египет. фараона Аменготепи III).

Подольскій Губ. Вѣд. 1895. — 10. Масляничные обычаи въ старину.— 12. Прощеное воскресенье и первая недѣля Великаго поста.— 24. Праздникъ Благовѣщенія на Руси.—25. Изображенія гроба Господня на Руси.—Св. Плащаница.—26. Весна въ русскихъ народныхъ поговоркахъ и играхъ.—27. Праздникъ Пасхи у крестьянъ-малорусовъ на Подоліи.—Пасха въ старину.—36. Майскія народныя повѣрья, праздники и гулянья.—40. Май въ народныхъ обычаяхъ и повѣрьяхъ на югѣ Россіи.—77. Праздникъ Пошрова.—85. Памятники старины въ Подоліи (продолж. въ №№: 86, 87, 88, 90, 91, 92, 93, 95, 96, 98, 99).—95. Рожденіе, крестины и воспитаніе царскихъ дѣтей XVI—XVII вв.

Приамурскій Вѣд. 85, 88. *М. Веденскій*. Морскіе промыслы въ Приамурскомъ краѣ. 94. *А. П. Сильнишскій*. Бытъ глиняковъ на низовьяхъ Амура.

Саратовскія Губ. Вѣд. 1895.—37. *Поляковъ*. Курганъ «Большой маръ» въ Сердобскомъ уѣздѣ (легенда о курганѣ: на немъ стоитъ солдатъ съ ружьемъ и сторожить кладъ, зарытый тамъ атаманомъ разбойничьей иайки; солдатъ этотъ виденъ бываетъ въ заутреню на первый день Пасхи и предлагаетъ всѣмъ видящимъ его помочь достать кладъ съ условіемъ пережѣниться одеждами. Никто на это не соглашается, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что надѣвшій одежду этого солдата будетъ обреченъ караулить вмѣсто него кладъ).—38. Чувашская Кулатка (названіе села, близъ Хвалынска; описаніе чувашскихъ обычаевъ, вѣрованій,

похоронныхъ обрядовъ).—53. Ильинская пятница («Прав. Вѣстн.»)—72. *Минхъ*. Историко-географич. словарь Саратовск. губ. („Пролейка“ и «Царскіе могильники» или «каменные курганы» Царицынскаго у.).—73. О земледѣльческихъ крестьянскихъ артеляхъ.

Сибирскій Вѣстникъ. 189. *М. Рункевичъ*. Причина постепеннаго вымиранія остяковъ.

Тобольскія Вѣд. 77. *А. И. Якобій*. Остяки сѣверной части Тобольской губ.—Сибирскія народныя пѣсни.

Уфимскія Губ. Вѣд. 1895. 103. *Кирьяновъ*. Описаніе Усень Ивановской волости Белебеевскаго уѣзда. — 107. Легенда объ основаніи города Вильны. — 112, 114, 115, 118 — 120. Очерки Приуралья. — 127 — 128. *Лукашенко-Бодрый*. Малороссы въ Уфимск. краѣ. — 133. Вопросъ о происхожденіи туземцевъ Мадагаскара. — 146. Археологическія раскопки (половецкая могила подъ Сямферополемъ). — 156. Раскопки кургановъ въ Костромск. уѣздѣ (способы погребенія). — 165. Къ исторіи сношенія Россіи съ Абиссиніею.— 174, 178. Къ исторіи косметики (свѣдѣнія объ обычаяхъ разныхъ народовъ раскрашивать тѣло).— 179. Празднества въ Египтѣ по поводу повышенія воды въ Нилѣ.—Обычай разрисовки череповъ въ альпійскихъ странахъ Австріи. — 183. Выставка при международномъ географич. конгрессѣ въ Лондопѣ. — 189, 200. Развалины древняго города въ предѣлахъ Уфимской губ.— 198 — 199. Ирбитъ и его ярмарка (истор. очеркъ).— 216. Индѣйцы въ Венецулѣ.—Извѣстіе о Нансенѣ.— 228. Православіе у новоземельскихъ самоѣдовъ.

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета. 1895 Янв. *Казанскій, П.* Договорныя рѣки (прод.).—*Будде, Е.*, Отчетъ о командировкѣ въ Рязанскую губ. на лѣтніе мѣсяцы 1894 года (по народному говору). — **Февр.** *Казанскій, П.*, Договорныя рѣки (прод.). — **Мартъ.** Тоже (оконч.).—Критика: *Будде, Е.*, Пѣспи русскаго народа. Собраны въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой въ 1886 году. Записали слова — *Ө. М. Истомина*, напѣвы — *Г. О. Дютшъ*.—**Апр.** Критика: *Катановъ, Н.*, *И. Гамовъ*, Очерки далекой Сибири. Гомель. 1894. — **Май.** *Богородицкій, В.*, Говоръ деревни Бѣлой, Казанской губ.—**Іюль—Авг.** *Александровъ, А.*, Исторія развитія духовной жизни Черной горы и князь-поэтъ Николай I. — **Ноябрь.** *Александровъ, А.*, Петръ I Петровичъ.

Ученыя Записки Импер. Юрьевскаго Университета. 1895. № 3. *Шмурло, Е.*, Востокъ и западъ въ Русской исторіи. — № 4. *Плутцовъ, Е. В.*, О главнѣйшихъ направленіяхъ въ русской литературѣ XVIII и первой четверти XIX вѣка.—Прилож.: *Дьяконовъ, М.* Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ московскомъ государствѣ. Вып. I. Крестьянскія порядныя.

Якутскія Еп. Вѣд. 19. Записка о введеніи русскоѣ грамотности среди инородческаго населенія Якутской области.

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

- Алекторовъ, А. Е.**, Выборное начало у киргизовъ. Динабургъ. 1894 г.
- Аничковъ, Н. В.**, Киргизскій герой Джанходжа Нурмухаммедовъ (текстъ и переводъ). Каз. 1894. 8°. 16 стр. 50 экз.
- Его же**, подъ тѣмъ же заглавіемъ. (Очеркъ изъ первыхъ шаговъ русскихъ на Сыръ-Дарьѣ). Каз. 1894. 8°. 29 стр. 50 экз.
- Барсуковъ, А.**, Свѣдѣнія объ Юхотской волости и ея прежнихъ владѣльцахъ, князьяхъ Юхотскихъ и Метиславскихъ. Съ прилож. статьи объ юхотскихъ соколыяхъ помытчицахъ. Спб. 1894. 8°. 78 стр. 200 экз.
- Варъ Ф.**, Крестьянское общинное землевладѣніе въ аграрномъ и социально-политическомъ отношеніяхъ. М. 1894. 8°. 43 стр. 320 экз. Ц. 50 к.
- Вахтларовъ, А.**, Пролетариатъ и уличные типы Петербурга. Бытовые очерки. Спб. 1895. 8°. 231 стр. 1.200 экз. Ц. 1 р.
- Вранловскій, Сергѣй**, Кудоярова пещера. (Разсказъ-преданіе). (Отг. изъ «Кіевск. Ст.»). К. 1894. 8°. 35 стр. 64 экз.
- Врамсонъ, Л. М.**, Поѣздка въ южно-русскія еврейскія колоніи. (Путевые наброски). Съ приложеніемъ собранныхъ на мѣстѣ матеріаловъ. Спб. 1894. 8°. 41 стр. 600 экз. Ц. 25 к.
- Вузолтъ, Георгъ**, Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Перев. съ нѣм. А. (М. В.), съ приложеніями. Харьковъ. 1895. 8°. VIII + 320 + 2 стр. 500 экз. Ц. 1 р. 75 к.
- В. В.**, Мелкое производство въ Россіи. 1. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Спб. 1895. 8°. 200 стр. 750 экз. Ц. 1 р.
- Воеводскій, Л. Ф.**, Мнимамбы Геродота и реализмъ въ греческой литературѣ. Одесса. 1894. 8°. 17 стр. 300 экз. Ц. 20 к.
- Гордѣевичъ, Ф.**, Краткій обзоръ важнѣйшихъ моментовъ движенія греческой культуры въ государствахъ древняго міра. Кіевъ. 1894. 8°. 14 стр. 25 экз.
- Гриневъ, С. А.**, Была ли конница у древнихъ Руссовъ? Изслѣдованіе. Кіевъ. 1895. 8°. 30 стр. 300 экз. Ц. 30 к.
- Гуляевъ, А. М.**, Обь отношеніи русскаго гражданскаго права къ римскому. (Вступ. лекц.—Отг. изъ «Унив. Изв.» за 1894 г.). Кіевъ. 1894. 8°. 16 стр. 100 экз.
- Двухсотлѣтней** намяти **И. И. Неплюева**. Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Общества археологів, исторіи и этнографіи при Имп. Каз. Унив. 7 ноября 1893 г. Каз. 1894. 8°. 49 стр. 200 экз.
- Демичъ, В. Ф.**, Очерки русской народной медицины. Лихорадочныя заболевания и ихъ лѣченіе у русскаго народа. (Отг. изъ «Вѣстн. обществ. гігіены», 1894, т. XXIII). Спб. 1894. 8°, бр.
- Дневникъ** генеральнаго подскарбіа **Якова Марковича** (1717 — 1767 гг.). Часть 2-я (1726—1729 гг.). Изд. «Кіевск. Старини», подъ ред. Ал. Лазаревскаго. Кіевъ. 1895. 8°. 342 стр. 300 экз. Ц. 2 р.
- Добровольскій, В. Н.** Смоленскій этнографическій сборникъ. Ч. III. Пословицы. (Зап. Имп. Р. Г. О. по Отд. Этн., т. XXIII, вып. II). Спб. 1894. 8°. III + 137 стр. 800 экз.
- Древности.** Труды Имп. Моск. Археол. Общ. — ва, изданныя подъ ред. В. К. Трутовскаго. Томъ 15-й, вып. 1-й, съ 7 фототип. и 4 рис. М. 1894. 4°. 79 + 203 стр. 600 экз.

Елисѣевъ, А. В., По бѣду свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Стараго Свѣта. Съ иллюстраціями художника. Спб. 4^о. Томъ I. 1894 г. 374 стр. Томъ II. 1895 г. 359 стр. (Ц. по 3 рубля за томъ).

Засѣдательевъ, Н. И., Древній обрядъ коронаванія у турецкихъ народовъ. Казань. 1894. 8^о. 9 стр. 50 экз.

Зиновьевъ, М. А., Опытъ изслѣдованія земскаго устройства Лифляндской губернии Рига. 1895. 8^о. 6 + 149 стр. 400 экз.

Ивановскій, А. О., Mandjurica. I. Образцы солопскаго и дахурскаго языковъ. Спб. 1894. 8^о. XIV + 79 стр. 310 экз. Ц. 80 к.

Ковалевскій, Максимъ, Происхождение современной демократіи. Т. I. М. 1895. 8^о. VIII + 658 стр. 1.203 эк. Ц. 2 р. 50 к.

Боркуновъ, Н. М., С. Е. Десницкій—первый русскій профессоръ права (Изъ «Ж. Мин. Юст.»). Спб. 1894. 8^о. 31 стр. 100 экз.

Булаковскій, Платонъ, Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія. Варш. 1894. 8^о. VIII + 411 + 93 + II стр. 600 экз.

Бѣтлинскій, Ф. Ф., (врачъ), 76 дней на востокѣ. Ч. III. Могилевъ. — Подольскій. 1894. 8^о. 23 стр. 100 экз. Ц. 30 к.

Ланно, Н. И., Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ. Его населеніе и виды земельного владѣнія (Этюдъ по исторіи провинціи московскаго государства. — Изъ «Чт. въ Имп. Общ. ист. и др. Росс.»). М. 1894. 8^о. 238 стр. 300 экз.

Лицевой сѣйскій иконописный подлинникъ. Вып. 1-й. (Прилож. къ CVI вып. «Памятниковъ древн. писемъ»). CVII. Спб. 4^о. 22 табл. рис., 260 экземплярровъ.

Лучицкій, Н. В., Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу. — Отт. изъ «Унив. Изв.» за 1892 — 93 гг.). Кіевъ. 1894 г. 8^о. 42 стр. 310 экз.

Максимовъ, А. Я., На далекомъ востокѣ. Рассказы и были изъ жизни на отдаленной окраинѣ Россіи. Томъ II. Спб. 1894. 8^о. 236 стр. 2.000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Малиновскій, Л., Ученіе о преступленіи по Литовскому статуту. (Отт. изъ «Унив. Изв.»). Кіевъ. 1894. 8^о. VII + 171 + L стр. 310 экз. Ц. 1 руб. 50 коп.

Марковский, М., Антоній Радивиловскій, южно-русскій проповѣдникъ XVII в. (Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія его сочиненій и обзоръ звуковыхъ и ф рмальныхъ особенностей его языка). Съ приложеніемъ неизданныхъ проповѣдей изъ рукописныхъ «Огородка» и «Вѣнда» (Отт. изъ «Унив. Изв.»). Кіевъ. 1894. 8^о. 2 + IV + 187 + 86 стр. 160 экз. Ц. 2 р. I

Маудсли, Генри, Сонъ и сновидѣнія. Спб. 1895. 8^о. Изд. Губинскаго. 96 стр. Ц. 30 к.

Межвертъ, П. в Вильцинъ, Е., Русско-латынскій словарь къ 1-й части (букварю) учебнаго руководства «Русская рѣчь» М. Вольпера. Изд. 2-е. Рига. 1894. 8^о. 22 стр. 10.000 экз.

Мировновъ, А. М., Картины заградской жизни въ греческой живописи на вазахъ (изъ «Уч. Зап. Имп. Моск. Унив.» — Отд. ист.-фил.). М. 1895. 8^о. 234 стр. 300 экз.

Московскій Публичный и Румянцовскій музеи. Путеводитель по Далковскому этнографическому музею. М. 1894. 8^о. 36 стр. 1.200 экз.

Описаніе (историческое). Іоанно-Предтеченскаго Леушинскаго женскаго монастыря, Череповецкаго уѣзда, Новгородской губ., съ 10 рис. Изд. 2-е пополн. Спб. 8^о. 84 стр. 1.000 экз.

Остроумовъ, Н., Пѣсня-сатира. Викторъ-Бай. (Отт. изъ «Зап. Восточн. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ.»). Спб. 1894. 8^о. стр. съ 87 по 92. 60 экз.

Павловскій (И. Фр.) и **Старковскій (В. М.)**, Полтавская битва и ея памятники. (Пѣсни и пр.), съ рис. и планами. 2-е изд. Полтава. 1895. 8^о, стр. 130 + 25 + 4. Ц. 1 р.

Перетцъ, В. Н., Деревня Будогоща и ея преданія (Этнографич. очеркъ). Спб. 1894. 8°. 16 стр. 50 экз. Ц. 30 к.

Покровский, Ф. В., Изъ доисторическаго быта на славянско-литовской границѣ. (Отт. изъ «Вѣстн.» за 1894 г.). Вильна. 1894. 8°. 19 страницъ. 50 экземпляровъ.

Родъ Полнвановыхъ XIV — XIX вв. Сказаніе, историческіе дѣатели и покаянная роспись. Вл.—на—Кл. 1894. 8°. 30 стр. 300 экз.

Сильвестра Медвѣдева. Созерцаніе краткое глѣт 7190, 91 и 92, въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. Прозоровскаго. (Изъ «Чт. въ Имп. Общ. ист. и др. росс.»). М. 1894 г. 8° ЦП + 197 стр. 300 экз. Ц. 2 р. съ перес.

Сказки (Русскія избранныя) въ 2-хъ отдѣлахъ (по сборникамъ Аванасьева и др.). Издано съ предпс. В. Маракуева, въ которомъ авторъ обращается «во всѣмъ дорожающимъ народнымъ творчествомъ съ просьбою присылать ему записанныя мѣстныя сказки, пословицы, пѣсни и т. п.» Москва, тип. Сытина, 3-е изд., увелич., съ рис., 1895. 6. 8°, 262 стр.

Смирновъ, А. П., О сассанидскихъ блюдахъ. Казань. 1894. 8°. 8 стр. 100 экз.

Статистика Россійской Имперіи. XXIX. Волости и населенныя мѣста 1893 г. Вып. 10. Томская губ. Изд. центр. стат. ком.

Степовичъ, А. І., Къ столѣтню рожденія Яна Коллара, нѣвца и проповѣдника «Славянскія взаимности» (Докладъ въ Истор. Общ. Нестора — этнописца). Кіевъ. 1894. 8°. 26 стр. 100 экз.

Стукаличъ, В. К., 1) Бѣлоруссія и Литва. 2) Очерки изъ исторіи городовъ въ Бѣлоруссіи. Витосбскъ, 1894, 8° стр. 23 + 62 (Два очерка въ одной брошюрѣ; первый — по Батюшкову, второй — на основаніи 12-ти томовъ актовъ Виленской Археогр. Комиссіи, изданій Саунова и нѣкот. др., и касается не отдѣльных городовъ, а городскихъ общинъ вообще).

Сумцовъ, Н. Ф., Легенда о благочестивомъ живописцѣ (Отт. изъ «Кіевской Старины»). К. 1894. 8°. 5 стр. 100 экз.

Троицкій, В. П., Черемисско-русскій словарь. Казань. 1894. 8°. 87 стр. 100 экз. (Прил. къ «Изв. Общ. Арх., ист. и этн.»).

Харузинъ, Ал., Крестьянское землевладѣніе въ Эстляндской губерніи по даннымъ 1892 — 94 гг. Вып. I (Труды Эстл. стат. ком., т. XI). Ревель. 8°. 106 + 75 + 105 + 69 + 92 + 109 + 69 + 48 стр., 330 экз.

Цагарелли, А. А., Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности. Т. I., вып. 3-й (съ портретомъ). Спб. 1894. 8°. 6 + ЦП + 320 стр. 410 экз.

Шапкинъ, А., Миссіонерская поѣздка на Кавказъ. М. 8°. 60 стр.

Эварницкій, Д. И., Исторія запорожскихъ казаковъ. Томъ 2-й. (Съ приложеніемъ плана жеттоводской битвы). Спб. 8°. 624 стр. 1.512 экз. Ц. 4 руб.

Berends, Alex., Studien über Zacharias-Apokryphen und Zacharias-Legenden. Inaugural Dissertation, Jurjew (Dorpat). 1895. 8°.

Fudalewski, Wlad. Ks. Miasto Opatów podług miejscowych źródeł ipodań Warsz. 1895. 4°, 119 стр.

Lissowski, Leon. Obrzędy weselne w Szolajdach w powiecie Kutnowskim (Odb. z t. VIII Wisły). Warszawa, 1895. 8°, стр. 65.

Majewski Erasm. Początek, przyszłość i koniec ziemi. Warszawa. 1895. 8°. Цѣна 1 руб.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Якутская этнографическая экспедиція.

Въ Восточной Сибири, въ Якутской области, какъ извѣстно, съ 1894 г. работаетъ специальная экспедиція, имѣющая громадное значеніе въ изученіи края въ различныхъ отношеніяхъ, и преимущественно въ этнографическомъ въ широкомъ значеніи слова. Краткое извѣстіе объ этомъ важномъ предпріятіи было сообщено нами въ XXII кн. „Этнографическаго Обзорнія“ (стр. 225). Въ настоящее время, благодаря любезности г. Якутскаго Губернатора, Этнографическимъ Отдѣломъ получены отъ мѣстнаго Статистическаго Комитета подробныя и достоверныя свѣдѣнія объ экспедиціи, изложенныя въ osobой „Запискѣ“ отъ 15 апр. 1896 г., изъ которой мы позволяемъ себѣ извлечь все существенное и интересное съ точки зрѣнія научно-этнографической.

Въ 1888 году извѣстный золотопромышленникъ и благотворитель, И. М. Сибиряковъ, предложилъ бывшему Правителю дѣлъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Г. Н. Потанину, 6 тысячъ рублей, для организаціи изслѣдованія быта инородцевъ Якутской области; въслѣдствіи жертвователъ увеличилъ сумму до 10 тыс. руб. Послѣ того какъ лица, съ которыми г. Потанинъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ переговоры, предлагая имъ взять на себя это изслѣдованіе, одно за другимъ отъ такового отказались, — онъ въ 1892 году рѣшилъ передать организацію и дальнѣйшее веденіе дѣла лицу, заступившему его мѣсто въ должности правителя дѣлъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Р. Геогр. Общества, Д. А. Клеменцу, который вошелъ съ докладомъ къ г. Иркутскому Генералъ-Губернатору и, получивъ разрѣшеніе приступить къ организаціи предпріятія, отправился въ г. Якутскъ, куда и прибылъ 16 января 1894 года. Г. Якутскій Губернаторъ призвалъ съ своей стороны необходимымъ при содѣйствіи мѣстнаго Статистич. Комитета выработать программы и установить способы изслѣдованія на особыхъ совѣщаніяхъ. Предметами совѣщаній служили: 1) выработка подробныхъ программъ для этнографическаго изслѣдованія Якутовъ и другихъ инородцевъ Якутской области; 2) выработка, согласно программамъ, плановъ экспедиціонныхъ работъ по Якутскому и Колымскому округамъ и 3) обсужденіе бюджетной стороны дѣла и опредѣленіе разнѣра пособій, необходимаго для каждаго изъ участниковъ экспедиціи.

Въ результатъ совѣщаній оказалось, что изслѣдованіемъ быта инородцевъ должны заниматься слѣдующія лица:

А) По Якутскому округу:

1) Совѣтникъ Областнаго правленія Д. Н. Мелниковъ взялъ на себя разработку вопроса о криминальной психологіи Якутовъ, на основаніи матеріаловъ, заключающихся въ дѣлахъ мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ учреждений.

2) Областной ветеринаръ С. Я. Дмитриевъ представилъ программу своей работы по скоговѣднію (анатомо-экстеріерныя, фивіологическія и биологическія особенности Якутскаго скота) и скотоводству (скотоводственная техника, отплата корма, болѣзни къ нхъ лѣченіе), при чемъ указалъ на гг. Кондакова и Пекарскаго, какъ на своихъ сотрудниковъ.

3) Н. А. Виташевскій изъявилъ желаніе заняться изученіемъ юридическаго быта Якутовъ, и представленная имъ программа для собранія соотвѣствующаго матеріала распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) землепользованіе; 2) договорное право; 3) система родства; 4) семейное право; 5) наследственное право; 6) уголовное право; 7) судоустройство; 8) судебныя доказательства; 9) судопроизводство и 10) общественная организація. При выработкѣ своей программы, авторъ, главнымъ образомъ, старался разработать возможно детальнѣе отдѣлы: о землепользованіи, какъ о наиболѣе важномъ факторѣ общественно-

экономической жизни, и о договорномъ правѣ, представляющемъ громадный теоретическій интересъ, въ виду наличности архаическихъ формъ договоровъ въ системѣ юридическихъ обычаевъ Якутовъ.

4) Членъ-секретарь Областного Статистич. Комитета, сотникъ А. И. Поповъ представилъ выработанную имъ для производства подворныхъ переписей карточку, которая, по замѣчанію г. Попова, является переработкой, примѣнительно къ условіямъ якутской жизни, карточки статистиковъ, работавшихъ надъ изученіемъ экономическаго положенія сельского населенія Иркутской и Енисейской губерній и представляется полезной для экскурсантовъ, какъ охватывающая самую разнообразную сторону якутскаго хозяйства.

5) Л. Г. Левенталь представлялъ программу своихъ работъ по изслѣдованію экономическихъ отношеній Якутовъ въ ихъ историческомъ развитіи и современномъ положеніи. Программа распадается на двѣ части: а) *данныя для характеристики современныхъ экономическихъ отношеній*: общее замѣчаніе: приблизительное исчисленіе пространства, количества и густоты населенія (по оффиціальнымъ даннымъ и не далѣе р. Алдана); характеристическія черты разселенія; главныя занятія и побочныя; переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному; подворная перепись по упомянутой выше, выработанной г. Поповымъ, карточкѣ съ цѣлью усненія: 1) земельныхъ отношеній; 2) характера передѣловъ общинъ и частныхъ; 3) распредѣленія государственныхъ и общественныхъ повинностей (денежныхъ и натуральныхъ); 4) призрѣнія немощныхъ; 5) скотоводства; 6) хлѣбопашества; 7) промысловъ; 8) извоза; 9) наемнаго труда; 10) формъ труда, общинно-семейнаго, случайныхъ товариществъ въ общественнаго; 11) обмѣна и 12) кредита. б) *данныя для исторіи края со времени первой ясачной комисіи*. Данныя эти, по мнѣнію г. Левентала, весьма важны не только въ смыслѣ историческаго матеріала, но и для объясненія нѣкоторыхъ пережитковъ первобытнаго строя жизни, имѣющихъ мѣсто въ нынѣшнихъ общественно-экономическихъ отношеніяхъ Якутовъ.

6) И. И. Майновъ взялъ на себя собраніе антропометрическаго матеріала и матеріала по вопросу объ облячуживаніи русскихъ. По этому вопросу г. Майновымъ сдѣлано уже особое сообщеніе въ Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естественнаго, Антропологии и Этнографіи.

7) Э. К. Пекарскій, имѣя въ виду обработку своихъ „матеріаловъ для Якутско-русскаго словаря, изданіе коихъ на средства И. М. Сибирякова есть отдѣльное предпріятіе Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, *) и не имѣя возможности, поэтому, участвовать въ трудахъ экспедиціи непосредственно, предложилъ услуги по прискаванію сотрудниковъ, между прочимъ и изъ среди инородцевъ, и согласился принять на себя окончательное редактированіе ихъ трудовъ. Въ числѣ предполагаемыхъ имъ сотрудниковъ, изъ инородцевъ, г. Пекарскій указалъ: на В. В. Никифорова (бывшій голова Дюпинскаго улуса), И. Г. Соловьева, (письмоводитель Восточно-Кангалаской Управы), С. В. Слѣцова (бывшій староста Байгантайскаго улуса) и Е. Д. Николаева (бывшій письмоводитель Батурусской Управы). Гг. Слѣцовъ и Николаевъ были уже извѣстны мѣстному Статистическому Комитету произведенными ими, по порученію послѣдняго, подворными переписями. Изъ не инородцевъ г. Пекарскій указывалъ, какъ на возможныхъ сотрудниковъ, на В. Е. Горюновича (по вопросу о народной медицинѣ Якутовъ и ихъ обиходѣ съ гигиенической точки зрѣнія) и Г. Ф. Осмоловскаго (по собранію матеріаловъ о риболовствѣ и охотѣ со стороны техники).

Затѣмъ, г. Пекарскому было поручено собраніемъ заняться составленіемъ

*) Печатаніе словаря, съ соблюденіемъ, по возможности, всѣхъ требованій лексикографіи и во всякомъ случаѣ въ строгомъ соотвѣтствіи съ выработанной академикомъ Батлигомъ системой правописанія, предполагается въ г. Якутскѣ, въ Областной типографіи, которая для этой цѣли пріобрѣтаетъ необходимые шрифты съ оригинальными якутскими буквами (изъ словолитни Лемана въ С.-Петербургѣ).

программ по изслѣдованію быта Якутовъ, для чего рекомендовано было сдѣлать сводъ матеріала, заключающагося въ печатныхъ программахъ и въ составленной г. Клеменцовъ, спеціально для сотрудниковъ экспедиціи, программѣ, обильной указаніями на вопросы, пропущенные въ изданныхъ до сихъ поръ программахъ для этнографическихъ изслѣдованій. Частью еще во время совѣщаній, частью послѣ того, какъ экспедиціонныя работы уже начались, г. Пекарскій, въ сотрудничествѣ съ г. Майновымъ исполнилъ возложенное на него порученіе и составилъ программу, обнимающую отдѣлы: I, жилище и его принадлежности; II, одежда и наряды; III, пища, питье и наркотическія вещества, — съ матеріальной стороны; IV, семейный бытъ: дѣтскій возрастъ и отрочество, брачный возрастъ, свадьба и супружеское сожителство, взаимныя отношенія членовъ семьи и родственниковъ, смерть и похороны; V, занятія и ремесла: скотоводство, земледѣіе, звѣроловство, рыболовство; VI, игры и увеселенія; VII, нравы и національный характеръ; VIII, вѣрованія и IX, языкъ и народное творчество.

Б) По Колымскому округу изъявилъ желаніе заняться изслѣдованіемъ быта пюводцевъ В. И. Юхельсонъ, рассчитывая на сотрудничество проживающаго въ г. Средне-Колымскѣ В. Г. Богораза и Колымскаго исправника, В. Г. Карина. Желаніе это было встрѣчено собраніемъ сочувственно, такъ какъ Колымскій округъ представляетъ особый интересъ въ этнографическомъ отношеніи, какъ по разнообразію состава своего населенія (русскіе, якуты, ламуты, тунгусы, чуванцы, юкагиры и др.), быта народовъ, его составляющихъ, такъ и по малоизвѣстности края. Программа, представленная г. Юхельсономъ, заключающая въ себѣ всѣ главныя рубрики общей этнографіи, обращаетъ особое вниманіе на вопросы, спеціально касающіеся Колымскаго округа, и матеріалы, которые будутъ особенно дѣльны для спеціалистовъ. Таковы, наприм.: матеріалы по сравнительной антропометріи народовъ округа, съ обращеніемъ особаго вниманія на метисовъ съ сложной генеалогіей; пережитки до-металлическаго вѣка (каменные орудія); сохраненіе каменныхъ орудій, гостеприимной проституціи, татуировки, древнихъ способовъ добыванія огня и другихъ признаковъ первобытнаго состоянія; оленеводство; собаководство; вліаніе племенъ другъ на друга, и т. д. Распредѣляя работы по округу на 2½ года, г. Юхельсонъ раздѣлилъ округъ для удобства изслѣдованія на 5 районовъ въ зависимости отъ быта народовъ, ихъ заселяющихъ, и съ каждымъ изъ бродячихъ племенъ онъ полагаетъ нужнымъ кочевать въ теченіи 5—6 мѣсяцевъ, по соглашенію съ другими сотрудниками, для болѣе полного собранія матеріаловъ по быту, правамъ, языку и т. д. Такимъ образомъ, программа г. Юхельсона состоитъ изъ слѣдующихъ рубрикъ: а) антропологическія измѣренія и наблюденія; б) историко-географическія свѣдѣнія; в) жилища и орудія; г) одежда; д) пища и питье; е) занятія и промыслы; ж) нравы, обычаи и другія племенные черты; з) языкъ (списокъ словъ и образчики предложеній разныхъ нарѣчій, записанные правильной транскрипціей), и і) вѣрованія и народное творчество (насколько возможно собрать матеріалы по этому послѣднему отдѣлу при помощи толковиковъ переводчиковъ).

На остальные округа Якутской области, за исключеніемъ Олекминскаго, изслѣдованіе котораго поставлено жертвователемъ, какъ непрѣжное условіе осуществленія экспедиціи, дѣйствія послѣдней не предполагалось распространять, какъ по недостаточности средствъ, такъ и по отсутствію лицъ, которыя могли бы взять на себя изслѣдованіе этихъ округовъ.

Экспедиціонныя работы были начаты съ весны 1894 года. Въ началѣ 1895 года въ г. Якутскѣ, съ разрѣшенія г. Губернатора, вновь организованы были совѣщанія со слѣдующею программой занятій:

1) выслушаніе отчетовъ отдѣльныхъ экскурсантовъ; 2) порядкомъ представленія ихъ въ Отдѣлъ; 3) представленіе въ Вост.-Сиб. Отдѣлъ денежной отчетности за истекшій годъ; 4) разсмотрѣніе плановъ работъ и бюджета на текущій годъ; 5) рѣшеніе вопроса о порядкѣ пользованія добытыми въ время экспедиціи матеріалами.

Разсмотрѣніе дѣятельности экспедиціи за 1894 годъ дало слѣдующіе результаты.

Членъ экспедиціи Н. А. Виташевскій въ отчетномъ году замолвилъ всѣ вопросы своей программы по изслѣдованію современнаго юридическаго быта якутовъ отбѣтами нѣсколькихъ выдающихся инородческихъ родоначальниковъ и сдѣлалъ много отдѣльныхъ записей спеціальнаго характера (преимущественно о землепользованіи и приобрѣтеніи правъ собственности). Въ дѣлахъ своего спеціальнаго изслѣдованія, для того, чтобы имѣть историческій базисъ своихъ изысканій, г. Виташевскій разсмотрѣлъ архивы 4-хъ инородныхъ управъ и 1-го родового управленія, начиная съ древнѣйшихъ документовъ до 1815 г. Кроме того, г. Виташевскій 1) произвелъ антропологическое измѣреніе 101 субъекта и доставилъ до 60 негативовъ съ измѣренныхъ лицъ (къ сожалѣнію, снимки слишкомъ малаго размѣра); 2) записалъ наблюденія надъ двумя шаманскими сеансами, на которыхъ самъ присутствовалъ; 3) добылъ для Якутскаго музея различныя предметы, между прочими — содержимое древней шаманской могилы и 4) велъ замѣты разнообразнаго характера, относящіяся до различныхъ сторонъ наученія быта якутовъ. Все, что не относится до юридическаго быта якутовъ, г. Виташевскимъ передано остальнымъ членамъ экспедиціи, каждому по его специальности. Въ 1895 году г. Виташевскій предположилъ заниматься выясненіемъ тѣхъ сторонъ юридической жизни, какія пока оставались за него темными, путемъ распросовъ, присутствія при инородческихъ сходахъ въ родовыхъ и улусныхъ управленіяхъ, продолженіемъ изслѣдованія архивовъ до 1815 года (оставшихся не разсмотрѣнными ранее—Намской и Западно-Кангалаской инородныхъ управъ). При маршрутѣ по весьма многимъ мѣстностямъ Якутскаго округа и дороговизнѣ разѣздовъ, г. Виташевскій ставитъ осуществленіе своей программы въ зависимость отъ своихъ личныхъ средствъ, въ случаѣ отсутствія которыхъ долженъ будетъ перейти къ стационарному изслѣдованію.

Членъ экспедиціи г. Левенталь за время своихъ работъ разсмотрѣлъ всѣ архивные документы до 1835 г. Балгантайской (съ 1768 г.) и Намской инородныхъ управъ и нѣсколькихъ Балгантайскихъ наслеговъ. По пятнадцатимъ разсмотрѣнію документовъ Балгантайской инородной управы доведено до 1865 г., а нѣкоторыхъ дѣлъ Восточно-Кангалаской и Намской управъ до 1850 года. Часть собранныхъ матеріаловъ подвергнута обработкѣ для „Памятной книжки Якутской Области на 1895 годъ“. По дѣламъ Присутственныхъ мѣстъ города Якутска, Левенталь ознакомился съ официальною стороною землевладѣнія и землепользованія, межеванія, распределенія земли и повинностей у Якутовъ и т. п. Собранныя предварительныя свѣдѣнія (отъ Якутовъ) объ интимию внутренне-общественной сторонѣ распределенія земель и повинностей въ Балгантайскомъ, Борогооскомъ, Восточно-Кангаласкомъ и Намскомъ улусахъ, для того, чтобы явиться въ названныя мѣста подготовленнымъ къ производству мѣстнаго изслѣдованія, которое долженъ былъ начать въ концѣ марта 1895 г. Большая часть работы еще предстоитъ впереди: 1) пополняя пробѣлы въ однихъ архивахъ другими, разсмотрѣть ихъ до конца 40-хъ годовъ текущаго вѣка, когда можно уже удовлетвориться взаимно-нибудъ однимъ, двумя архивами, доведя ихъ разсмотрѣнію до современности, и 2) путемъ многочисленныхъ опросовъ и тщательнымъ ознакомленіемъ съ текущими дѣлами, а по возможности и путемъ подворныхъ переписей, выяснить современныя экономическія отношенія якутовъ Якутскаго округа.

Членъ экспедиціи И. И. Майновъ, какъ было сказано, сообщилъ уже свѣдѣнія о своихъ экспедиціонныхъ работахъ истекшаго года въ Антропологическій Отдѣлъ. Можно еще прибавить, что въ программу работъ И. И. Майнова, на ряду съ антропологическими изслѣдованіями мѣстныхъ инородцевъ, входитъ также изслѣдованіе русскихъ—якутянъ (крестьянъ, казаковъ и т. п.), съ нѣсколькими особенной точки зрѣнія,—именно, съ цѣлью выясненія тѣхъ причинъ и условий, при которыхъ русскіе обьякучиваются. Вместе съ этимъ г. Майновъ поставилъ вопросъ о томъ, какимъ путемъ идетъ самый процессъ обьякучиванія, и въ подробной развитой программѣ изслѣдованія намѣтилъ, между прочимъ, такіе пункты: „утрата и порча языка“; опредѣлить, какія именно слова и лингвистическія особенности усваиваются раньше другихъ, имѣющія по-русски синонимы, или неизмѣющія; означавшія матеріальныя предметы или общія понятія; наиболѣе

сходныя или, наоборотъ, особенно противоположныя особенности русскаго языка; другой пунктъ: „вѣрованія, обычаи, пѣсни и сказки“; тутъ является рядъ вопросовъ, сходныхъ съ поставленными выше; интересно было бы дословно записать мѣстные варианты обще-русскихъ повѣрій, сказки, поговорки и т. п. Въ 1894 году, однако, дѣятельность г. Майнова была направлена преимущественно къ выясненію общественно-экономическихъ условій крестьянскаго быта, матеріалъ же этнографическій предполагалось собирать уже въ 1895 году.

Дѣятельность члена экспедиціи Э. К. Пекарскаго выразилась въ 1894 г. въ томъ, что, во 1-хъ, онъ прискалъ для экспедиціи сотрудниковъ по разнымъ отдѣламъ составленной имъ и г. Майновымъ программы; во 2-хъ, пригласилъ къ записыванію сказокъ и пѣсенъ нѣсколькихъ грамотныхъ якутовъ, изъ коихъ нѣкоторые доставили уже записанныя ими сказки и пѣсни; въ 3-хъ, по вѣзтому на себя отдѣлу („нравы и національный характеръ“) г. Пекарскій, не имѣвшій возможности работать лично, поручилъ работу двумъ лицамъ, изъ коихъ одинъ представилъ рукопись, заключающую въ себѣ отвѣты мѣстной обывательницы на всѣ почти вопросы программы по этому отдѣлу; а другой собиралъ фактической матеріалъ въ подтвержденіе или опроверженіе этихъ отвѣтовъ; въ 4-хъ, г. Пекарскій приобрѣлъ 2 копіи съ письменныхъ знаковъ, употребляемыхъ однимъ неграмотнымъ якутомъ для записей всякаго рода, съ поясненіемъ и текстомъ двухъ молитвъ, утренней и по усопшимъ; въ 5-хъ, записалъ около 70 загадокъ и около 25 носовицъ и поговорокъ, привелъ въ порядокъ составленную вчернѣ въ 1893 году таблицу якутскаго родства и дѣлалъ въ теченіе года мелкія и отрывочныя замѣтки этнографическаго характера; въ 6-хъ, проредактировалъ двѣ якутскія сказки, присланныя изъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. Общества; въ 7-хъ, главнымъ занятіемъ г. Пекарскаго была работа надъ Якутско-Русскимъ словаремъ, который пополнялся матеріаломъ, доставленнымъ какъ участниками экспедиціи, такъ и частными лицами; для той же цѣли имъ записывались новыя (не вошедшія ранѣе въ словарь) слова изъ живой якутской рѣчи, изъ писемъ и документовъ на якутскомъ языкѣ, извлечены слова изъ помннутыхъ 2-хъ сказокъ, причемъ обращено вниманіе на обогащеніе словаря фразеологіей, сдѣланы сравненія сходныхъ съ бурятскими словъ (по словарю Кастрена) и проштудированы для той же цѣли „Выпты словаря тюркскихъ нарѣчій“ академика Радлова (I—IV вып.) и „Алтайскіе инородцы“ миссіонера Вербицкаго. Въ 1895 году г. Пекарскій предполагалъ заняться исключительно обработкою своего словаря.

Г. Дмитріевъ въ 1895 году предпринялъ, при посредствѣ интеллигентныхъ инородцевъ и члена экспедиціи г. Пекарскаго, изслѣдовать положеніе инородческаго скотоводства въ Батурускомъ и Джунискомъ улусахъ, въ Намскомъ — помѣси мѣстнаго скота съ китайскимъ, давшія хорошіе результаты въ скотческихъ селеніяхъ, лежащихъ въ районахъ выше указанныхъ работъ.

Гг. Осмоловскому и Некрасову поручено было собирать свѣдѣнія: 1) о звѣроводствѣ и рыболовствѣ, и 2) объ играхъ и увеселеніяхъ, по программѣ, составленной гг. Пекарскимъ и Майновымъ. По первому отдѣлу, кромѣ точнаго описанія техники, рекомендовано обратить особенное вниманіе на бытовую сторону (охотничьи обычаи, повѣрья, предрасудки, гаданья и т. п.)

По второму отдѣлу, за отсутствіемъ въ г. Якутскѣ подходящихъ источниковъ, программа составлена очень кратко; въ нее входятъ: игры и забавы дѣтей, юношей и взрослыхъ, общественныя игры и увеселенія, игры, замѣсто-ванные у русскихъ, правила гостепріимства. Составляя планъ занятій на 1894 годъ экскурсанты рѣшили: 1, собирать матеріаловъ по второму отдѣлу начать съ 1895 года и 2, держаться вообще стационарнаго способа изслѣдованій. Райономъ для изслѣдованій было избрано селеніе Чурапчи, Батурускаго улуса Якутскаго округа, съ его окрестностями. Въ теченіе 1894 года собраны подробныя свѣдѣнія: 1, объ охотѣ на птицъ въ разныя времена года, 2, объ охотѣ на зайцевъ и 3, объ оверномъ рыболовствѣ. Лѣтомъ 1894 года экскурсанты совершили поѣздку въ Баянтайскій улусъ, гдѣ собрали свѣдѣнія объ охотѣ на медвѣдей, лосей, волковъ, лисицъ и бѣлокъ. Въ 1895 году предполагалось: 1, соби-

ратъ свидѣнія въ томъ же районѣ объ играхъ и увеселеніяхъ, 2, совершить поѣздку на р. р. Алдавъ и Амгу, для собранія свидѣній о рѣчныхъ рыболовствѣ и для проверки и дополненій всего собраннаго раѣе.

Г. Горнвиичемъ, работавшимъ надъ изслѣдованіемъ жилищъ, нищи и одежды якутовъ съ матеріальной и бытовой стороны, во программѣ составленной гг. Пекарскимъ и Майновымъ, въ 1894 г. собраныя матеріалы въ окрестностяхъ с. Чурапчи и Ытык-Коль (Ватурускій улусъ). Описаны: а) Жилща: 1) Балаганы существующихъ типовъ; 2) Амбардїи двухъ типовъ; 3) Ураса—исчезающій типъ гѣтныхъ жилищъ. б) Нища. На основаніи собраннаго матеріала установлено: 1) главная нища якутовъ—обезжиренное молоко (суорат и тар); 2) какъ вкусовія вещества и суррогаты нищи, прибавляются различными не питательными вещества (опредѣлены ботаническія названія съѣдобныхъ растений); 3) изъ хлѣбныхъ злаковъ ячмень (въ видѣ прѣсныхъ лепешекъ и оладій) употребляется якутами въ очень малыхъ количествахъ, а прочіе хлѣба и того менѣе; 4) мелкая рыбешка (мунду и кйбѣахъ) въ теченіе полугодя служитъ важнымъ подспорьемъ бѣднякамъ. Кружная же рыба и мясо—главная составная часть нищи богачей. Изъ одежды описаны: будничная и праздничная, зимняя и лѣтняя одежда якутовъ. Кромѣ того, записаны обряды при выборѣ мѣста и построекъ балагана и другихъ жилищъ и при новосельѣ въ старину, а также составлена записка о свадебномъ парѣ и объ одеждѣ и украшеніяхъ въ старину же.

Въ 1895 году предложено было сдѣлать ислѣское поѣздокъ во различные улусамъ для пополненія собраннаго матеріала и проверки его, а также съ цѣлю иллюстрировать свои работы, при помощи фотографическаго аппарата. Работы по данной темѣ едва ли окончены къ 1 января 1896 года, такъ какъ, кромѣ собранія матеріала личнымъ наблюденіемъ, предполагалось прочесть тѣ труды, авторы которыхъ хотя отчасти касались предмета данной темы.

По отдѣлу „языкъ и народное творчество“, грамматическія изысканія г. Ястремскаго заключались въ выясненія темныхъ пунктовъ якутской грамматики, причемъ руководящими для изслѣдователя были выводы Вилкнера о надежныхъ суффиксахъ тюркскихъ языковъ (Winkler, Uralalt. Volk und Sprach. Berlin, 1884 г.) Краткій очеркъ якутской грамматики будетъ приложенъ къ словарю г. Пекарскаго, въ болѣе же подробномъ видѣ результаты грамматическихъ изысканій будутъ представлены въ Восточно-Сибирскій Отдѣлъ И. Р. Г. Общества, въ формѣ мемуара. По фольклору собрано 6 пѣсень: о восходѣ солнца, о землѣ, о р. Ленѣ, о рч. Таттѣ и двѣ пѣсни о водахъ; 3 сказки: 1) Нѣургун—тоюю; 2) Нѣургун — ботур и 3) Кукуе — богъ опоніюр сіірікіа Амѣхси ікі; до 200 загадокъ и до 30 пословицъ и поговорокъ. Всѣ произведенія народнаго творчества записываются по-якутски, не переводятся на русскій языкъ впредъ до выхода въ свѣтъ словаря г. Пекарскаго. Въ 1895 году г. Ястремскій предполагалъ изучать необходимую литературу тунгусскаго, тюркскихъ и монгольскихъ нарѣчій, заняться изслѣдованіями въ области грамматики якутскаго языка нахъ надежными родителными и мѣстными, записывать произведенія народнои устной словесности, составить краткій очеркъ якутской грамматики для приложенія къ словарю г. Пекарскаго и мемуаръ о грамматическомъ строѣ якутскаго языка—для Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. Общества.

Стационарныя изслѣдованія г. Ионовъ въ области якутскихъ вѣрованій были рассчитаны, главнымъ образомъ, на выясненіе вопроса о загробномъ существованіи — въ томъ предположеніи, что въ представленіи объ этомъ предметѣ изслѣдователь найдетъ не только ключъ къ пониманію многихъ неясныхъ явленій въ области якутскихъ вѣрованій, но, что гораздо важнѣе, и руководящую нить для дальнѣйшихъ разспросовъ. Къ сожалѣнію, собранный до сихъ поръ г. Ионовымъ по этому вопросу матеріалъ не соответствовалъ важности предмета. Главнымъ же приобритеніемъ въ указываемой области якутовѣдѣнія слѣдуетъ считать выясненіе слѣдующихъ понятій о духахъ: 1) *кут—сур—уір*; 2) *Іччи* 3) *Абасы* (абасы ојуна, абасы уса); 4) *Ажы* (ајы ојуна, ајы уса). Видъ этихъ рядовъ стоятъ пока для изслѣдователя *тѣрѣб* и *танара*.

Иноходець В. В. Никифоровъ, взявшій на себя собраніе свидѣній о

семейномъ бытѣ якутовъ, въ отчетномъ году сосредоточилъ свое вниманіе на отдѣлахъ о бравахъ и свадьбахъ—съ одой стороны, и смерти и похоронахъ—съ другой. Исследователь при этомъ записывалъ обряды и обычаи, теперь уже болѣею частью несоблюдаемые и не существующіе, но извѣстные по преданіямъ и рассказамъ стариковъ. Въ своемъ отчетѣ г. Никифоровъ далъ, какъ образецъ своихъ записей, описаніе обряда „ајснѣ ат танара“,—пироводовъ богини родовъ (на 3-й или 4-й день послѣ появленія ребенка на свѣтъ).

Нѣкоторые изъ экскурсантовъ успѣли обработать собранные ими матеріалы и видѣ рефератовъ, которые и были заслушаны въ собраніяхъ комиссіи:

1) Г. Гориновича: „Жилище и пища якутовъ Батурускаго улуса въ гигиеническомъ отношеніи“.

2) Г. Виташевскаго: а) сообщеніе о двухъ шаманскихъ сеансахъ, на которыхъ присутствовалъ референтъ, и о необходимости принятія фонографа къ записыванію шаманскихъ текстовъ, и б) „Основные правила распределенія земли у якутовъ одного изъ улусовъ Якутскаго округа“.

3) Г. Ястремскаго: „О родительномъ и мѣстномъ надежахъ и о роли указательныхъ мѣстностихъ въ якутскомъ языкѣ“.

4) Г. Пекарскаго: „О Якутско-русскомъ словарѣ“ (его система, матеріалы, исторія составленія и т. п.).

Планы предстоящихъ работъ, выработанные до начала ихъ, рассчитаны были экскурсантами такъ, чтобы къ концу 1895 года закончить исследование всего Якутскаго округа. Но обиліе матеріала и сложность работъ исключаютъ эту возможность для большинства участниковъ. Закончить же работы въ 1895 г. предполагали г. Виташевскій и члены экспедиціи, работающіе въ антропологической группѣ.

В. И. Гохельсонъ, исследователь Колымскаго Округа, отправился въ г. Средне-Колымскъ въ началѣ декабря 1894 г. и только развѣ съ февраля мѣсяца могъ приступитъ къ систематическимъ занятіямъ. За отдаленностью свѣдѣній о ходѣ его экскурсій не получено ко времени составленія „Записки“.

В) Работы по изученію быта инородцевъ Оленинскаго Округа (главнымъ образомъ, принсковыхъ рабочихъ изъ якутовъ) ведутся С. Ф. Ковалкикомъ, командированнымъ непосредственно самимъ Восточно-Сиб. Отдѣломъ. Точныхъ свѣдѣній о ходѣ этихъ работъ въ Якутскѣ пока нѣтъ.

Изданіе великорусскихъ тѣсенъ.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ постановило приступитъ къ изданію большаго собранія великорусскихъ народныхъ тѣсенъ извѣстнаго собирателя Пав. Вас. Шейна, подъ его редакціей. Печатаніе этого сборника начнется въ самомъ непродолжительномъ времени. Сборникъ будетъ заключать въ себѣ преимущественно пѣсни обрядовыя, бытовые и лирическія; онъ составлялся въ теченіе многихъ лѣтъ, и въ настоящее время матеріала набралось приблизительно на 100 печатныхъ листовъ. Въ составъ этого академическаго изданія войдутъ, между прочимъ, нѣкоторые матеріалы изъ архива нашего Этнографическаго Отдѣла, которые переданы, согласно постановленію Отдѣла, П. В. Шейну для включенія ихъ въ его сборникъ въ видахъ цѣльности, съ условіемъ обозначенія именъ собирателей. Таковы собраны: 1) *Ив. Суханова*—изъ Нижнеудинскаго округа Иркутской губ., 2) *М. В. Луциной*—изъ Ветлужскаго у. Костромской губ., 3) *И. Н. Юркина*—изъ Ардатскаго у. Симбирской губ., 4) *С. Я. Дерунова*—изъ Пошехонскаго у. Ярославской губ., 5) *Як. Безрукова*—изъ Красноуфимскаго у. Костромской губ., 6) *А. Н. фон-Галлера*—изъ Смоленской губ., 7) *И. Д. Колобаева*—изъ Тамбовской, Самарской, Саратовской и Симбирской гг., 8) *Ө. Н. Баранова*—изъ Оренбургской губ., 9) *М. Костюриной*—изъ Тобольской губ., 10) *Г. П. Бронескаго*—изъ Одоевского у. Тульской губ., 11) *В. Н. Харузиной*—изъ Малоархангельскаго у. Орловской губ., 12) *А. Фортимскаго*—изъ Михайловскаго у. Рязанской губ.,

13) *М. М. Кукмина* — изъ Вологодской губ. Наконецъ, въ собраніе г. Шейна войдетъ большой сборникъ *И. А. Иванникова* — изъ Вологодской губ., оставшійся ненапечатаннымъ при изданіи его матеріаловъ по этнографіи Вологодской губ. (составившихъ IX-й томъ „Трудовъ Этнографическаго Отдѣла“), и дополненный собирателемъ впоследствии.

Поездка И. А. Федосовой въ Москву.

Извѣстная Олонецкая сказительница, воиленница и подголосница Ирина Андреевна Федосова, подобно сказителю И. Т. Рябинну (см. Этногр. Обзор. * XXIII), предприняла этой зимой во время праздниковъ Рождества Христова поездку изъ Петербурга въ Москву (въ соупутствіи преподавателя Петрозаводской гимназій П. Т. Виноградова), съ цѣлью демонстраціи образцовъ народнаго пѣнія изъ области былинъ, духовныхъ стиховъ, свадебныхъ и похоронныхъ причитаній и другихъ пѣсеней, въ которыхъ Федосова считается спеціалисткой своего дѣла, притомъ не только типичной исполнительницей, но также и самостоятельнымъ творцомъ, поэтомъ — художникомъ. Имя Федосовой давно извѣстно изучающимъ народную поэзію. Громадный матеріалъ изъ ея репертуара вошелъ въ изданія Е. В. Барсовима „Причитанія сѣвернаго края“ (1872—82, 2 тома). Висоцѣдствіи значительный матеріалъ отъ нея же записанъ О. Х. Агреневой — Славянской и изданъ въ сборникѣ ея „Описание русской крестьянской свадьбы съ текстомъ и пѣсьями обрядовыми, голосными, причитальными и завывальными, въ 3-хъ частяхъ“. (Тверь, 1887—89), гдѣ между прочимъ приложенъ и портретъ Федосовой. Нѣкоторыя записки сдѣланы отъ нея также Ѳ. М. Истоминымъ и Г. О. Дютземъ (см. „Пѣсни русскаго народа“, изд. Императорскимъ Р. Геогр. Обществомъ на Высочайше дарованнаго средства. (СПб. 1894). Во время своего пребыванія въ Москвѣ И. А. Федосова впервые исполнила нѣкоторые образцы въ частномъ собраніи у Предсѣдателя Этногр. Отдѣла, В. Ѳ. Миллера въ присутствіи нѣкоторыхъ спеціалистовъ, 24 декабря 1895 г. Затѣмъ, 8-го января 1896 г. ей было посвящено спеціальное публичное засѣданіе Этнографич. Отдѣла въ Политехническомъ музеѣ, причемъ исполненію пѣсенныхъ номеровъ Федосовой предшествовали сообщенія Предсѣдателя Отдѣла Всев. Фед. Миллера и невр. чл. Общества Е. В. Барсова, какъ объ олонецкой поэзій и ея представителѣхъ вообще, такъ о Федосовой въ особенности. Какъ на этомъ засѣданіи, такъ и на послѣдовавшемъ затѣмъ засѣданіи Славянской комиссіи Императорскаго Моск. Археологическаго Общества въ д. Предсѣдателя Общества гр. П. С. Уваровой съ участіемъ Федосовой, за нею были записаны нѣкоторые тексты и музыкальные номера, которые мы надѣемся напечатать современемъ; кромѣ того, членъ нашего Общества Ю. И. Блювъ фонографировалъ нѣкоторые нѣпѣны Федосовой, и такимъ образомъ является всегда возможность, съ его согласія, слышать Федосову въ Москвѣ, также какъ и Рябинна. Фотографія съ нея снята фотографомъ П. П. Павловымъ (имъ былъ снятъ и И. Т. Рябининъ). Помимо ученыхъ обществъ Федосова дважды выступала въ Москвѣ передъ публичной въ аудиторіи Императорскаго Историческаго музея и каждый разъ была принимаема съ большими оваціями. Отъ Этнографическаго Отдѣла ей поднесены на память серебряные часы; кромѣ того, по представленію того же Отдѣла, Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологи и Этнографіи присудило ей серебряную медаль. Заимствуемъ нѣкоторые дополнителныя свѣдѣнія о Федосовой изъ „Русскихъ Вѣдомостей“, № 356, 1895 г. — Федосова — почтенная, сѣдая старушка, 75-ти лѣтъ, небольшого роста, нѣсколько сгорбленная и прихрамывающая, но бодрая, веселая, съ пріятными чертами лица. Несмотря на свой преклонный возрастъ, отсутствіе многихъ зубовъ и одышку, Федосова причитаетъ довольно громко и можетъ пѣть, съ передышками, цѣлые часы. Неграмотная, она помнитъ до 20,000 стиховъ, и въ этомъ отношеніи далеко превосходитъ бывшаго ранѣе въ Москвѣ олонецкаго же сказителя Рябинна. Кромѣ громадной памяти, она обладаетъ даромъ импровизаціи и, усвоивъ себѣ массу народныхъ выраженій, эпитетовъ, присловій,

можетъ передавать даже простой разсказъ въ образной, складной народно-поэтической формѣ. Интересны также мотивы ея причтаній съ характерными восклицаніями, ея разнообразныхъ свадебныхъ пѣсень, наконецъ, ея былинъ (напримѣръ, о Добрыиъ Никитичѣ), которыя она поетъ иначе, чѣмъ, напримѣръ, Рябининъ. Уроженка с. Кузаранды, верстахъ въ 30-ти отъ Петрозаводска, она съ раннихъ лѣтъ отличалась повѣтливостью и бойкостью, съ любовиствомъ и интересомъ прислушивалась къ народнымъ причтаніямъ и пѣснямъ, живо запоминала ихъ и уже 13-ти лѣтъ могла сама выступить въ роли волепницы— при похоронахъ, отдачахъ въ рекруты, и подголосницы — на свадьбахъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ матеріалъ ея все увеличивался, и она приобрѣтала себѣ все большую извѣстность. 19-ти лѣтъ она вышла замужъ, по собственному желанію, за 65-лѣтняго старика и жила съ нимъ мирно и счастливо 13 лѣтъ. Послѣ того, она вышла вторично замужъ, уже за молодого (нѣсколько моложе ея) Федосова, хорошаго столера, который, не поладивъ съ «дядьей» (вдовой дяди), большухой въ семьѣ, переселился въ Петрозаводскъ, гдѣ она и прожила съ нимъ 20 лѣтъ. Здѣсь ее узналъ извѣстный Рыбниковъ, записавшій отъ нея нѣсколько былинъ (она знаетъ, впрочемъ, лишь немногія изъ нихъ), а также Е. В. Барсовъ, бывшій тогда преподавателемъ семинаріи. Овдовѣвъ вторично, Федосова осталась почти безъ всякихъ средствъ, жила у деверя и зарабатывала себѣ кое-что лишь своимъ искусствомъ. Она считалась первою волепницей во всемъ краѣ, и ее приглашали за десятки верстъ на похороны и свадьбы; но вознагражденіе даже на богатой свадьбѣ, за недѣлю ибнѣ, не превышало обыкновенно 2—5 рублей. Въ послѣдніе годы искусство Федосовой обратило на себя большое вниманіе; ее пригласили къ себѣ г-жа Агренева-Славянская, записавшая отъ нея рядъ пѣсень и ихъ мотивовъ. Затѣмъ мѣстный преподаватель русской словесности П. Т. Виноградовъ привезъ ее въ Петербургъ, гдѣ она пѣла нѣсколько разъ въ Соланномъ Городкѣ, въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Р. Географическаго Общества и въ собраніи Академіи Наукъ, причѣмъ ей была выдана медаль за ея искусство. Особенно заинтересовался ею государственный контролеръ Т. И. Филиповъ, предложившій ей даже помѣщеніе у себя въ домѣ, гдѣ она и теперь проживаетъ.

А) „ТРУДЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

in 4°.

- Бн. I.** Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи. Цѣна 3 руб.
Бн. II. Народныя пѣсни Латышей. *Ө. Я. Трейланда.* Цѣна 4 руб.
Бн. III. Вып. I. Протоколы засѣданій Отдѣла съ приложеніемъ статей. Цѣна 1 р. 15 к. **Вып. II.** Зыряне и Зырянскій край. *К. А. Попова.* Цѣна 1 руб. 15 коп.
Бн. IV. Протоколы засѣданій съ приложеніями. Цѣна 2 р.
Бн. V. Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи. *II. С. Ефименко.* Часть I, цѣна 2 руб. 50 коп. Часть II, цѣна 1 руб. 50 коп.
Бн. VI. Матеріалы по этнографіи Латышскаго племени. *Ө. Я. Трейланда.* Цѣна 3 руб. 50 коп.
Бн. VII и VIII. Протоколы съ приложеніями. Цѣна 2 руб. каждая.
Бн. IX и XI (ч. 1 и 2). Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи (3 выпуска, по 2 руб. каждый).
Бн. X. Русскіе Ловари. *Ник. Харузина.* Цѣна 3 руб. 50 коп.
Бн. XII. Шаманство. Вып. I. *В. М. Михайловскаго.* Цѣна 1 руб. 50 коп.
Бн. XIII. Астраханскіе Калмыки. *Ир. А. Житецкаго.* Цѣна 1 руб. 25 коп.

Б) „АЛТАЙСКІЕ ИНОРОДЦЫ“.

Сборникъ этнографическихъ статей и изслѣдованій. *В. И. Вербицкаго.*
Цѣна 2 руб.

В) „РУССКІЯ БЫЛИНЫ“.

изд. подъ ред. акад. *Н. С. Тихомирова* и проф. *В. Ө. Миллера*, съ прил. руководящихъ и пояснительныхъ статей, указателя, фототипии и нотъ.
Цѣна 2 руб.

„Труды Этнографическаго Отдѣла“ и журналъ „Этнографическое Обзоріе“ циркулярными распоряженіями Г. Министра Народнаго просвѣщенія рекомендованы для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки всѣхъ среднеучебныхъ заведеній.

Примечаніе. Учебныя заведенія пользуются уступкой 40% при покупкѣ „Трудовъ“, кромѣ вв. I и II, которыя изданы на частныя средства.

- Обзоръ, изд. въ Тифлисѣ, (ред.—изд. Н. Николадзе). 1878—8—10—13—14—17—22—28—31—53 Малай Азія по Nouveau dictionnaire de géographie universelle. M. Vivienne de Saint-Martin. Paris. 1877.—11, 13. Литературное движеніе во Франціи въ 1877 г.—Письмо изъ Зугдиди о нравахъ свановъ—11, 12, 14. Судъ присяжныхъ на Кавказѣ. *А. Френкель*.—15, 32, 39. Ардаганъ (этногр. очеркъ Верхней Карталинѣ) *Ар. Куташеладзе*.—41. Армяне въ Карсскомъ санджакѣ. *Н. Ахаледзиани*.—47. Послѣдовательность и нравы туземной печати.—55. Длительность Торماسова на Кавказѣ.—63. Библи. Transcaucasian and Ararat by James Bruce.—88. Засѣданіе Кавказ. Общ. любит. естествознанія. *А. Багумовъ*.—137. Земледѣльческая школа въ Закавказьи.—149, 150. Научная литература о Кавказѣ—161, 162. Гор. Нуха.—163—5.—Кутанъ *Г. Сеиалъ*.—170, 176, 207, 214, 217, 218, 224. Армянская пресса въ Россіи—181. Библи.: Книга мудрости и лжи, пер. *А. Цагарели*.—187—189, 191—8. Ватумъ въ лавѣ. *Д. Бахрадзе*.—202. „Голосъ“ о грузин. языкѣ.—222, 223. Ахалцхъ.—225, 22'. Библи.: Задачи климатологии Кавказа, соч. *Б. Статковскаго*.—2: 0. Поземельный вопросъ въ Карсской области.—237. О духоборахъ.—239, 241. Изъ жизни М. Азіи.—245. Гор. Гори. *Г. Сеиалъ* (истор.-статистич. очеркъ)—256, 258. Библи. Археол. путешествіе по Гуріи и Адхаръ *Дм. Бахрадзе*. Сиб. 1878.—329. Гор. Душетъ. 1879 г. 351 (8-го янв.) Населеніе Владикавказскаго округа.—363, 369. *Макроевъ, Т.* Турецко-татарскій языкъ и его нарѣчія.—366. *Н. П. П.* Къ вопросу объ изученіи Кавказа (предлагается составить предварительно „толковыя руководства къ изученію туземныхъ языковъ“).—1880.—381 (4 янв.). Темуръ-Ханъ-Шура (корр.): о непривычности дагестанскаго населенія къ труду. 389, 390 (перед. ст.), Ожидаемая экспедиція въ Мервъ.—416—417. 425, 437.—*Пашиню, П.*, По забытой сторонкѣ (мѣста, прилегающія къ Персидскому заливу). I. Отъ Бушира до Исфaghана. 421. *Ю. П.* Къ вниманію устройствелъ V Археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ. I. Неизданныя карты царевича Вахушта. II. Третій пещерный городъ на Кавказѣ. III. Исчезнувшіе пергаменты на Кавказѣ.—432. Наши отношенія къ Персіи (перед. ст.).—418, 422, 452, 429. 434, 440, 451. *Пашиню П.* О живыхъ и мертвыхъ (изъ литературныхъ воспоминаній).—441, 442, 443. Очеркъ армянской исторической литературы (профессора *К. Паткамова*, пер. *Ек. Басидомовой* съ армянскаго изъ 1-й кн. журн. „Породъ“, за 1880 г.)—445, 447, 478, 525, 526. *Пашиню П.* По забытой сторонкѣ. II. Исфaghанъ—Джульфа.—446. *Шахстаинскій, Мамедъ*, Неврузъ—Найбрамъ (изъ мусульм. ред. вѣр.).—465. *Жуковъ Г. П.* Пашиню и остатки его воспоминаній.—464. Первая Грузинская лекція (фельетонъ): Г. Церетели о древней эпохѣ исторіи Грузин. 466. *Церетели Г.* Перв. груз. лекція (письмо къ редактору). 467. По поводу письма г. Церетели (фельетонъ).—479, 482, 488, 491, 496, 503, 504, 519, 531, 550. *Пуриеладзе Дмитрій*, Грузинскіе церковные гуджари (граматы) (Матеріалы для археологическаго съѣзда).—512. *Пуриеладзе Д.* Матеріалы для ознакомленія съ исторіей Грузин.—521. Осетинскія дѣла (перед. ст.; упомин. и нѣк. стар. обычай осетинъ).—535. Гелатская свѣтня (монастырь Гелатскій).—539, 540, 542, 544, 545, 546, 547, 548, 551, 552, 553, 556. *Верже, Ад. П.* Присоединеніе Грузинъ къ Россіи. 1799—1831 (перепечатка изъ „Русс. Стар. за 1880 г. май—іюнь“).
- Закавказскій Вѣстникъ. 1838.** — 3. Отрывокъ изъ грузинской исторіи о началѣ основанія Иверскаго монастыря на Аюнской горѣ X в. по Р. Х. *А. Мароевъ*.—4—6. Святая Нина. Стихотвореніе *А. Марсова*.—7. Отрывокъ изъ грузинской исторіи о царствованіи Тамары 1171 г. *Его же*.
1839. 7. О запрещеніи владѣть крестьянами лицамъ не христіан. исповѣданія.—20. Объяв. продажъ съ публичнаго торга трехъ семействъ крестьянъ изъ 6 душъ мужского и 6 женск. пола съ ихъ имѣніемъ.—50. О жизни и дѣяніяхъ груз. царя Ираклія II. *А. Мароевъ*.
1840. 29. Отъ груз.-лимер. губ. правленія о публичной продажѣ крестьянъ. 32. Продажа крестьянъ въ удовлетвореніе долга кн. Амилахвари.

*) Газета вновь (послѣ 2 февр. 1879 г.) прекратилась 10 іюля 1880 г.

1841. 19. Продажа сада казен. крестьянина въ удовл. долга чиновника Амброва.

1842. 22. Дѣло о присвоеніи въ крестьянство.

1843. 14. О продажѣ крестьянъ съ землей и имуществомъ.

1844. 20. О порядкѣ производства дѣлъ по уголовнымъ преступленіямъ лицъ, именующихъ себя азнаурами.

1846. 1. Св. Нина. II. I. 2. Актъ въ Тифлис. гимназіи II. I. — 3. Лѣтоисчисленіе грузинское II. I. — 3, 4. Миртконскій монастырь. — 5. Древнія названія груз. мѣсяцевъ. — Посольство отъ царя Костентина до королевы Гвншпанской Елсбеты. — 6. Дербентскія врата въ Пиреніи. II. I. — Давидъ Возобновитель. 17. Груз. устный календарь II. I. — Статистика нар. просв. въ Закавказьѣ къ 1845 г. — 8, 9, 10. Кн. П. Д. Цицановъ, А. В. — 11. Гурія и владѣтельныя Гурійскіе князья. — Осет. граммат. акад. Шегрена. — 12. 13, 14, 16. Шю-Мавинская пустынь II. I. — 18. Кахкскій храмъ. — 19, 20. Восхожденіе на Казбекъ г. Коленати. — 19, 20. Улисъ — цн хе. — 21 — 28. Путевныя записки по Кахетіи II. I.

1848. 1. Рѣчь кн. Г. Эрнстова царю Георгію XIII въ 1798 г. по случаю полученія имъ отъ имп. Павла царской регалии. — 3. Телелсъ. — 4. Тавризь. — 5. Походъ Аргонавтовъ въ Колхиду — 6, 8. Различ. наименованія грузинъ. — 7. Взглядъ на истор. событія въ Грузіи XI и XII вв. И. Евлановъ. — Погребальныя обряды груз. царей. — 13. Зедазенскій монастырь. М. Чиллаевъ. — 14 — 18. Живеописаніе Ага-Магометь-хана. — 16. Путешествіе въ Гокчайской области. — 20, 21. Кочующая Тушетія. В. Цискаровъ. — 21. Ком. „Горе отъ ума“. — О древнихъ названіяхъ грузинъ и мингреловъ. Кн. Баратовъ. 22. Поѣздка въ Кахетію С. С. 23 — 25. Царица Тамара по Вахушту. — Алаверскій праздникъ.

1847. 3. Татарскія пѣсни. — 4. Жизнь Теймуразъ-хана. — 4, 21. Кабарда. — 7, 8. Очерки Кахетіи. — 18. Возстановленіе Мартконскаго монастыря. — 23. Ассирійскія древности. — 22, 23, 24. О народномъ богатствѣ въ Каспійской области. Кавказская Старина 1872. I, V. Кавказская археологическая лѣтопись. — II. Объ историческомъ значеніи солнца у армянъ, III. Объ иконѣ Спаса въ Тифлисскомъ Анчисхатскомъ соборѣ. IV. Монастырь Ахтала. V. Взглядъ Эчмиадзинскаго армянскаго духовенства на крѣпостное право. VI. О причинахъ убійства Грибоѣдова. VII. Письма архіеписк. Іосифа Аргутинскаго о Грузіи. VIII. Карабагскіе армянскіе монахи въ Грузіи съ 1800 — 1808. IX. Обычай ношенія бороды и волосъ у армянъ. X. Ахнатскій монастырь. IX. О чумѣ въ Тифлисѣ въ 1797 г. и о задержаніи царемъ Георгіемъ XII въ Грузіи принадлежащаго Эчмиадзинскому престолу священнаго копія. XII. Письмо армянскаго патріарха Ефрема къ кн. Я. Н. Голицыну.

XIII. Путевныя записки по Мингреліи Кн. Р. Д. Эрнстова.

XIV. О предполагаемомъ Обществѣ любителей Кавказской археологіи.

XV. О крестьянскомъ сословіи въ Мингреліи. Кн. Д. Эрнстова.

XVI. Смутные годы Эчмиадзинскаго патріаршества (1798 — 1809).

XVII. Письмо начальника гражданскаго управленія Закавказскимъ краемъ П. А. Ларинскаго къ Патріарху Нерсесу V, отъ 2 марта 1846 г.

XVIII. Вступительная лекція Э. Дюморье по каеедрѣ армянскаго яз. и литературы. Пер. кн. Н. А. Д.

XIX. Начало печати у армянъ въ XVI ст.

XX. О привилегированныхъ сословіяхъ въ Мингреліи Кн. Р. Д. Эрнстова.

XXI. Лѣтописи протоіерея Тера — Огана Воскерчанцъ.

XXII. Открытіе Эчмиадзинскаго Армяно-Григоріанскаго Синода.

XXIII. Исторія Грузіи на основаніи новыхъ изслѣдованій. Д. Баградзе.